

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 1 (49)

2004

КОЛАКОВСКИЙ ОБ ОБЩЕЙ СУДЬБЕ ЛЮДЕЙ

Бальцерович о крахе социалистических экспериментов

ПОМЯНОВСКИЙ О НАШИХ ДРУЗЬЯХ И НЕДРУГАХ

К.И.ГАЛЧИНСКИЙ: Три поэмы

Наши люди: Анджей Цолль

Зофья Куц: ЗАПАХ ГРИМА

ВИКТОР ЕРОФЕЕВ ГЛАЗАМИ ГЖЕГОЖА ПШЕБИНДЫ

Ежи Штур: Зачем я стал актером

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 1(49)
2004
ЯНВАРЬ

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Лешек Колаковский 3
СУДЬБА ЛЮДЕЙ — ОБЩАЯ

Виктор Кулерский 5
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Лешек Бальцерович 10
ЭКСПЕРИМЕНТЫ И РЕФОРМЫ

Ежи Помяновский 12
СЕГОДНЯ У НАС ТОЖЕ ЕСТЬ РУССКИЕ ДРУЗЬЯ

Ян Стренковский 16
ЧЕМ ЖИВУТ РУССКИЕ В ПОЛЬШЕ

Лешек Вонтрубский 22
ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА МОРЯКАМ

НАШИ ЛЮДИ
Томаш Поткай 23
ЮРИСТ В ТРЕТЬЕМ ПОКОЛЕНИИ

Тереса Черневич-Умэр 28
МАРЕК НОВИЦКИЙ

Марек Новицкий 30
О ДЕМОКРАТИИ И ТЕРПИМОСТИ

Тадеуш Нычек 31
ЗАВОРОЖЁННЫЙ ГАЛЧИНСКИЙ

Константы Ильдефонс Галчинский 34
ТРИ ПОЭМЫ

Михал Гловинский 52
ПАМЯТНЫЙ УРОК

	Агата Тушинская СОВРЕМЕННОИЦА	57
	Зофья Куп ЗАПАХ ГРИМА	59
	ТАК СЧИТАЛ СКШИПОШЕК <i>Звуковая дорожка документального фильма Анджея Титкова</i>	64
	Гжегож Пшебинда РОССИЯ В ПРЕДДВЕРИИ СТРАШНОГО СУДА	71
	Валерий Мастеров БУЛГАКОВ В ПОЛЬШЕ КАК ДОМА	73
	Ольгерд Будревич КОРОЛЕВА КОВРОВ	75
	Агнешка Майле В КОВРОВОМ ЗАЛЕ	77
	Лешек Шаруга ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ	78
	Янина Куманецкая ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ	81
	Ирина Юренская НАГРАЖДЕНИЯ	85
	Катажина К. Гардзина ВИРТУАЛЬНЫЙ ТЕАТР	87
	Я ДОВЕРЯЮ МОИМ НАБЛЮДЕНИЯМ, НЕ ЗАБЫВАЯ И О ПСИХОЛОГИИ <i>Беседа с Ежи Штуром</i>	89

Редакционный совет

Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Чёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер (зам. гл. редактора)
Кристина Пашек (секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих (зам. гл. редактора)
Станислав Филипчак
(ответственный секретарь)

Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция

Кацпер Ванчик

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: (0-22) 608 27 95; 608 25 65
факс: (0-22) 608 25 05; 608 27 96
e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о журнале

для стран СНГ:
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская,
д.15, кв. 49

тел.: 280-83-52
e-mail: mik@mecom.ru

Издатель

BIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

По поручению
Министерства Культуры
Республики Польша

Тираж 4800 экз.

Лешек Колаковский

СУДЬБА ЛЮДЕЙ — ОБЩАЯ

Вы намерены обсуждать вопрос о терпимости и ее пределах, а также заняться ликвидацией проявлений расовой и этнической ненависти, которые создает человеческая глупость, темнота и подлость. Мне очень нравится задуманное вами дело, и, конечно, я поддерживаю его безоговорочно.

Как все мы знаем, неприязнь, подозрительность и, в конечном счете, ненависть ко всему чуждому и ко всем чужакам — такое явление, которое сопровождает историю человечества с незапамятных времен, притом можно оказаться «чужаком» по разным причинам: другой религии, другого языка, другой национальности, другого цвета кожи. Впрочем, история учит нас не только тому, что вражда к чужакам заурядна, исторически укоренена и зачастую ведет к самым страшным преступлениям, но и тому, что с ней можно успешно бороться, если есть настоящая готовность это делать.

В III веке до Р.Х., 23 столетия назад, царь Ашока в северо-восточной Индии (отметим, что подвластная ему территория включала значительную часть сегодняшнего Афганистана с Кабулом, Гератом, Кандагаром — городами, известными нам по недавним драматическим событиям) был так потрясен жестокостями и страданиями во время войны, которую вел он сам, что решил переменить людские нравы и в поисках мудрости обратился в буддизм. Он издал указы, повелевая уважать все религии — ибо считал, что сосуществование разных религий всем на пользу, — защищать беззащитных, а также не причинять мучений животным.

Эти указы были первым известным в истории правовым документом, который вводил религиозную терпимость. Но и религиозная история Европы, несмотря на множество войн и ненависти, не представляет собой непрерывную цепь гонений. В XVI-XVII вв. лучшие из христианских писателей (хотя этих лучших было не так уж много) провозглашали религиозную терпимость, и власти разных стран тоже провозглашали и предписывали ее — тут можно назвать Нидерланды, но также и Польшу, где принимали беглецов из других стран, претерпевавших гонения по религиозным причинам.

Эта терпимость не была ни вполне последовательной, ни устойчивой. В Польше она завершилась изгнанием ариан, во Франции — отменой Нантского эдикта, обеспечивавшего права протестантского меньшинства. И там и тут результаты для страны оказались хуже некуда.

Говоря о терпимости, мы имеем в виду не только правовые предписания, которые запрещают притеснять и преследовать людей в уголовном порядке за их взгляды — религиозные или иные, — а также за такие действия, которые, возможно, нам не нравятся (если они не нарушают общественного порядка и принципов человеческого общежития). Мы имеем в виду также отношение отдельных людей к тому, что им чуждо. Нашу способность рассматривать других людей, в том числе по тем или иным причинам чуждых, с доброжелательным вниманием. Терпимость, разумеется, не означает снисходительности ко злу: различные проступки и подлости должны быть наказуемы, ибо не все мы по природе добры, лишены ненависти, алчности, зависти. Но мы настолько содействуем улучшению мира, насколько способны к терпимости и вере в то, что судьба людей — общая, что она охватывает всех людей до единого. Следует, однако, отметить, что, когда мы говорим о людях другой национальности, языка или цвета кожи, слово «терпимость», собственно говоря, неуместно. Они нам чужие, мы их, может быть, плохо понимаем, но это такие же люди, как мы, хорошие или плохие.

Предрассудок, согласно которому те или иные этнические или расовые группы ниже нас, хуже или нравственно отстают, — это зловещий, отравленный источник самых страшных массовых преступлений. Но точно так же, как мы не говорим о «терпимости» к рыжеволосым или голубоглазым, нет смысла говорить, что мы обязаны проявлять «терпимость» к людям другого языка или расы.

Разнообразие культур и языков, разнообразие человеческих характеров и способностей создает великое богатство цивилизации, и глупо было бы требовать, чтобы все были одинаковы.

Сегодня все мы — свидетели далеко еще не оконченной войны, разоженной террористическими нападениями. Их совершали темные, ослепленные фанатики-мусульмане, полные ненависти к христианской цивилизации, ненависти к евреям и ненависти к Западу. Знающие дело люди говорят нам, что этот преступный фанатизм —

отнодь не какая-то естественная черта ислама, что террористы представляют собой лишь маргинальную горстку мусульман. Это, наверное, так, но нынешняя война воочию показывает нам весь ужас религиозной и цивилизационной вражды. Джонатан Свифт в «Путешествиях Гулливера» описал кровавую войну, которую вели два королевства. Это была идеологическая война: речь шла о том, с какого конца разбивать яйцо всмятку — с тупого или с острого. У Свифта это было описанием войны за догматы, религиозной войны.

Во всех европейских странах, в том числе и в Польше, есть своя история сосуществования с национальными меньшинствами. История эта складывалась по-разному, и почти нигде не обошлось без самых разных конфликтов, давления, иногда — гонений, иногда — резни. Особо выделяющимся меньшинством были евреи, рассеянные по всем странам и почти везде подвергавшиеся разнообразным ограничениям или преследованиям. Польша давних времен, похоже, поворачивалась к евреям не худшей своей стороной: она давала им различные права и самоуправление. Грубый антисемитизм нарастал в нашей стране в межвоенные годы, случались и погромы. Долгое время евреи были культурно замкнутыми, приверженными своим обычаям, религии, языку, одежде. Со временем, однако, многие из них ополячились, и среди этих поляков из евреев были люди, чрезвычайно обогащавшие нашу культуру: писатели, мастера польского слова, такие, как Тувим, Слонимский или Лесьмян, выдающиеся ученые, такие, как Хиршфельд, Тарский, Инфельд, выдающиеся музыканты, замечательные врачи и юристы. Гитлеровский геноцид довел еврейскую общину в Польше и других оккупированных странах почти до полного уничтожения. Жертвами этого преступного режима пали и миллионы поляков-неевреев. Почти невозможно поверить, что сегодня в Польше, где в результате истребления при оккупации и послевоенных волн эмиграции осталась всего горстка евреев, до сих пор находится место для темных людей, повторяющих антиеврейские лозунги и идиотскую ложь. Конечно, этих темных людей нельзя отождествлять с культурной жизнью нашей страны, где прилагается много усилий, чтобы охранять памятники многовекового сосуществования, изучать историю еврейского народа и т.п., но распространение антиеврейских лозунгов покрывает позором нас всех. От этой грязи, к сожалению, не свободна и католическая Церковь — несмотря на множество чрезвычайно ясных высказываний Папы, а также наших священников и епископов.

Некоторые говорят, что у евреев горестные заслуги перед нашей страной в послевоенные годы. Это верно: некоторые евреи принимали участие в преступных делах сталинского режима. Не говоря, однако, о том очевидном факте, что участие в этом они принимали не потому, что были евреями, а потому что были коммунистами, как статистические, так и исторические данные показывают нам несомненно, что среди этих «заслуженных» было куда больше поляков, ничего общего с еврейством не имевших. Еще нам говорят: «Но евреи же ненавидят Польшу и поляков». Действительно, существуют евреи, которые относятся к Польше неприязненно или даже враждебно. Понятно, что там, где существует племенная или этническая враждебность, она никогда не развивается только с одной стороны, но всегда взаимно. По моим наблюдениям, больше всего этой враждебности среди американских евреев, которые знают о Польше не намного больше, чем поляки-жидоморы знают о евреях. Куда меньше она в Израиле, среди людей, которые когда-то жили в Польше. Можно смело предположить, что те сопляки, которым кто-то велит писать на стенах антисемитские лозунги, в жизни не видели еврея своими глазами и понятия не имеют, о чем тут идет речь.

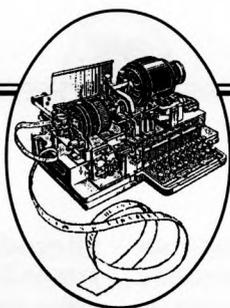
Всякие грязные газетки и брошюры, которые выходят в Польше так же, как и всякие голоса, которые иногда раздаются среди Полонии в разных странах (в частности, бредни, которые произносит председатель Конгресса американской Полонии), успешно содействуют тому, чтобы в Америке и других странах у нас была репутация темных людей, подобных авторам этого мусора.

Все это вещи хорошо известные, которые, к сожалению, все-таки приходится и следует повторять.

Оксфорд, 21 января 2002

gazeta
WARSZAWA

Публикуемый текст крупнейшего польского философа Лешека Колаковского напечатан в лодзинском приложении к «Газете wyborчей», а написан по просьбе объединения «Институт терпимости» с мыслью об участниках операции «Разноцветная альтернатива», уже три года проводимой в Лодзи по инициативе «Газеты wyborчей». Несколько тысяч лодзинских школьников, студентов, политиков и журналистов во время этой операции закрашивают расистские и фашистские надписи на стенах города. Во время последней операции состоялся бесплатный просмотр кинофильмов о духе терпимости, можно было также посетить храмы разных религий и вероисповеданий, в том числе православную церковь и синагогу.

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• Янина Охойская из «Польской гуманитарной акции»: «[В Ираке] мы ремонтируем и оборудуем 16 школ, 7 молодежных центров, спортклуб, 6 очистных сооружений и водозаборов. Все это стоит около 650 тыс. долларов. Мы помогаем в основном на американские деньги, но помощь ассоциируется с Польшей. Безопасность? Мы живем в скромном домике в бедном квартале, ездим на скромной машине местного производства, с уважением относимся к людям, с которыми работаем, подражаем на ремонт местные фирмы и тем самым обеспечиваем работой многих людей. Мы нужны им, а иракцы умеют быть благодарными». («*Тыгодник повшехний*», 23 ноября)

• Губернатор иракской провинции Карбала Акрам Аль-Ясири: «Мы благодарны полякам, командующим международными силами в нашей провинции. Они прекрасно справляются со своими обязанностями. Мы часто встречаемся с польскими офицерами. На праздники, организуемые поляками, приходит элита провинции: шейхи, старейшины, генералы. Это о чем-то свидетельствует. Наше сотрудничество складывается хорошо». («*Жечпосполита*», 5 дек.)

• Варшавская фирма ОПТО стала первым польским предприятием, заключившим контракты в Ираке. Один из проектов касается поставок во многие иракские города, в т.ч. в Багдад и Басру, телекоммуникационного оборудования, другой — кабелей на световодах. («*Жечпосполита*», 13 ноября)

• Согласно опросу ЦИОМа, присутствие польской армии в Ираке одобряют 28% поляков. Против высказываются 67%. («*Газета wyborcza*», 28 ноября)

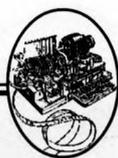
• Проф. Лешек Колаковский получил премию им. Джона В. Клуге, присуждаемую Библиотекой Конгресса США. В этом году премия была вручена впервые. Колаковский был одним из двух тысяч кандидатов. Отбор продолжался два года, а в финал вышли 14 человек. По мнению жюри, «Лешек Колаковский продемонстрировал интеллектуальное банкротство марксистской идеологии в рамках советской системы. Его голос имел фундаментальное значение для судеб Польши и всей Европы». («*Политика*», 15 ноября)

• Адам Михник: «Наряду с Горбачевым и Яковлевым он [Шеварднадзе] принадлежал к числу самых выдающихся деятелей перестройки. Это он изменил внешнюю политику СССР, отказавшись от

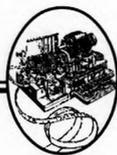
доктрины Брежнева. Уже за одно это поляки должны быть ему благодарны. Я познакомился с ним в Варшаве, когда осенью 1989 г. он давал интервью «Газете [выборчей]». Это было нечто из ряда вон выходящее: член советского политбюро беседовал с польским антикоммунистом (...) Грузия не была демократией британского типа, но она не была и диктатурой вроде Туркменистана. Если бы Шеварднадзе ушел два года назад, сегодня он был бы грузинским национальным героем (...) Шеварднадзе не понимал, что мир изменился, а вместе с ним изменилась и Грузия; что даже в условиях ограниченной демократии должны соблюдаться какие-то правила. Фальсификация выборов была нарушением всех правил (...) Он был надеждой Грузии, а стал ее проклятием. Но он ушел сам, не подвергая родину опасности кровопролития. Что ждет теперь Грузию, прекрасную страну благодарных людей?» («*Газета wyborcza*», 24 ноября)

• Адам Михник: «После воскресных выборов в российскую Думу выдавший виды поляк может сделать три вывода. Во-первых, россияне выбрали такой парламент, какой хотели, и этот выбор — их личное дело. Во-вторых, на пути построения демократии они явно сделали шаг назад. Подавляющий перевес партии власти, окруженной сочувствующими ей националистическими, популистскими и откровенно имперскими силами, а также изгнание из парламента и без того слабых партий, отстаивающих демократические ценности, угрожает свободе слова, плюрализму и, наконец, самой России. Все это делает Россию более замкнутой от внешнего мира и тормозит либеральные реформы. В-третьих, перед лицом такого поворота российской политики в сторону имперской идеологии у поляков могут быть основания для опасений. В связи с этим они должны еще решительней добиваться интеграции с Западом и такими его структурами, как НАТО и Евросоюз. Европа же в целом должна заново осмыслить свою политику по отношению к Украине и другим постсоветским государствам». («*Газета wyborcza*», 9 дек.)

• Во время визита в Киев маршал Сейма Марек Боровский заявил, что позиция Польши основана на уважении к территориальной целостности и суверенитету Украины в целом и острова Тузла в частности. («*Жечпосполита*», 18 ноября)

- Находясь с визитом в Варшаве, министр иностранных дел России Игорь Иванов сказал: «Речь идет о том, чтобы в процессе расширения Евросоюза избежать таких шагов, которые — пусть даже временно — ухудшили бы наши торговые связи. Именно об этом мы говорили в Варшаве. Пока что нам удалось договориться о начале соответствующих переговоров». («Жечпосполита», 27 ноября)
- «Польско-норвежский контракт, который должен был обеспечить Польшу поставки альтернативного (нероссийского) природного газа, не вступит в действие». («Жечпосполита», 3 дек.)
- «Практически «Газпром» получил монополию на поставки газа в Польшу: вчера норвежский «Статойл» расторг заключенный два года назад договор (...) Контракта с Норвегией добивалось правительство Ежи Бузека (...) В начале прошлого года правительство Лешека Миллера исключило из основных положений энергетической политики государства фразу о том, что концерн «Польская нефте- и газодобывающая промышленность» обязан обеспечить прямые поставки газа из нероссийских месторождений». («Газета wyborcza», 3 дек.)
- По подсчетам Всепольской экономической палаты, на территории Белоруссии действует около 250 предприятий с участием польского капитала. 150 из них полностью контролируют польские предприниматели; 25-28 являются представительскими польских предприятий и компаний. Как сообщил посол Белоруссии в Польше Павел Латушка, по оценкам властей Белоруссии, в 2003 г. белорусский экспорт в Польшу, стоимость которого составила в прошлом году почти 230 млн. долларов, возрастет на 60%. Динамика польского экспорта схожа — планируется его увеличение на более чем 50% по сравнению с 2002 г., в котором его стоимость составила около 260 млн. долларов. («Жечпосполита», 12 ноября)
- Верховный суд вынес прецедентный приговор, по которому граждане Польши, чье имущество [в результате послевоенной репатриации] осталось на восточных землях, имеют право на компенсацию. Право на полную компенсацию за движимое и недвижимое имущество давали т.н. республиканские соглашения 1944 г., подписанные с Белорусской, Литовской и Украинской ССР. Вследствие ошибок, проволочек и препятствий со стороны польских властей, распоряжавшихся государственным имуществом, около 80 тыс. репатриантов и их наследников до сих пор не получили никакого эквивалента своей собственности. Приговор Верховного суда дал им возможность добиваться справедливости. («Жечпосполита», 22-23 ноября)
- В октябре размер средней заработной платы составил 2331 злотый. Это на 1% меньше, чем в сентябре, но на 3% больше, чем год назад. Цены по сравнению с прошлым годом выросли на 1,3%. («Политика», 29 ноября)
- «Ситуация на рынке зерна все еще нестабильна. Правда, пшеница уже не дорожает (...) зато продолжает дорожать мука. С пятницы за килограмм муки приходится платить больше злотого, т.е. на 30% больше, чем две недели назад (...) После Нового года потребители будут неприятно удивлены ценами на хлебобулочные изделия». («Газета wyborcza», 6-7 дек.)
- По данным Главного статистического управления (ГСУ), в период с февраля по октябрь безработица уменьшилась с 18,7 до 17,5%. («Жечпосполита», 25 ноября)
- В начале 80-х в Польше курили 70% мужчин и 40% женщин. Сейчас курят менее 40% мужчин и 19% женщин. Число курящих уменьшилось с 13 до 9 млн. человек. («Впрост», 7 дек.)
- 2% высших менеджерских должностей занимают в Польше женщины. В Евросоюзе это число составляет 2-3, а в США — 10%. В среднем звене управления женщины составляют в Польше 33, в Евросоюзе 18, а в США — 41%. («Впрост», 30 ноября)
- Из анкеты Государственной трудовой инспекции следует, что более половины польских женщин ощущают дискриминацию на работе. Уже во время собеседования 18% женщин чувствовали себя дискриминированными вопросами, касающимися их личной жизни, а 3% были вынуждены подписать заявление о том, что в период трудоустройства они обязуются не забеременеть. («Газета wyborcza», 29-30 ноября)
- По данным ГСУ, в 1996 г. в сфере услуг работало 42,6% всего занятого населения Польши, а в 2002 г. — уже более 50%. («Ньюсуик-Польша», 30 ноября)
- Расходы на управленческий аппарат возросли с 1,7 млрд. злотых в 1993 до 8,1 млрд. в 2003 году. В 2004 г. они должны составить 9,4 млрд. злотых. Общее число чиновников составляет 520 360 человек. («Впрост», 23 ноября)
- В начале 2000 г. только у 18% из 100 тыс. польских полицейских было законченное высшее образование. Теперь таких полицейских 24%. Желающих работать в полиции так много, что принимают почти исключительно выпускников вузов. Зарплата начинающего полицейского составляет 1300 злотых на руки. Чтобы получить средний офицерский чин, нужно проработать около 10 лет. Разница в зарплате составляет около 700 злотых. («Ньюсуик-Польша», 30 ноября)
- Согласно докладу Европейской комиссии «Образование и просвещение-2010», одна из причин слабой конкурентоспособности польской экономики и высочай-

шей в Европе безработицы кроется в недостатках образовательной системы, которая выпускает слишком мало людей с высшим образованием и пренебрегает профессиональной переподготовкой на протяжении всей жизни. (*«Газета wyborcza», 24 ноября*)

• **Государственная комиссия по аккредитации закрыла или приостановила набор на 16 отделений вузов из-за низкого качества образования. В семнадцати случаях речь идет о государственных вузах, в девяти — о частных.** (*«Газета wyborcza», 25 ноября*)

• «В нынешних условиях в Польше невозможен длительный период быстрого экономического роста. Если бы ВВП начал расти быстрее, чем сейчас, оказалось бы, что высокий темп роста не может удержаться из-за запущенной инфраструктуры. У нас слишком мало хороших дорог, больших аэропортов, а многие предприятия не в состоянии совершать финансовые операции из-за отсутствия профессионалов и компьютеров». (*Антоний Ковалик, «Жечпосполита», 1 дек.*)

• **В 2002 г. потери, понесенные в результате раскрытых экономических преступлений, составили 827 млн. злотых. В первых трех кварталах 2003 г. они составили уже 1,8 млрд. злотых. По разным оценкам, это около 80% всех потерь, связанных с нарушением закона в Польше.** (*«Газета wyborcza», 2 дек.*)

• По мнению аудиторско-консультационной фирмы «Делуатт», самые частые и опасные формы злоупотреблений на польских предприятиях — это коррупция, необоснованные закупки и манипуляция конкурсами. Это серьезная проблема польской экономики, ограничивающая приток иностранных инвестиций. (*«Жечпосполита», 3 дек.*)

• **В первом полугодии 2003 г. в судах были заслушаны дела 54 тыс. человек, управлявших машиной в нетрезвом состоянии. Обвинительные приговоры вынесены в отношении 52 тысяч. К лишению свободы приговорены 25 тысяч, однако в 97% случаев — условно.** (*«Жечпосполита», 24 ноября*)

• По данным опроса ЦИОМа, ноябрь был очередным месяцем падения популярности правительства и премьер-министра. Правительство негативно оценивают 51% поляков, а премьера — 70%. (*«Жечпосполита», 22-23 ноября*)

• Из интервью с министром юстиции Гжегожем Курчуком: «Если «Союз демократических левых сил» (СДЛС) не перестроится сверху донизу, мне будет страшно за будущее моей партии. Наши структуры полны людей, с которыми я охотнее всего сразу бы расстался. СМИ то и дело выявляют большие или меньшие аферы (...) Нельзя бесправно пользоваться различными правами и доить государство сверх всякой меры: Польша не выдержит этого и развалится. Тогда мы окажемся в ситуации Белоруссии, а уж этого общество нам не простит». (*«Жечпосполита», 28 ноября*)

• Министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич: «Ошибки, допущенные СДЛС, характерны для всей польской политической сцены. Их суть заключается в мышлении о государстве в партийных категориях, в отношении [к государству] как к вещи, которую после прихода к власти можно между собой делить. Это ведет к тому, что в отдельных политических партиях развивается сознание «осажденной крепости». В «осажденной крепости» за своими не приглядывают — ведь нужно защищаться от чужаков. В долгосрочной перспективе это отбивает у способных, компетентных, обладающих чувством собственного достоинства людей желание активно участвовать в политической жизни. С точки зрения скандалов, проблем с прокуратурой, примитивности мышления и моральной вульгарности, такого Сейма, как нынешний, у нас не было уже давно. Я говорю обо всей политической сцене — к сожалению, также и о моей среде». (*«Газета wyborcza», 21 ноября*)

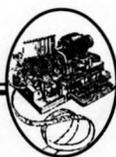
• Согласно опросу ЦИОМа, если бы парламентские выборы состоялись в ноябре, первое место заняла бы «Гражданская платформа», набрав 22% голосов. Далее следовали бы: СДЛС (20%), «Право и справедливость» (14%), «Самооборона» (14%), «Лига польских семей» (6%), крестьянская партия ПСЛ (6%), «Уния труда» и «Уния свободы» (по 4%). (*«Газета wyborcza», 19 ноября*)

• По данным проведенного ЦИОМом исследования уровня доверия к политикам, президенту Александру Квасневскому доверяют 74% поляков, депутату Яну Роките (члену комиссии Сейма, расследующей «аферу Льва Рывина») — 51%, а лидеру ПСЛ Ярославу Калиновскому — 44%. Меньше всего доверия вызывает премьер-министр Лешек Миллер: ему не доверяет 61% опрошенных. За ним следуют Лешек Бальцерович с 52 и Анджей Леппер с 41% недоверия. (*«Газета wyborcza», 27 ноября*)

• На вопрос института исследований общественного мнения и рынка «Пентор»: «Хотели бы вы, чтобы в будущем Иоланта Квасневская играла более заметную роль в жизни общества?» — утвердительно ответили 64% опрошенных. В случае Александра Квасневского «да» сказали 53%. Третье место занял Ян Рокита с 44%. (*«Впрост», 30 ноября*)

• Согласно опросу Лаборатории социальных исследований, если бы президентские выборы прошли в ноябре, Иоланта Квасневская могла бы победить в первом туре, набрав 53% голосов. 14% голосов получил бы Анджей Леппер. (*«Жечпосполита», 17 ноября*)

• «На открытии I Варшавской ярмарки искусств был выставлен, а затем продан с аукциона портрет супруги президента кисти Рафала Олбинского. Специально по этому случаю в Польшу из США прилетел автор картины (...) Однако о качестве портрета лучше промолчать: художник превратил

омоложенную на несколько десятков лет героиню в куклу с пустым взглядом. Если бы не благородная цель [вырученные деньги перечислены в фонд «Согласие без границ»] и не личность изображенной, у картины не было бы ни малейшего шанса». (*Моника Малковская, «Жечпосполита», 29-30 ноября*)

• «Такого трогательного портрета я уже давно не видела. Солидное живописное ремесло. И эти большие розы — белая и красная! Уж не символ ли будущей президентской власти? Мастерство Олбинского оценили и покупатели. Может быть, их мобилизовало присутствие на аукционе самой натурщицы? В течение нескольких минут картина была продана за 30 тыс. злотых. Ее купил председатель контрольного совета транспортного предприятия АО «Вария» Станислав Адамский-Хвалибуг. Вот счастличик!» (*Агнешка Ковальская, «Газета wyborча», 29-30 ноября*)

• Экуменический фонд «Терпимость» в шестой раз присудил медали «За заслуги в деле привития терпимости». В этом году их получили Шевах Вейс, Юзеф Олекс, Георгий Папандреу, Ежи Помяновский, Ханна Свидан-Земба, Кшиштоф Теодор Теплиц, Гюнтер Ферхойген и посмертно — Тадеуш Зелинский. (*«Впрост», 30 ноября*)

• Польский совет христиан и евреев присвоил Ежи Ключеру — старому другу Папы, еврею, польскому патриоту и гражданину Италии — звание «человека примирения 2003 года». (*«Жечпосполита», 5 дек.*)

• Прокуратура и суд Польской Республики решили, что распространение антисемитской литературы не входит в сферу их компетенции. Таким образом в Польше — теперь уже на законном основании — по-прежнему можно продавать книги, которые объясняют, каким образом отличить еврея от не-еврея, выдвигают тезис о прогрессирующей иудаизации Церкви, а дело Едвабне считают началом «полного уничтожения Польской Нации международным еврейским капиталом». (*Кшиштоф Бурнетко, «Тыгодник повшехний», 23 ноября*)

• В открытом письме о распространении антисемитской литературы, направленном семнадцатью выдающимися представителями католической интеллигенции примасу Польши кард. Юзефу Глемпу, сказано: «Мы не понимаем, как можно смириться с пропагандой ненависти на церковной территории. Нас возмущает согласие на присутствие [подобной литературы в церковных помещениях]. Письмо подписали, в частности, главный редактор «Тыгодника повшехнего» о. Адам Бонекский, бывший министр иностранных дел Владислав Бартошевский, директор Института национальной памяти Леон Керес и бывший премьер-министр Тадеуш Мазовецкий. (*«Жечпосполита», 3 дек.*)

• «Когда примаса попросили прокомментировать письмо, он сказал: «Этим делом занималась прокуратура. Я не хочу ничего навязывать, когда речь идет об ограничении свободы слова». (*«Газета wyborча», 4 дек.*)

• В Польшу из Италии привезена частица кости св. апостола Андрея, одного из учеников Христа. Таким образом Варшава стала третьим в мире местом (наряду с Патрасом в Греции и Амальфи в Италии), где хранится частица мощей св. Андрея, чтимого как католиками, так и православными. (*«Жечпосполита», 1 дек.*)

• Глава Польской православной Церкви архиепископ Савва подал на Польшу в Европейский суд по правам человека. Речь идет о 23 бывших униатских (греко-католических) храмах в Подкарпатье, используемых православными, но не являющихся их собственностью. В 1989 г. была достигнута договоренность, согласно которой католикам было передано в собственность более ста церквей. Взамен православная Церковь рассчитывала получить в собственность храмы в Подкарпатье, тем более что после войны их восстановили православные. (*«Жечпосполита», 24 ноября*)

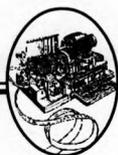
• Верующим, которые не будут давать пожертвований во время литургии, несмотря на то что у них достаточно денег, придется исповедоваться в этом. Новая, пятая церковная заповедь, которую с воскресенья 30 ноября должны соблюдать католики, гласит: «Забиться о церковной общине». (*«Жечпосполита», 29-30 ноября*)

• Из отчета польского отделения Хельсинкского фонда по правам человека: «Часто, принимая решения, касающиеся религиозных объединений, власти консультируются с представителями католической Церкви, и окончательное решение зависит от ее мнения». (*«Жечпосполита», 27 ноября*)

• По данным опроса ЦИОМа, только 9% поляков заявляют о своей принадлежности к какой-либо организации или обществу. Лишь 18% опрошенных участвовали хотя бы в одном собрании, касающемся общественных вопросов, по месту жительства, работы и т.п. (*«Жечпосполита», 25 ноября*)

• К профсоюзам в Польше принадлежит 2,2 млн. человек, к спортивным организациям и клубам — 1,16 млн., к Польскому союзу рыбаков — 590 тыс., к Польскому союзу охотников — 100 тыс., к Лиге охраны природы — 230 тысяч. (*«Политика», 6 дек.*)

• Общество вьетнамцев в Польше начало сбор денег для нуждающихся поляков. Председатель общества доктор наук Нгуен Ван Хао говорит: «Прежде всего мы хотим помочь больным и детям. Это знак благодарности полякам за то, что они симпатизируют нам и дают возможность жить в их стране». (*«Газета wyborча», 1 дек.*)

- 45 талантливых, но бедных студентов и учащихся средних школ из Одоланува в Великопольше получили стипендии местного Общества св. Мартина (покровителя городка). Стипендии в размере 350 злотых в месяц будут выплачиваться в течение всего школьного года. Стипендиальный фонд существует за счет пожертвований от фирм и частных лиц. (*«Газета выборча», 12 ноября*)
- «Изучая газетные вырезки, можно оценить качество гражданского общества». (Эдвин Бендык, *«Политика», 22 ноября*)
- Пьяный 28-летний Кшиштоф П. сжег две уникальные старинные хаты (1860 и 1880 г.), стоявшие на территории музея-заповедника в Сухой близ Венгрова. Одну из них он поджег днем, вторую — вечером. (*«Газета выборча», 5 дек.*)
- Восемь пожарных при помощи специального оборудования определили местонахождение котенка, застрявшего в вентиляционном канале, и спасли его. Жители дома, слыша мяуканье, искали котенка несколько часов. Чтобы определить, где сверлить отверстие, были использованы геофон и камера с инфракрасным излучением, применяемые при поисках засыпанных развалинами. В спасательной операции участвовали три специальных пожарных машины. (*«Жечпосполита», 20 ноября*)
- Летом активисты Всепольского общества охраны животных «Animals» хитростью проникли на несколько боен и сняли процесс забоя свиней. В результате был создан первый в Польше такого рода фильм. «То, что я увидела, — это варварство, вопиющее нарушение закона. Я сообщу об этом в прокуратуру», — сказала Катажина Пекарская, депутат от СДЛС и председатель комиссии Сейма по делам юстиции. (*«Газета выборча», 13 ноября*)
- Из открытого письма Виславы Шимборской и Станислава Лема главному ветеринару Польши: «Мы обращаемся к Вам в связи с выявлением случаев мучения животных в процессе убоя в присутствии врачей-ветеринаров. Уже сам по себе факт потрошения и бросания живьем в кипяток беззащитных существ достаточно шокирует, однако участие в этом людей, чьей обязанностью и призванием должна быть защита животных, вынуждает нас направить Вам это письмо (...) Ввиду компрометации учреждений, установленных для этого законом, мы решительно требуем допустить к контролю боен неправительственные организации по охране животных». (*«Газета выборча», 29-30 ноября*)
- Сейм принял закон, благодаря которому ученые смогут практически без всякого контроля ставить опыты на живых животных. Их будет контролировать только Ветеринарная инспекция — та самая, чей представитель был заснят экологами на бойне, когда спокойно наблюдал, как живую свинью бросают в кипяток. Та самая, чьи работники признают, что у них нет ни людей, ни опыта, чтобы осуществлять надзор за экспериментами. (*«Газета выборча», 27 ноября*)
- «Самцы [олени] еще до рождения обречены на отстрел. Их очень тщательно считают во время ежегодных обязательных инвентаризаций охотничьих животных (...) Право на отстрел самцов продают польским и иностранным охотникам. В сезон в Польше убивают около полутора десятков тысяч самцов оленя. Пожалуй, они никогда не умирают естественной смертью. Олень должен умереть от пули», — пишет Зенон Кручинский, который сам был охотником на протяжении тридцати лет. Восемь лет назад он бросил охоту, роздал все свои охотничьи трофеи и стал вегетарианцем. (*«Жечпосполита», 18 ноября*)
- На протяжении последних десяти лет популяция горных коз в Татрах уменьшилась почти в два раза — со 180 до 70 особей. Этот вид, охраняемый в Польше с 1869 г., сегодня вымирает — прежде всего из-за туризма и браконьерства. (*«Жечпосполита», 18 ноября*)
- Анджей Залевский из «Эко-Радио»: «В Польше политический галдеж заглушает наши знания об общей экосистеме — нашем большом доме, зовущемся природой или окружающей средой. Правда, весь мир катится к чертям, но Польша — это особая страна, в которой экологическая совесть еще не проснулась». (*«Жечпосполита», 18 ноября*)
- Войцех Эйхельбергер, психолог и психотерапевт: «Всеобщее искреннее осознание угрожающих нам экологических опасностей должно вызвать политическое и экономическое землетрясение в масштабе всей планеты. Такое осознание крайне неудобно (...) Если бы мы перестали вытеснять из сознания эти сведения, возникла бы необходимость полной переоценки целей развития цивилизации и экономики». (*«Жечпосполита», 18 ноября*)

Лешек Бальцерович

ЭКСПЕРИМЕНТЫ И РЕФОРМЫ

Все социалистические эксперименты приводили к упадку или даже развалу экономики

Польский Национальный банк недавно организовал международную конференцию, посвященную успехам и провалам в экономическом развитии. Конференция позволила нам ближе познакомиться с международным опытом, накопленным в этой области, а из этого опыта можно сделать несколько выводов общего характера.

Отставание отсталых

Социалистические эксперименты нигде и никогда ничем хорошим не заканчиваются. Их суть заключается в том, что государство вводит в жизнь общества значительную дозу социализма (этатизма) — то есть национализацию, рост доли бюджета в валовом внутреннем продукте (ВВП), огромный бюджетный дефицит, бюрократическое регулирование, ограничивающее сферу действия свободного рынка. Крупные дозы социализма (запрет частного предпринимательства, всеобщая национализация, замена рынка централизованным планированием) были введены в свое время в странах, уже и без того отсталых по сравнению с Западом, — в Центральной и Восточной Европе, а затем во многих странах Третьего мира (во главе с африканскими и арабскими странами). Этот исторический эксперимент кардинальным образом углубил отсталость этих стран. Однако и меньшие дозы социализма приводили к плачевным результатам. Так произошло, например, в Чили во время правления Альенде, в Великобритании после II Мировой войны вплоть до прихода к власти Маргарет Тэтчер, во Франции в начале 80-х, в Португалии в 1975-1985 гг. (в эпоху «революции гвоздик»), в Греции в 80-е годы (когда правительство возглавлял Андреас Папандреу).

Контрреволюция либералов

Либеральные реформы приводят к постоянному ускорению развития, но только в том случае, если они достаточно масштабны и долгосрочны. В противоположность социалистическим экспериментам, они ослабляют или устраняют вредное присутствие государства в экономике либо укрепляют его основополагающие функции (введение и соблюдение хорошего законодательства). Перечень стран, которые добились успехов благодаря подобным реформам, включает в себя, в частности, Великобританию (благодаря политике Маргарет Тэтчер в 80-е годы), Ирландию 90-х, Португалию в период 1986-1996 гг., Испанию в 90-е при правительстве Х.М.Аснара. Если отвлечься от развитых стран, то с конца 70-х благодаря либеральным реформам в огромной степени ускорилось развитие КНР. В некоторых областях она стала гораздо более капиталистической страной, чем другая гигантская (по численности населения) страна — Индия, которая тоже либерализуется. Еще раньше крупных успехов достигли азиатские «тигры» — Тайвань, Южная Корея, Гонконг, Сингапур, Таиланд. В Латинской Америке бесспорным лидером остается Чили со времени свержения Альенде. В постсоциалистических странах дальше всего по пути ограничения роли государства и расширения свободного рынка пошли, по-видимому, страны Прибалтики. Они же в последние годы добиваются наиболее ощутимых успехов в экономическом развитии. Польша снизила темп либеральных преобразований в последние два-три года.

Вообще говоря, я не знаю ни одного примера сколько-нибудь заметных экономических успехов, которым бы не предшествовали либеральные реформы соответствующего масштаба, точно так же, как не могу привести в качестве примера ни одного социалистического эксперимента, который не привел бы к нарушениям развития экономики или даже к ее краху. Проблемы, иногда возникающие в ходе

проведения либеральных реформ, — как правило, результат их неполноты, а вовсе не избытка. Этот вывод не совпадает с широко распространенной в Польше тенденцией в любых трудностях (особенно в безработице) винить рыночные реформы, (а не их отсутствие). На самом же деле нетрудно доказать, что причина серьезных нарушений лежит как раз в недостаточной, а не избыточной дозе либеральных преобразований. Например, основной источник роста безработицы в нашей стране в последние годы — препятствия, чинимые попыткам глубокой либерализации рынка труда и оздоровления государственной финансовой системы. Сколько сотен тысяч людей не были бы сегодня безработными, если бы попытки провести эти реформы в 1998-2000 гг. не срывались — систематически и сознательно. Крах экономики Аргентины в 2001-2002 гг. был результатом вовсе не либеральных реформ первой половины 90-х, а как раз того, что они не коснулись государственных финансов и рынка труда. Экономический кризис начала 80-х в Чили не уменьшил значения ранее проведенных рыночных преобразований в этой стране, а лишь показал, что необходимы дополнительные преобразования — например, более качественный надзор за банковской системой и более эффективное законодательство, касающееся банкротства предприятий.

Содна — на поверхность

Прежний отстающий вполне может стать лидером в проведении реформ и экономическом развитии. Ирландия, которая добилась самого выдающегося экономического успеха в Европе в 90-е годы, еще в 1973-1985 гг. характеризовалась весьма слабыми экономическими показателями: медленный экономический рост, высокая безработица, значительная эмиграция. Все это было результатом быстро растущих бюджетных расходов, высокого бюджетного дефицита и избыточного роста заработной платы. Возврат к бюджетной дисциплине, снижение налогов и замедление темпов роста заработной платы превратили Ирландию в кельтского «тигра». В 90-е годы среднегодовой прирост ВВП составил там 9%, резко снизилась и безработица. Десятью годами раньше обремененная излишней дозой социализма экономика Великобритании, неуклонно отстававшая от ведущих стран ОЭСР, ожила благодаря либеральным реформам Маргарет Тэтчер. Чили до Пиночета ничем не выделялось на фоне общей латиноамериканской нестабильности и маразма, но затем благодаря ряду рыночных преобразований сумело достичь одного из самых выдающихся экономических успехов в мировой практике. Греция, в течение многих лет проводившая социалистическую политику, отставала от стран Евросоюза в отношении среднего дохода на душу населения, но в 90-е годы сделала ставку на либеральные реформы, ускорила развитие и вошла в валютную зону евро.

Однако нетрудно привести примеры прежних лидеров, пустившихся на социалистические эксперименты и скатившихся на позиции отстающих. Крупнейший среди них — по-видимому, Япония, где упорное сохранение политических влияний в финансовой системе страны полностью парализовало ее развитие. В этом отношении недалеко от Японии ушла и Германия. Их «социальная рыночная экономика» с течением времени становилась все более и более «социальной» и все менее и менее «рыночной». Результаты: медленный экономический рост, высокая безработица, высокий бюджетный дефицит, приводящий к тому, что Германия, некогда автор и инициатор бюджетных и налоговых критериев, закрепленных в Маастрихтских соглашениях, сама нарушает эти принципы. Швеция в 60-е годы входила в число самых передовых стран в мире по доходу на душу населения, но утратила эту позицию по мере расширения шведского «государства всеобщего благоденствия». В 90-е годы в отношении экономического развития ее догнала Финляндия. Португалия в 1986-1996 гг. устранила из экономики последствия ранее проведенных социалистических экспериментов, открыла свои рынки, снизила инфляцию и добилась быстрого экономического роста. Однако после 1996 г. там восторжествовала политика высоких налогов и «жизни в кредит». В результате рост затормозился, бюджетный дефицит взлетел в заоблачные высоты, и сегодняшнее правительство реализует трудную программу стабилизации экономики.

Ежи Помяновский

СЕГОДНЯ У НАС ТОЖЕ ЕСТЬ РУССКИЕ ДРУЗЬЯ*

Под утешительным заглавием «Табу больше нет» поместила «Газета выборча» (2003, 3 окт.) беседу русских и польских историков. В ней говорится о все большем сближении и нарастающем взаимопонимании русских и поляков. Скажем, ничего не смягчая: эта беседа — одно из немногих реальных доказательств того, что это правда. Из смягчений торчат острые кости, и приглаживанием их не уберешь.

Профессор Дурачинский признал: «...наступило сближение, но остаются и разногласия, и, честно говоря, я не знаю, что преобладает». Участники дискуссии напомнили, что не сделано самое главное: до сих пор нет совместной польско-русской комиссии историков. Ничего неизвестно о том, идет ли общая работа над новыми учебниками истории для школ и вузов. А без этого нельзя и помыслить об уменьшении пространства невежества, этой плодородной почвы для предрассудков и взаимной неприязни.

Профессор Волков из Российской Академии наук сказал: «...общества по-прежнему дают оценки в соответствии со стереотипами, — и он, несомненно прав, но тут же добавляет: — Их (стереотипов) сегодня в Польше больше, чем в России. В Польше заметны антирусские настроения, а в России антипольских настроений я не вижу». Дай Бог, чтобы так оно и было. В ответ из уст профессора Пачковского раздались поразительные слова: «...интерес к России — для нас одна из главных тем, в то время как для России Польша — второстепенная страна. У большинства россиян нет никакого мнения о Польше, потому-то в России не замечают антипольских стереотипов».

* Напоминаем, что выражением «русские друзья» традиционно переводится заглавие стихотворения Адама Мицкевича «Друзьям-москалям» (в том числе и в лучшем его переводе — Анатолия Якобсона). И переводится правильно, так как у Мицкевича «москаль» не несет презрительного оттенка, разве что легкую иронию: вам, кого мои соотечественники привыкли называть москалями. — *Ред.*

Да, отдельным россиянам Польша довольно безразлична, ибо малоизвестна: она уже перестала быть замочной скважиной в двери на Запад, ныне широко открытой. Но, включись в дискуссию кто-нибудь из «Газпрома», историки осознали бы, что для России как государства Польша — страна первостепенного значения, будучи первым соседом из НАТО и территорией прямого транзита стратегического сырья во все страны Европы. Только вот польские власти до сих пор не сумели воспользоваться этими обстоятельствами и нашим геополитическим положением. В 1993 г. они неосмотрительно заключили с «Газпромом» невыгодное соглашение, заставляющее Польшу покупать слишком много газа без права перепродажи и позволяющее российской стороне платить за транзит существенно меньше, чем она платит другим европейским партнерам. В результате страна попала в полную зависимость от поставщика, в то время как Евросоюз требует от своих членов, чтобы из одного источника поступало не более 30% стратегического сырья. Все это и Россию толкает на старый имперский путь, и в Польше стереотипов не выпалывает.

Участники дискуссии согласились, однако, в одном важном вопросе. Проф. Лебедева считает, что «правда о Катыни стала мостом, соединяющим, а не разделяющим наши народы», а подпиливать этот мост могут только крайние националисты, такие, как Юрий Мухин. Думаю все-таки, что и здесь нужно посмотреть внимательней. Во-первых, потому что катынское дело для поляков особенно болезненно. Во-вторых, потому что именно здесь выяснилось, что у нас в России есть самоотверженные и отважные друзья, которые не хотят, чтобы честь их страны была запятнана. В-третьих, потому что не только Мухин считает «черным пятном» для России то, что мы считаем «белым пятном», ждущим всей правды.

Лет десять назад Юрий Мухин напечатал в Москве книгу «Катынский детектив». Недавно столичное издательство «Крымский мост 9-Д» пере-

издало ее в расширенном (до 800 стр.) виде и под новым заглавием — «Антироссийская подлость». Заглавие говорит само за себя. Содержание же книги и ее цель остались прежними: восстановить в правах советскую версию катынского преступления и опровергнуть доказательства того, что польских военнопленных и арестантов уничтожили не по приказу Гитлера, а по приказу Сталина и не осенью 1941, а весной 1940 года.

Припомним некоторые детали

Доказательства эти известны — они неопровержимы и даже банальны, притом, разумеется, не только для поляков. Еще Нюрнбергский трибунал не согласился включить Катынь в список злодеяний, за которые осудили вождей Третьего Рейха. Затем вину советских властей признали все, в том числе и те, кто помалкивал во время войны, не желая ставить союзника к позорному столбу. Помалкивал Черчилль, который знал правду чуть не с первого момента, однако действия таких борцов за справедливость, как Оуэн О'Малли и сэр Бернард Брейн, в конце концов заставили парламент и правительство Великобритании признать истину. То же произошло и в США благодаря комиссии Мэддена. Но еще красноречивей свидетельства, предоставленные той стороной, которая больше всего противилась раскрытию истины.

Давайте отвлечемся от главных документов — даже от оригинала постановления политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г., предписывающего расстрелять интернированных поляков. 14 октября 1992 г. специальный уполномоченный Бориса Ельцина, начальник российского архивного комитета Рудольф Пихоя в присутствии Чеслава Милоша вручил в Бельведере этот секретнейший пакет из архива Сталина — «пакет №1» — Леху Валенсе. В вопросах, о которых пойдет речь, не менее важными могут оказаться события, которые произошли позже и, можно сказать, на полях важных бумаг. Они дали обвинению неопровержимые доказательства. Вот хотя бы некоторые из них.

Как авторство преступления, так и число убитых — 21 857 — детально определяет записка председателя КГБ Александра Шелепина (1918-1994), поданная 3 марта 1959 г. Хрущеву и — внимание! — лично им подтвержденная в 1992 году.

В 90-е годы академик А.Н.Яковлев, недавний член политбюро ЦК КПСС, добивался осуществления договора, подписанного с Польской Акаде-

мией наук. На его основе уже вышел по-польски толстый том документов о катынском деле под редакцией Александра Гейштора. Аналогичный том по-русски никак не мог выйти в свет, хотя на дворе уже стоял 1995 год. Оказалось, что книгу решили подвергнуть анализу самых независимых экспертов и послали, ясное дело, в московскую Военную академию. Секретная экспертиза констатировала: хотя книга носит явно антинациональный характер, включенные в нее документы не возбуждают никаких сомнений с точки зрения исторической достоверности.

Яковлев в конце концов своего добился, и в июне 1999 г. эта книга вышла тиражом 2 тыс. экземпляров как первая часть задуманного фондом «Демократия» четырехтомного сборника. В публикацию прозорливо включили копии документов, которые должны были войти во второй том — до сих пор не изданный.

Затмение ума

Ни этих доказательств и свидетельских показаний, ни исследований десятков ученых, в том числе и российских, Мухин во внимание не принимает. Истиной он считает исключительно версию, официально принятую в СССР в согласии с заключением комиссии во главе с академиком Бурденко; ее конечный вывод гласил: «Данными судебно-медицинской экспертизы с несомненностью устанавливается: а) время расстрела — осень 1941 г.», т.е. время, когда Катынь и окрестности уже были оккупированы немцами. Комиссия работала в Катыни 16-23 января 1944 г., т.е. неделю.

Мухин не придает никакого значения ключевому факту, установленному Главной военной прокуратурой СССР в октябре 1990 г.: до прибытия комиссии Бурденко, сразу после того, как Красная армия освободила Смоленск, с 5 октября 1943 по 10 января 1944 г., в Катыни и Смоленске работала секретная группа офицеров и служащих НКВД. Во вскрытие тел они не вложили особого труда: мороз сковал землю и затруднял массовую эксгумацию. Датированные задним числом поддельные письма (якобы 1941 г.) были сунуты в карманы всего девяти убитым. Главная работа шла со свидетелями, особенно теми, которые уже дали показания немецкой комиссии. Все они отказались от тех показаний либо бесследно исчезли. Только один, Иван Кривозерцев, вовремя ушел на Запад и все, что видел в 1940-м своими глазами, сумел рассказать полякам

и западным союзникам. Он, Кривоцерцев, 18 февраля 1943 г. указал немцам место, где лежали зарытые трупы поляков. 30 октября 1947 г. он был найден повешенным на дереве во Флакс-Бауроне, в английском графстве Сомерсет.

Мухин продолжает игнорировать даже главное, совершенно неопровержимое доказательство. В сентябре 1989 г. несколько членов тверского «Мемориала» нашли в Медном под Калинином (как тогда называлась Тверь), на территории бывшего дома отдыха сотрудников калининского УНКВД, погребение 6311 польских военнопленных из лагеря в Осташкове. До Медного немцы, как известно, не дошли. Более того, существуют добровольные показания Д.С.Токарева, генерал-майора в отставке, а в 1940-м — начальника УНКВД по Калининской области, данные перед кинокамерой в присутствии военного прокурора. Токарев описал как прибытие «тройки» из Москвы (Блохин, Кривенко, Синегубов), так и массовые расстрелы, которыми они руководили.

Дьявол живет в подробностях

Особенное впечатление в этих показаниях производит описание снаряжения начальника комендатуры (т.е. исполнительного отдела) НКВД В.М.Блохина. Он привез два сундука: из меньшего вынул одежду палача — кожаный фартук, кожаную шапку и рукавицы до локтей; больший был наполнен «Вальтерами» калибра 7,65 — надежными немецкими пистолетами. Эта последняя деталь имеет значение. Тот факт, что в черепах убитых поляков из всех трех лагерей остались пули этого калибра, представляет собой последний, а значит, тем более излюбленный аргумент Мухина и его черносотенных соратников. Неважно, что служебным оружием немцев был пистолет «Люгер», а у старших офицеров — «Вальтер-П38», оба — внимание! — калибра 9 (т.н. парабеллум); неважно, что при массовых расстрелах немцы использовали ручной пулемет «Шмейсер»; неважно, что поляки (а среди них и евреи), попавшие в немецкие лагеря военнопленных так или иначе войну пережили. Достаточно напомнить, что НКВД, как правило, пользовался тогда импортными из Германии «Вальтерами» — особенно при расстрелах. Кто любит эффектные доказательства, пусть взглянет в биографию Ежова: в его сейфе в НКВД нашли коллекцию конвертов, и в каждом лежала пуля от «Вальтера» калибра 7,65. На каждом конверте была написана фамилия — Бухарин, Каменев, Рыков...

Мухин с этим доказательством справляется, высказав предположение, что тысячи тел кто-то мог привезти в Медное. Кто? Может, поляки. Или «изменники родины». Документы из «пакета №1», по его мнению, подготовил сам КГБ, чтобы втереться в доверие новой власти, той, что погубила и распустила Страну Советов. Но дело обстоит так, что как раз эта успешная организация отнюдь не впала в немилость, не подверглась ни сокращению, ни «перестройке», не перестала быть властью — центром и символом власти в своем лице. Тут Мухину кланяется унтер-офицерская вдова из «Ревизора».

Может показаться, что мы имеем дело воистину с чудачеством, не заслуживающим спора, с таким крайним случаем затмения ума, что его можно считать явлением «малой общественной вредности», как любят говорить некоторые наши органы. Проф. Лебедева считает, что «таких фанатиков никогда не удастся переубедить» и что «по обе стороны есть люди подобных взглядов». Конечно, у нас тоже есть случаи полной глухоты к чужим аргументам и к тому, что говорят факты. Правда, они выступают не в виде толстых книг, а скорее в форме лаконичных лозунгов («Долой Бальцеровича», «Москаля ничем не перемишишь»). Но отрицание действительности у Мухина имеет некоторую локальную причину.

Чтобы такое сочинение, как «Антироссийская подлость», вообще могло появиться, недостаточно общечеловеческой склонности считать свои доводы справедливее всех прочих. Необходимы еще два условия. Надо быть убежденным, что информационную монополию захватить можно. Надо иметь уверенность, что такое убеждение одобрит пассивное большинство соотечественников.

Эти убеждения — основополагающие компоненты советского мировоззрения. Сталин построил их не в фасад этого мировоззрения, а в его фундамент. За семь долгих десятилетий они упрочились. И продолжают приносить плоды благодаря силе привычки и попыткам гальванизировать их, хотя первое из вышеназванных условий стало невыполнимым.

Даже при таком положении дел книга Мухина не вызывала бы озабоченности, если бы не мелочь: как утверждает проф. Борейша в выше цитированной беседе, «почти 45% участников опросов в России оценивают его (Сталина) в конечном счете положительно». Можно считать, что из остальных 55% некоторые воспользуются случаем,

который предоставил Мухин, чтобы вспомнить, чем пахнет то, что Солженицын назвал согласием «жить по лжи».

Список отсутствующих

Юзеф Чапский закончил свою статью «Катынь и оттепель», напечатанную в парижской «Культуре» в апреле 1956 г., словами: «...может быть, и мы, как некогда Мицкевич, на просторах России найдем русских друзей и с их стороны — понимание этих вопросов».

Друзья нашлись скоро. О них уже упоминалось в этом тексте. Они названы в обоих изданиях (русском и польском) сборника документов о катынском деле. О них писали Ян Новак-Езёранский, Кристина Курчаб, Петр Мицнер, Славомир Поповский, Ян Руждзинский, Михал Журавский, а также автор этой статьи — в «Политике», «Газете выборчей» и «Новой Польше».

Я считаю, что нет смысла заводить перепалку с Мухиным, Куняевым и всеми, кто компрометирует Россию ложью, клеветой и страхом перед правдой; сильный обычно правды не боится. Вместо споров с ими — следует вспомнить и достойно почтить тех, кто защищал горькую истину.

Среди них — те смельчаки из тверского «Мемориала», которые подкопались под дачу энкаведистов в Медном: Сергей Владимирович Глушков, Юрий Алексеевич Шарков, Марен Михайлович Фрейденберг. Есть Алексей Памятных, который первым начал кампанию в советской печати за раскрытие правды о катынском деле. Есть Никита Петров, который собрал документы для московского «Мемориала». Есть Инесса Яжборовская, которая посвятила научную работу истории фальсификации доказательств вины в катынском преступлении. Есть Анна Гришина, многие годы пишущая об истории этого массового уничтожения. Есть два обычных военных юриста — Александр Третьцкий и Степан Родзевич из Главной военной прокуратуры: они наконец-то провели добросовестное следствие по этому важному делу. Был Юрий Зоря, эксперт этой прокуратуры, который пустил в ход все следствие. Есть Олег Закиров, майор УКГБ по Смоленской области, который обнаружил катынские секреты и должен был искать убежища в Польше. Есть Валентина Парсаданова, Владимир Филатов — публицисты, которые первыми написали правду в научной работе, нарушая цензурный за-

прет. Есть Владимир Абарин, замечательный журналист, который сделал катынское дело громким. Есть ученые, исследующие катынское дело, такие, как Наталья Лебедева, Татьяна Кудрявцева. Есть Александр Николаевич Яковлев, без которого ужасающие документы не увидели бы света.

Новак-Езёранский писал в августе 2001 г.: «...я тщетно добиваюсь, чтобы этим людям были вручены высокие [польские] государственные награды в соответствующей, как можно более торжественной обстановке. Это нужно не им: они не рассчитывали ни на какую награду, — а нам самим, чтобы мы увидели это другое лицо России, внушающее надежду на лучшее будущее...»

Эхо этого призыва так и блуждает по лабиринту бюрократии — хотя известно, что свою поддержку в этом вопросе выразил президент Квасневский. Родзевича, Зори уже нет в живых. Олег Закиров три года ищет в Лодзи работу.

Постскриптум

Польский оригинал этой статьи в сокращенном варианте был напечатан в «Газете выборчей» 12 ноября 2003 года. В ответ редакция «Новой Польши» получила:

— от председателя Совета охраны памяти борьбы и мученичества, министра Анджея Пшевозника, — заверение, что вопрос того, как наиболее достойно почтить наших русских друзей, находится в последней стадии окончательного рассмотрения, которое уже ускорено;

— от Олега Закирова — письмо, которое мы публикуем в этом номере «Новой Польши»;

— от Юрия Мухина — ответ в виде статьи, опубликованной в журнале «Дуэль» (№50). Статья состоит из двух элементов. Первый — это чрезвычайно богатый набор площадной брани, а также прямых угроз в адрес Польши, поляков и тех честных россиян, о которых мы пишем. Второй элемент сводится к монотонному повторению одного и того же утверждения: все без исключения документы, признающие виновниками катынского преступления сталинских головорезов — это фальшивки. На этой предубежденности держится все умозаключение автора. Не хватает только третьего элемента — хотя бы одного серьезного доказательства, которое могло бы опровергнуть наши вышеизложенные аргументы. В этих условиях ни о какой полемике не может быть и речи.

Ян Стренковский

ЧЕМ ЖИВУТ РУССКИЕ В ПОЛЬШЕ

Несколько лет тому назад мне в руки попала удивительная газета — «Русский курьер Варшавы». Она была отпечатана кириллицей на не лучшей бумаге, пестрела рекламами врачебных кабинетов, дешевых гостиниц и ресторанов. Она приносила вести из той части света, которая для рядового поляка была материком неизвестным, а если и известным, то лишь как верхушка айсберга в виде торгашей с самого большого базара Европы, варшавского стадиона Десятилетия, или в виде людей, ищущих работу на неофициальной бирже труда для иностранцев в Пясечне под Варшавой. «Русский курьер Варшавы» показывал, что в социальном плане прибывающие — это не просто случайная масса приезжих, а люди, которые ищут своего места в Польше, не только на сегодня, но и на завтра, и навсегда. Журнал уже был своего рода институтом.

Вероятно, первым политическим эмигрантом, который попал в Польшу из России (точнее из Московской Руси), был князь Андрей Курбский, один из ближайших соратников царя Ивана IV (Грозного); князь воевал против поляков, прежде чем в 1564 г., узнав о репрессиях Грозного, перешел на польскую сторону, где был принят с распростертыми объятиями. Он даже стал одним из предводителей польских войск, сражавшихся с московским царем под Полоцком и Великими Луками. Однако Андрей Курбский прослыл не только первым известным политэмигрантом с Востока, которому Польша оказала гостеприимство. Он был человеком, который в изгнании продолжал бороться еще и словом, опубликовав, в частности, памфлет «История о великом князе Московском», направленный против жестокого царя.

Изобразить широкую панораму русской диаспоры в Польше — задача сложная. Мы имеем дело как с историческим русским меньшинством времен захвата Польши Россией и периода между двумя мировыми войнами, так и с меньшинством скорее религиозным, чем национальным, — старообрядцами. Но мы должны учесть и тех русских, которые навсегда поселились в Польше в советские времена и зачастую уже давно стали польскими гражданами; наконец, мы должны присмотреться к огромной волне тех, кто наводнил Польшу после распада Советского Союза. Эта группа не представляет собой чего-то цельного: одни всё еще остаются пришельцами, кое-как устраиваясь на польской земле при помощи краткосрочных или даже туристических виз, другие вросли или вырастают в Польшу корнями — зачастую имея возможность выбирать различные места в Европе, эти люди все же избирают местом своего проживания нашу страну.

Снежный человек

Старообрядцы начали селиться на территории Первой Речи Посполитой после реформы православия, проведенной в 1667 г. Патриархом Никоном. Накануне первого раздела Польши на территории страны проживало около 100 тыс. старообрядцев. Перед II Мировой войной их община насчитывала 50-80 тыс. человек, у них даже был свой представитель в польском Сейме. Сегодня их плотные скопления остались близ Августова и Сувалок, а также в самом Августове и Сувалках. Небольшая группа старообрядцев проживает также на Мазурах. В 1928 г. их вероисповедание было зарегистрировано как Восточная старообрядческая Церковь, не имеющая духовной иерархии. В 1993 г. община стала называться Староправославной Поморской Церковью в Польской Республике. Церковь руководит Главный совет, а ее резиденция находится в Сувалках. Вот уже год существует Общество старообрядцев в Польше. Принято считать, что сегодня в Польше проживает более 2,5 тыс. старообрядцев.

Для некоторых русских, живущих в Польше, вопрос о старообрядцах, проживающих в нашей стране, равнозначен вопросу о снежном человеке.

Екатерина Соколова — староста деревни Бор, в основном заселенной старообрядцами, и председатель Общества старообрядцев в Польше. На вопрос, представляют ли собой старообрядцы национальное меньшинство, она отвечает, что нет, они, несомненно, меньшинство религиозное. Языковая обособленность исчезает. Люди старшего поколения еще говорят на русском наречии, молодежь — зачастую только по-польски. Однако соседи-поляки, католики, воспринимают их как «русских». На эту «русскость» указывают хотя бы их фамилии.

Во время прошлогодней всеобщей переписи населения молодежь чаще всего записывалась поляками. Сама Екатерина воспитана и живет в семье старообрядцев. Она часто встречается с людьми с востока, в какой-то

степени ей понятен русский склад ума, однако трудно сказать, что она чувствует связь с российским государством. Совсем недавно она узнала, как выглядит российский флаг. И если бы ей пришлось выбирать, то прежде всего она чувствует свою связь с Польшей, ведь и в школе ее учили: «Кто ты? Я маленький поляк...»

Ирида Грек-Пабисова, исследовательница их языка и истории, писала, что у старообрядцев сохранился псковский говор с польскими наслоениями, а у тех старообрядцев, что живут на Мазурах, — с немецкими. Екатерина Соколова с этим не совсем согласна. Старообрядцы скитались, и трудно говорить о едином для всех русском диалекте. В ее доме картофель называли «бульбой», как в Белоруссии, а соседи говорят «картошка»*. В каждом доме — немного по-другому. С современным русским языком она видит мало связи. «Когда мы говорим по-нашему, русские нас не понимают». В свою очередь их наречие даже мешает им при изучении русского языка.

Религия помогла старообрядцам сохранить родную речь и обычаи. До сих пор на субботнее мытье в бане в деревню съезжаются не только родные, но и знакомые. Труднее соблюдать другие традиции, такие, как запрет курения табака, употребления спиртных напитков или чая. Иногда приходится совершать настоящие чудеса эквилибристики, чтобы оставаться в согласии и с религией, и с наукой. Как говорил молодой наставник (духовное лицо) в одном из телерепортажей, религия учит, что Земля плоская, но в школе дети узнают, что она круглая...

В последние годы существенно улучшилось юридическое и материальное положение старообрядчества. На это повлияла и деятельность Главного совета, в который вошли молодые и образованные люди, а также возникновение Фонда имени семьи Пимоновых, учрежденного профессором Леонидом Пимоновым из Франции. Благодаря ему в Сувалках и Габовых-Грондах построены современные приходские дома, удалось отремонтировать молельню в Войнове-на-Мазурах, а еще издать два учебника. Оживилась религиозная жизнь, идет обучение детей Закону Божию (на старообрядческом наречии). После возникновения Фонда и Главного совета авторитет старообрядцев в Польше растет. Этому способствует и деятельность Общества старообрядцев, которое в основном занимается выравниванием социальных шансов старообрядческих детей.

Былое великолепие

Перед I Мировой войной на польских землях, захваченных Россией, находилось 100 тысяч русских солдат и офицеров. Многочисленную группу составляли чиновники, а также люди, которые вели торговлю или просто работали в Польше. В 1905 году в Варшаве проживало 10% русских (т.е. русскоязычных).

Они не слишком хорошо запомнились полякам, за исключением немногих, таких, как губернатор Варшавы Сократ Старинкевич или председатель дирекции Варшавских императорских театров Сергей Муханов. После обретения Польшей независимости те, кто остался, вместе с группой старообрядцев составили русское меньшинство Польши, насчитывавшее 100-140 тыс. человек. У них были свои депутаты, сенаторы, политические организации, например, основанное депутатом Николаем Серебрянниковым Российское народное объединение; они издавали свою периодику, например, газету «Наше время». Группу, насчитывавшую более 50 тыс. человек, в Польше периода межвоенного затишья составляли белоэмигранты и беженцы из послереволюционной России. Среди них были заметные личности, такие, как Борис Савинков или генерал Станислав Булак-Булахович, известные писатели, например Дмитрий Философов или Михаил Арцыбашев, выдававший себя за правнука Тадеуша Костюшко. Во времена Второй Речи Посполитой у русских в Польше была широко развитая издательская сеть: от газет (например, «За свободу») и

политических еженедельников (таких как «Меч») до женских и детских журналов (таких как «Очаг» или «Родное слово»). Существовали многочисленные организации, наподобие Русского общества благотворительности, которые занимались поддержкой культуры и школьного образования. В 1936 г. в Польше было 10 русских школ (в т. ч. неполные средние, гимназия и лицей). Свои организации и объединения были также у деятелей культуры (Союз русских литераторов и журналистов или Русская драматическая студия). После 1945 г. многие русские бежали на Запад, спасаясь от вступивших в Польшу советских войск. Сегодня русское меньшинство живет в основном в больших городах, таких как Варшава, Лодзь, Белосток. Это потомки русских, поселившихся здесь во времена российского владычества и послереволюционной эмиграции. Принято считать, что вместе со старообрядцами их количество колеблется от 10 до 15 тысяч человек. В 1956-1975 гг. они имели свою организацию — Русское культурно-просветительское общество — с резиденцией в Лодзи, а также филиалами в других городах, таких как Гданьск, Вроцлав и Белосток. Общество издавало ежемесячник «Русский голос».

* Здесь и далее курсивом по-русски в тексте. — *Ред.*

Русское культурно-просветительское общество с резиденцией в Белостоке насчитывает около 80 членов, его возглавляет Галина Романчук. РКПО продолжает традиции организации русского меньшинства, существовавшей в ПНР. Однако его члены считают себя также преемниками организации русского меньшинства времен Второй Речи Посполитой. Секретарь РКПО Андрей Романчук, сын пани Галины, подчеркивает, что это старейшая неправительственная организация «исторического русского меньшинства в Третьей Речи Посполитой». Она существует 12 лет (в 1991-1993 г. она называлась «Международный русский клуб»). В 1993 г. организация разделилась на РКПО, объединяющее исключительно русских, и общество «Русь», куда входят главным образом украинцы и белорусы, национальности, связанные с историческим названием «Русь».

При обществе работает литературно-музыкальный детско-юношеский ансамбль «Славяне». Оно организует выставки и лекции по истории и культуре России, экскурсии, молодежные лагеря, ежегодные Дни русской культуры в Белостоке и Варшаве, конкурсы чтецов русской поэзии и конкурсы знаний о России.

Кто же входит в РКПО? С одной стороны, часть старообрядцев, с другой — представители новейшей эмиграции, которые связали свою жизнь с Польшей больше чем на год или два, как, например, актриса Елена Рутковская, живущая в Польше уже несколько лет. Однако преобладают представители исторического меньшинства.

У общества нет своей резиденции. Оно помещается в небольшой квартире пани Романчук, загроможденной до невозможности. Раньше у них было место в депутатском помещении Войцеха Арушевского. Но он больше не депутат. Теперь имущество общества держат в трех квартирах членов РКПО. В передней хранятся костюмы ансамбля «Славяне». Возле батареи — собрание русской, в том числе церковной, музыки. Когда начнется отопительный сезон, нужно будет его переместить.

Галина Романчук — родом из семьи беженцев из пореволюционной России. Она жалуется на городские власти. Хотелось бы получить дом, некогда выстроенный русским генерал-майором. Когда поляки за границей чувствуют себя поляками, Польша это ценит, а когда они здесь чувствуют себя русскими, то на это смотрят плохо. То они белые, то красные — как для какой партии. А они чувствуют себя гражданами Польши, но русскими. Галине неприятно, когда кто-нибудь в России плохо отзывается о Польше, а в Польше — о России.

Она рассказывает о деятельности прежнего РКПО, распущенного в 1975 году. В Белостоке у них было свое помещение. Они там всё отремонтировали, построили сцену, устраивали балы на 120 человек, была у них и библиотека. Почему же их разогнали? Потому что их называли сборищем белых. Им было велено перейти в Общество польско-советской дружбы. Они не пошли, но их имущество было отобрано и передано тем. Галина жалуется и на то, что общество сотрудничества «Польша—Восток», преемник ОПСД, не информирует их о своих мероприятиях. Не говоря уже о возврате имущества. Однако список претензий значительно шире. Это касается и телепрограммы, посвященной национальным меньшинствам. Семиминутная программа передается региональным телевидением всего раз в месяц, а ведь две трети российского меньшинства проживает за пределами Подлесья.

ПНР — полюбим друг друга

Во времена ПНР в Польшу попало немного русских. В основном это жены (иногда мужья) поляков, имеющие право постоянного проживания в нашей стране, а иногда и польское гражданство. До 1989 г. у них не было организации, которая представляла бы их интересы. Местом их встреч был расположенный на улице Фоксаль в Варшаве Советский центр науки и культуры. Там, еще до распада

СССР, в 1989 г., образовалось Общество граждан СССР, постоянно проживающих в Польше, которое сегодня называется «Русской общиной». Некоторое время у «Общины» были филиалы в других городах (Вроцлаве, Лодзи, Кракове). До 1995 г. она пользовалась помещением на ул. Фоксаль. Но в том году центр лишился своего помещения и принимает посетителей в российском торгпредстве, а свои мероприятия проводит где придется. Так же, как и «Община», которая чаще всего пользуется гостеприимством общества «Польша—Восток» и созданного поляком Яном Забродским Центра славянской культуры. «Русская община» насчитывает сегодня около 70 человек. Средний возраст членов — 60 лет. В нее могут вступить говорящие по-русски граждане, постоянно проживающие в Польше, а ассоциированным членом может быть также человек, временно пребывающий в Польше.

Валентина Вуйтик, уже несколько месяцев возглавляющая «Русскую общину», договорилась встретиться со мной в одном из кафе варшавского района Прага. Заметив, что я обратил внимание на ее коротко стриженные волосы, она сообщила, что остриглась для пользы дела. Она хочет уговорить русских бизнесменов сотрудничать и давать объявления на интернет-сайтах «Общины». Речь идет о том, чтобы соотечественники, которые не говорят по-польски или говорят, но хотят устроить какие-то свои дела, используя русский язык, знали, куда им обращаться. Поэтому она и пошла к «нашему» парикмахеру, хотя в последний раз стриглась совсем недавно. Ну а парикмахер — настоящий артист...

Валентина Вуйтик — экономист. План деятельности «Русской общины» расписан в подробностях, хотя она сама видит, что в этом деле все очень непросто. Люди отвыкли от общественной работы, у них нет времени, они не выполняют своих обещаний. Трудно находить спонсоров. Запланированные курсы русского языка для поляков и польского для вновь прибывших русских пришлось отложить. А цели «Общины» — это, в частности, помогать новоприбывшим прижиться, облегчать контакты русских с представителями других национальностей, живущих в Польше и вести культурную деятельность — прежде всего культивировать русскую культуру и традиции, развивать связи с Россией, заниматься просветительской деятельностью и помогать членам организации (например, больным или ищущим работу). Большинство членов «Русской общины» — это жены поляков, иногда уже бывшие. Эти женщины тоже нуждаются в поддержке. Осенью 2003 г. журналистка и переводчица Тамара Мацеяк, находящаяся в дружеских отношениях с «Общиной», создала интернет-сайт, на котором содержится полезная информация о «Русской общине», мероприятиях, проводимых не только ею, но и другими русскими и польскими организациями. Как говорит пани Вуйтик, возникновение этого сайта дает надежду на то, что вокруг «Общины» сгруппируются молодые, энергичные соотечественники — такие ведь чаще всего пользуются Интернетом. Хорошо складываются отношения и сотрудничество «Русской общины» с «Русским курьером Варшавы». Новая председательница старается поддерживать существовавшие ранее контакты с Церковью и домом престарелых в местечке Помехувек, совместно с обществом «Польша—Восток» организует ежемесячные концерты и спектакли (надо же поддерживать «наших» артистов). Камерный спектакль Лены Гожеляк о жизни Анны Ахматовой собрал изрядное количество зрителей, так же, как и концерт русских романсов в исполнении польки с Кавказа Людмилы Пеховской.

Преобладают намерения. Одно из самых важных — улучшить отношения с посольством РФ и действующим при нем Российским центром науки и культуры. Валентина Вуйтик считает, что представительство России почти не замечает «Русскую общину» и живущих в Польше российских иммигрантов, хотя она и видит какой-то прогресс после того, как был принят закон о соотечественниках, проживающих за границей. Галина Щигель, бывший председатель «Общины», работавшая в ней с самого начала, заместитель начальника русской редакции радио «Полония», недавно получившая от министра культуры Польши звание заслуженного деятеля культуры, говорит, что часть трудностей в сотрудничестве с посольством или консульством торжества приглашали не только руководство организации, но и ее рядовых членов.

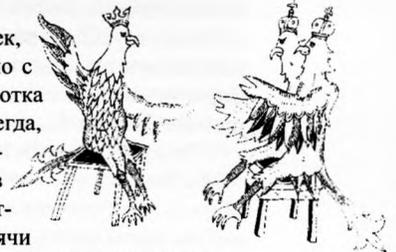
Путеводитель по неизвестному континенту — и на Висле Европа

По оценочным данным, в 1990-1993 гг. в Польшу с востока въехало 37 млн. человек, большинство составляли люди из бывшего СССР. Подавляющее большинство прибыло с целью заработка. В начале 90-х пробавлялись в основном торговлей. Другой способ заработка — случайная работа. Эти торговцы и работники не собираются оставаться в Польше навсегда, но создают феномен «долгосрочной кратковременности». Возрастает также число российских граждан, приезжающих в Польшу на легальную работу, а также оселяющихся в нашей стране надолгий или даже на постоянное жительство. По данным министерства внутренних дел и администрации, в 1998-2002 гг. визы с правом на работу получили более тысячи российских граждан, визы на определенный срок — более 6 тысяч, а о разрешении на постоянное жительство хлопотали 553 человека — это была третья по численности группа после украинцев и вьетнамцев (получили это право 342 человека). В 2002 г. в Польшу приехали 6 млн. украинцев, 4 млн. белорусов и 2 млн. россиян. Сколько русских пребывает в Польше нелегально — не знает никто.

Отвечая на прибытие в Польшу соотечественников (и бывших соотечественников из бывшего СССР) стало появление «Русского курьера Варшавы», ежемесячного журнала, который не только возникает по объективным причинам — из-за недостатка средств и помещений. Валентина Вуйтик это тоже понимает. Но она стремится к тому, чтобы для начала на проводимые могла отыскать себя в чуждом мире людям, рассматривавшим Польшу как торговый рай, но и сопутствовал тем, кто пожелал остаться здесь дольше — работать, основать фирму, поселиться.

Мы договорились встретиться с главным редактором «РКВ» в холле гостиницы. А почему не в редакции? Редактированием журнала он занимается у себя дома, тексты заказывает и получает по Интернету. Сотрудники редакции всё делают сами, безо всякой внешней поддержки, без дотаций от российских или польских властей. Владимир Кирьянов живет в Польше с 1988 года. Он был вице-президентом польско-российской издательской компании «Орбита», работал в «Российских вестях», пишет корреспонденции для «Нового времени». Он основал «Курьер» в декабре 1991 г., когда для почти 10 миллионов граждан Украины, России, Белоруссии и других стран бывшего СССР, ежегодно посещавших Польшу, не издавалось ни единой газеты.

«Курьер», как писал Кирьянов в статье, посвященной десятилетию журнала, содержал необходимую информацию для блуждавших в раннекапиталистической действительности Польши граждан тех стран, которые только начали освобождаться от социализма. Кирьянов подчеркивает, что туристы с востока очень отличались от запад-

ных: почти все получатели единственного периодического издания на русском языке приезжали в Польшу, чтобы торговать. Они были полны впечатлений, поэтому он все-таки рискует называть их туристами.

«В тот период, — вспоминает Кирьянов, — восточным туристам не было к кому обратиться за простейшими сведениями. Каждый второй платил штраф в трамвае, так как пробил билет с неправильной стороны или не оплатил провоз багажа». Они публиковали перечень необходимых телефонов, адреса аптек, больницы, ночных магазинов, таможенные сведения, информацию о варшавских рынках, советы, как получить приглашение в Польшу или визу. Они даже напечатали карту Польши на русском языке с обозначением шоссе и железных дорог и названиями всех воеводских центров.

Сегодня многое изменилось. Знаменем времени стало появление в «Курьере» новых тем. Пишут об иностранных инвестициях в Польшу, об истории страны, кинофильмах, событиях культурной жизни, рекламируют гостиницы, рестораны, ночные клубы, туристские агентства. Одновременно они хотят быть и журналом для всех, и изданием для русского меньшинства. Кирьянова возмущает то, что члены РКПО считают, будто журнал представляет торговцев, высокомерно называемых «челноками».

«Курьер» — общепольский журнал, распространяемый в киосках, на лотках, в книжных магазинах и по подписке. Он доступен в местах, посещаемых бизнесменами: в гостиницах, ресторанах, больших магазинах, международных автобусах и поездах, в представительствах, а также в самолетах «Аэрофлота», в посольстве и консульствах России, на пограничных пунктах. Его читают русские и поляки, составляющие значительную часть подписчиков газеты, дипломаты, представляющие не только Россию, но и Украину, Белоруссию, Армению, студенты с востока, владеющие русским языком сотрудники польских фирм.

Они просуществовали дольше всех подобных изданий. Кирьянов подчеркивает, что другие попытки издания периодики на русском языке, как правило, оканчиваются после выхода в свет нескольких первых номеров. Станет ли он пророком? Этот вопрос я задаю Ирине Корнильцевой, перед которой лежит уже третий номер газеты с многозначительным названием «Европа.ру».

По своему характеру две эти газеты коренным образом отличаются друг от друга, они обращены к разным читателям. «Курьер» интересует людей, которые попали в Польшу главным образом по жизненной необходимости. Читатели же «Европы.ру» — скорее люди, хорошо устроенные в жизни, тоже необязательно те, кто намеревается провести в Польше всю жизнь, но не потому, что у них нет выбора. Это туристы (в основном с набитыми бумажниками), но главным образом это бизнесмены, которые связывают вхождение Польши в Евросоюз со своими собственными жизненными надеждами. Это предприимчивые люди, знающие мир и интересующиеся им наравне с тем, что происходит у них на родине, зачастую наполовину там живущие, имеющие право временного проживания, иногда получившие его недавно, как это было с Ириной Корнильцевой, вместе с мужем основавшей в Польше мебельную фирму и рекламное агентство. Кстати, не где-нибудь, а во Дворце культуры и науки, нелюбимом варшавянами подарке Сталина. Но по соседству с английской чайной.

Ее журнал выходит на хорошей бумаге, в цвете, да и стоит в несколько раз дороже «Курьера». Все для того, чтобы богатый русский пассажир, который подойдет в аэропорту к газетному киоску, не постеснялся купить. Журнал уже появился на лотках, рекламировался по-русски по региональному телевидению. В «Европе.ру» мы найдем курсы валют, прочтем о покупке английского футбольного клуба российским миллионером, сравним уровень жизни в различных странах мира, узнаем о туристических развлечениях в Польше. Корнильцева говорит, что в Польше есть гостиницы, где 80% гостей составляют российские граждане.

Это русские нового поколения. Те, кто приехал 20 лет назад, бежали из бедной страны. Ирина Польшу выбрала. Сергей Станкевич, бывший советник Ельцина, рассказал журналистке газеты «Жечпосполита» Майе Нарбут, что он мог бы жить где угодно, однако выбрал Польшу не только из-за своих польских корней: «Хорошая страна в такой хороший момент, какого уже давно не было в ее истории».

Ностальгические встречи в сауна

В Польше найдется немного мест, где можно подышать воздухом настоящей России. Недостает русских клубов, дискотек, ресторанов, кафе, а те, что называются «русскими», содержатся отнюдь не русскими и кроме национальных блюд имеют с Россией мало общего. Остаются молдавские, грузинские рестораны. То же и с культурной жизнью. Выдача на дом русских книг на варшавском стадионе Десятилетия, мероприятия в Центре славянской культуры, где также можно купить либо прочесть русские книги и газеты, книжный магазин «Русская книга», мероприятия, организуемые Русским центром науки и культуры — все это капля в море. В небольших городах положение еще хуже. Остается русское кабельное телевидение, однако с доступом к нему тоже бывают трудности.

«Сюда может прийти каждый — русский, еврей, поляк, украинец, армянин», — говорит Игорь Благообразов, врач из Петербурга, шесть лет живущий и работающий в Польше. Два года назад вместе с французским другом, влюбленным в Россию, они создали в Варшаве неформальный «Клуб 12 стульев». Сперва встречи носили скорее культурный, нежели дружеский характер (концерты, музыка). Теперь преобладает желание повидаться, поговорить по-русски, спеть, послушать русскую музыку, потанцевать. Бывают и выступления — например, когда я там был, в клубе пел исполнитель народных песен Михаил Федоров. Состоялся показ моды. Иногда кто-нибудь читает стихи. Однако некоторые русские не желают ходить в клуб, уверенные, что там читают то, что, как говорится в анекдоте, читал Чапаев. Собравшиеся вместе угощаются: каждый приносит, что может, и хорошо, когда есть еда, напоминающая родину. Меня угостили солеными помидорами. С ностальгией вспоминал такие помидоры один из украинцев.

Ходят сюда больше ста человек. Поляки, американцы, белорусы, украинцы, армяне, грузины, русские, даже чеченцы. Приходят работники российского посольства. Кто-то приехал из Казахстана, кто-то — из Азербайджана. Есть такие, что постоянно живут в Польше, но есть и те, что проездом.

Благообразов говорит, что встречи в клубе духовно поддерживают тех, кто тоскует по родине, по семье. Здесь всегда можно развеяться, на время оторваться от работы, трудностей эмигрантской жизни, от своего скитальчества. Помогают здесь иначе, чем в «Русской общине». Собрания клуба всегда проходят в первую пятницу месяца, в небольшой гостинице «Твардовский» в варшавском районе Прага. Владелец гостиницы — меценат не только клуба, но и многих из тех, кто здесь появляется: живописцев, чьи полотна украшают стены, музыкантов. Он финансирует издание диска Федорова.

Игорь Благообразов благодарен Владимиру Кириянову, так как благодаря публикациям «Курьера» это начинание нашло подражателей. Он был приглашен на встречу подобного клуба в Жешув (его создают главным образом преподаватели и студенты местной кафедры русского языка и литературы). Возникают и другие клубы, например во Вроцлаве. Члены небольшого клуба в Быдгоще встречаются... в сауне. Однако не везде людей удается привлечь к деятельности. В одном из номеров «Курьера» напечатано весьма драматическое письмо из Грудзёндза. Циля Томашевская пыталась организовать клуб в своем городе. Помешали жизненные, бытовые проблемы, трудности во взаимопонимании внутри небольшой русской общины.

Однако кое-где кое-что все-таки происходит. В Зеленой-Гуре зарегистрировано общество «Россияне». Подобные общества создаются и в других местах. Благообразов подумывает о создании Чайного клуба — возможно, у себя на работе, где он располагает большим кабинетом. Галина Щигель считает, что нынешние обстоятельства благоприятствуют новым начинаниям. Русские перестают стесняться своей национальности, своей культуры. Другие указывают на рост интереса к русскому языку и культуре среди поляков. Она мечтает об организации всепольского конгресса русской диаспоры. По примеру Полонии. О «Русской общине», в которой она проработала много лет, она отзывалась как об организации немного отставшей от своего времени: в нее не могут вступить люди с временным видом на жительство, самые предприимчивые, активные, с идеями. Такие, как Корнильцева. При ее участии создается общество «Русский дом», основанное частью членов «Русской общины». Корнильцева мечтает о Клубе русских жен, клубе друзей газеты «Европа.ру», проведении русских балов...

Описывая жизнь различных русских организаций в Польше, я застал момент оживления, рождения новые замыслов и инициатив. У некоторых еще нет названия, другие названы, но неизвестно, долго ли просуществуют. Бывают споры — иногда трудно понять источник недоразумений, порой разница интересов видна, как на ладони. Многие начинания возникают как бы наперекор тем, кто принадлежит к исторически другой группе; многие из тех, кто пытается что-то создать, ничего не знают о попытках, предпринимаемых другими. Некоторые сотрудничают друг с другом, другие не хотят иметь с кем-то ничего общего. Такое положение дел в эмиграции нормально. Поляки, живущие за пределами своей страны, испытывают то же самое. Хотя некоторые из российских граждан завидуют полякам из-за того, что им удастся создавать организации, объединяющие различные группы. Иногда они прибавляют к этому, что им хотелось бы, чтобы Российская Федерация, подобно тому, как это делает польское государство, поддерживала своих соотечественников на чужбине.

Страницы, на которых можно найти информацию о российских начинаниях в Польше:

wspolnotarosyjska.pl

www.com.rkw

www.megaone.com.rkw

www.rkw.3w.pl

Лешек Вонтрубский

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА МОРЯКАМ

Как действует договор о дружбе и сотрудничестве между Польшей и Россией.

В городе Свиноуйсьце вновь открыт памятник польским и советским морякам. Это стало возможным благодаря усилиям деятелей общества сотрудничества «Польша—Восток». Памятник морякам, который в последние годы стоял в центре города, на Славянской площади, в ноябре 1999 г. был снят с постаментов и вывезен в неизвестном направлении. Решение о снятии памятника, противоречащее правительственному соглашению об охране общих военных кладбищ и военных памятников, заключенному между Польской Республикой и Российской Федерацией, принял тогдашний президент города Станислав Можейко.

Станислав Можейко, местный деятель «Солидарности», объяснил свое решение желанием и потребностью освободить город от старого памятника, возведенного в ушедшую эпоху. Однако многие жители города придерживались другого мнения. Особенно люди, участвовавшие во II Мировой войне, а также члены семей участников войны, потерявшие в то время своих близких. А так оно и было с обеих сторон — и с польской, и с советской. Сражающиеся обычно не отождествляли себя ни с какой идеологией, а просто воевали с врагом. Подобным образом рассуждали и активисты местного общества «Польша—Восток», которые успешно способствовали тому, чтобы разыскать памятник, обеспечить его сохранность и поставить на городском кладбище.

«Памятник снесли и увезли, — рассказывал Стефан Гарасик, многолетний председатель, а ныне почетный председатель местного отделения общества сотрудничества «Польша—Восток». — Куда увезли, я тогда не знал. Его нашел и сохранил член нашего общества Збигнев Матушевский. Мы опасались, что памятник могут уничтожить. Тогда мы быстро перевезли его на русское кладбище и установили на временный постамент. Там он и стоял до настоящего времени, там же в прошлом мы ежегодно возлагали к нему цветы. Вместе с памятником сохранилась и старая мемориальная доска.

Позже мы приняли решение вернуть памятник на прежнее место, на Славянскую площадь. Мы собрали 80 подписей под петицией к городским властям. Идею поддержали члены нашего общества, а также многие жители города. По этому вопросу мы говорили и с губернатором Калининградской области Владимиром Егоровым, в прошлом командиром советских военных кораблей, базировавшихся в Свиноуйсьце. В то время мы решили, что памятник пока останется на кладбище. Оставалось только бежать по инстанциям и оформлять соответствующие решения. Воистину мучительный путь.

Наконец нам удалось наладить хорошие отношения с городскими властями. Финансовую помощь нам оказало «Поморское судоходство»: оно дало средства на все работы, связанные с обновлением и установлением памятника. На открытии должен был играть оркестр Польского ВМФ, но из этого, к сожалению, ничего не вышло. Флот выставил только почетный караул».

О своем предстоящем участии в торжествах, посвященных открытию памятника, заявил и губернатор Калининградской области Владимир Егоров. Однако власти Западнопоморского воеводства — как воевода, так и маршал, члены правящего СДЛС, не проявили интереса к торжеству, и это привело к отмене приезда Егорова. Не состоялся и планировавшийся на следующий день экономический форум с участием польской и российской сторон.

Дела, связанные со взаимной охраной мест народной памяти, польских и российских, подтверждает польско-российский договор о дружбе и сотрудничестве, подписанный в 1992 г. президентами Лехом Валенсой и Борисом Ельциным. В нем, в частности, говорится:

«...кладбища, места захоронений, памятники и прочие места памяти, которые являются предметом почитания и памяти жителей одной из сторон, как военные, так и гражданские, находящиеся в настоящее время либо устаревшие на основании взаимных договоренностей в будущем на территории другой стороны, будут сохранены, содержаны и окружены юридической охраной в соответствии с международными нормами и стандартами, а также национальными и религиозными обычаями» (ст.17).

Существует также и второй документ по этому поводу — соглашение о могилах и местах памяти жертв войн и репрессий, заключенное в 1994 г. между польским и российским правительствами и подписанное министрами иностранных дел наших государств — Анджеем Олеховским и Андреем Козыревым. Это соглашение очень ясно говорит о том, что «стороны содержат места памяти и упокоения, обеспечивая охрану могил, надгробий, памятников и других объектов увековечения» (ст.3).

Наконец, с 1997 г. существует перечень общих мест памяти по обе стороны границы, охваченных межправительственным соглашением, — в нем упоминается и памятник польским и советским морякам в Свиноуйсьце. Вопрос напрашивается сам собой. Неужели руководители не знают обязательных для нас международных соглашений, или они попросту нарушают их ради своих временных политических целей?

Томаш Поткай

ЮРИСТ В ТРЕТЬЕМ ПОКОЛЕНИИ

В его роду лишь немногие не стали юристами. Сам он хотел стать врачом. «Потому что врач может почти сразу же проверить свои решения: пациент либо умрет, либо выздоровеет. У юристов это не так очевидно», — смеется проф. Анджей Цолль, уполномоченный по правам человека Польской Республики, представитель третьего поколения династии юристов из Кракова.

В шеститомной Всеобщей энциклопедии мы находим трех представителей семейства Цоллей. Двоих из них звали Фредерик (это имя повторяется в роду почти в каждом поколении уже добрых полтора столетия), и оба они были профессорами права в краковском Ягеллонском университете. Один из них был специалистом по римскому праву, издателем Кодекса Юстиниана (фундаментального источника извлечений из законов и трудов римских юристов), другой — цивилистом, специалистом по гражданскому праву, снискавшим известность в межвоенное двадцатилетие в качестве инициатора реформы (которая до наших дней известна как «lex Zoll»), касающейся ревалоризации суммы подлежащего возврату долга при инфляции. Третий — Анджей Цолль, профессор уголовного права, бывший председатель Конституционного суда, уже три года занимающий должность польского «омбудсмана», то есть уполномоченного по правам человека. Четвертым, быть может, станет его сын, тоже Фредерик (Фредерик

Юзеф Фердинанд), доктор юридических наук Ягеллонского университета.

Анджей Цолль, которому сейчас 61 год, деда своего помнит весьма смутно: тот умер, когда Анджей был еще ребенком. И все же он относится к нему как к близкому человеку после того, как прочел дедовские воспоминания, написанные под конец жизни и уходящие памятью в далекое прошлое, в XIX век: в них дед рассказывает о счастливом детстве, юности и мудрых людях, которых ему довелось встретить на своем жизненном пути. Фредерик Цолль был студентом еще в XIX веке в Кракове, Вене, Геттингене и Париже. Трижды он занимал пост декана юридического факультета Ягеллонского университета, а один раз был ректором. Под конец 20-х годов прошлого века маршал Юзеф Пилсудский даже предложил ему портфель премьер-министра. Однако Фредерик Цолль не хотел отказываться от научной карьеры и предложения не принял. История в роду Цоллей любит повторяться: по аналогичным причинам несколько лет назад отказался стать премьером и Анджей Цолль.

Фредерик Цолль, как и все в его роду, весьма серьезно относился к своим профессиональным обязанностям. У своих студентов экзамены он принимал почти до последних недель жизни (он умер в 1948-м); когда он был уже так болен, что не мог приходить на факультет, то проводил экзамены в гостиной своей квартиры, лежа на кровати в стиле «ампир». В этой же квартире на третьем этаже каменного краковского дома на Студенческой улице до сих пор живет Анджей Цолль со своей женой Веславой, тоже юристом (у нее своя адвокатская контора в Кракове). Со стен гостиной на нас смотрят портреты женщин в кружевных блузках и мужчин с пышными усами. До I Мировой войны, когда Краков входил в состав Австро-Венгерской империи, на рояле, стоявшем где-то в углу этой гостиной, играли в четыре руки хозяева: Фредерик Цолль-младший и его жена Аделя, потомственная венка, а их игру, быть может, слушали (хотя этому нет никаких доказательств) художники Ян Матейко и Юзеф Мехоффер, а также принадлежавший к течению «Молодая Польша» поэт Ян Каспрович.

Сегодня никто уже не знает, почему под конец XVIII века Фридрих Вильгельм Цолль, владелец виноградников близ городка Иллинген под Штутгартом в герцогстве Вюртембергском, вместе со своей женой Марианной покинули родные места и пересекли пол-Европы, чтобы поселиться в Мишкольце (на территории сегодняшней Венгрии). Или почему они вместе с детьми (которые родились уже там) вновь отправились в путешествие, чтобы на этот раз осесть в Мысленицах близ Кракова (в то время в пределах Австрийской империи). До наших дней сохранилась построенная Фредериком Цоллем дорога, связывающая Мысленице с Бохней, расположенной в 40 километрах к северо-востоку. Пользовавшийся уважением жителей городка, Фредерик в течение многих лет занимал пост бургомистра, хотя до конца жизни говорил по-польски с немецким акцентом. Он был похоронен на местном кладбище: старинный обелиск и надгробная плита сохранились до нашего времени.

Старший внук Фридриха Вильгельма и Анны Марии Цолль первым прославил родовую фамилию. Он стал правоведом, профессором римского права в Ягеллонском университете и депутатом галицийского краевого сейма во Львове. В знак признания его заслуг император Франц Иосиф в 1906 г. возвел его во дворянство. В семейном архиве сохранился документ: «Посему соизволяем, чтобы дворянин Фредерик фон Цолль, а также законные его потомки, пользовались правами, связанными с возведением в дворянское достоинство, в частности гербом, описанным таковым образом: на щите, разделенном надвое по ширине золотой нитью, в правом красном поле — два скрещенных золотых жезла, увенчанных золотыми же коронами, в левом черном поле — сидящая на закрытой красной книге с золотым обрезом натуральная сова; печать первая — пылающий факел меж синими буйволовыми рогами, печать вторая — красная римская хоругвь с золотым древком, увенчанная золотым же орлом с распростертыми крыльями».

Потомки Цоллей тоже проливали кровь за выбранную Фридрихом Вильгельмом Цоллем новую родину (в то время еще отсутствовавшую на карте), необычайно серьезно относясь к своим по отношению к ней обязанностям. «Быть гражданином — это не только права, но и обязанности» — до сегодняшнего дня повторяет Анджей Цолль.

Людвик, младший брат профессора Фредерика Цолля-старшего, восемнадцатилетним юношей участвовал в восстании 1863 г. и скончался от ран, полученных в одном из сражений. Тадеуш, племянник Фредерика-младшего, воевал в польско-советскую войну 1920-го, в сентябрьскую кампанию 1939-го был подпоручиком, попал в немецкий плен и в Польшу вернулся только после войны.

Старший сын Фредерика-младшего, тоже Фредерик, будучи в 1918 г. студентом, вступил в Студенческий легион и участвовал в обороне Львова, а впоследствии, как и его двоюродный брат, — в польско-советской войне. За сентябрьскую кампанию он был награжден высшим польским военным орденом «*Virtuti Militari*» («За воинскую доблесть»), а за Варшавское восстание (1944), в котором погибли двое его сыновей, — трижды награжден крестом «За отвагу». Во время оккупации Фредерик был крупным офицером Армии Крайовой, командовал варшавским отделом «Кедива» (управления диверсионно-подрывной работой) и был членом представительства правительства Польши в изгнании (в ранге министра снабжения). За эту свою деятельность уже после войны, в 1949 г., он попал за решетку. Фредерик Цолль вышел на свободу (а в то время человек с подобной биографией в лучшем случае получал 15 лет тюремного заключения, а в худшем — смертный приговор) благодаря необычайному стечению обстоятельств, имеющему, однако, отношение к истории их семейства. За 35 лет до этого, через несколько дней после начала I Мировой войны, австро-венгерская жандармерия арестовала в Новом-Тарге по подозрению в шпионаже российского подданного по фамилии Ульянов, более известного впоследствии как Владимир Ильич Ленин, который в течение нескольких предвоенных лет жил в Поронине близ Закопане. Ленина допрашивал тогдашний уездный комиссар в Новом-Тарге Казимеж Гловинский, состоявший в родстве с Цоллями. В результате действий в его защиту, предпринятых, в частности, группой прогрессивных деятелей (среди которых был писатель Владислав Оркан), Ленин был освобожден и выехал в Швейцарию, откуда несколько лет спустя в немецком запломбированном вагоне вместе с группой товарищей отправился в Петербург разжигать мировую революцию. Билет он купил за деньги, одолженные у Гловинского (долг, между прочим, так никогда и не отдал).

Все документы этого дела Ленина вместе с собственноручной распиской сохранились в семейном архиве Гловинских. «Ленинские бумаги за освобождение Фредерика» — было решено на семейном совете. Начались поиски человека, который мог бы заняться посредничеством в столь деликатном деле.

Выбор пал на Изабеллу Чайку-Стахович, которая до войны была демонической музой художественной богемы, изображенной в романах С.И.Виткевича, а после войны пригласившая к сотрудничеству влиятельными политиками берутовской Польши. Расчет оказался верным: через два месяца Фредерик Цолль покинул варшавскую Мокотовскую тюрьму, а документы дела Ленина отправились в Москву в качестве подарка от ЦК ПОРП к 70-летию И.В.Сталина.

Фредерик Цолль стал исключительным явлением в истории рода еще и потому, что был не юристом, а... инженером. Инженером стал и живущий в Варшаве его сын Юзеф Цолль (в течение многих лет он был также деятелем Польской ассоциации лыжного спорта). Однако самому младшему сыну, Анджею, уже ничего другого не оставалось, как сохранить верность семейной традиции и стать юристом. «Я долго колебался между правом и медициной, — вспоминает профессор, — и в конце концов выбрал право. И хотя меня увлекает логика права, его теория, нормотворчество, система понятий, но до сегодняшнего дня, — улыбается он, — в праве мне не хватает возможности незамедлительной проверки принятого решения. Врач это видит сразу: пациент либо выздоровел, либо умер».

Экзамены на аттестат зрелости он сдавал в лицее имени Рейтана, одном из самых лучших в Варшаве, но в университет по семейной традиции поступил в Кракове. На первом курсе он познакомился со своей будущей женой Веславой: обвенчались они пятикурсниками в Вавельском кафедральном соборе. Судьбы их семей складывались одинаково: отец Веславы в сталинские годы много лет провел в тюрьме за деятельность в Армии Крайовой, а сама она родилась во время войны в гитлеровской тюрьме, куда попала ее мать. После окончания университета Анджей решил заняться научной работой, а Веслава стала адвокатом и на протяжении многих лет содержала семью: зарплата научных работников в ПНР была столь же ничтожна, как и сегодня. Анджей Цолль очень быстро защитил кандидатскую диссертацию (в возрасте 26 лет), а затем и докторскую (в 31), хотя профессором стал лишь перед самым распадом ПНР, в 1988 году. В течение многих лет у него не было возможности сочетать научную работу с общественной деятельностью, что было вполне характерно для его семьи: о вступлении в партию не могло быть и речи, оставалась деятельность в сравнительно независимых от властей академических корпорациях: Товариществе ассистентов, Обществе Библиотеки слушателей права или Союзе польских преподавателей. После кратковременного праздника «Солидарности» наступило военное положение, на очередные восемь лет похоронившее пробудившиеся мечты о свободе. Однако в последние годы ПНР возникло нечто, что могло быть первым признаком приближающейся весны.

1 января 1987 г. в соответствии с законом, принятым за несколько месяцев до этого Сеймом ПНР, был учрежден пост уполномоченного по правам человека (первым уполномоченным стала проф. Эва Лентовская). Институт «омбудсмена» как должностного лица, контролирующего гражданские права подданных короля, впервые возник в Швеции в 1809 г., а затем был введен в правовые системы большинства западных демократий. Его учреждение в ПНР было событием переломным, ибо этот орган уходил корнями в традицию, где считалось, что права человека возникают естественным образом, от рождения, а не предоставляются властями: подобные представления в ПНР 1987 года, когда в тюрьмах по-прежнему сидели люди, осужденные за политические убеждения, вполне могли сойти за еретические. Анджей Цолль был в то время доцентом на кафедре права Ягеллонского университета. Он даже и не предполагал, что 13 лет спустя он станет очередным (четвертым, после профессоров Тадеуша и Адама Зелинских) польским «омбудсменом».

Однако еще раньше, в феврале 1989-го, он принял участие в совещаниях «круглого стола» между властью и оппозицией как представитель «Солидарности» — в группе, занимавшейся вопросами реформы уголовного права и судебной системы. В июне 1989 г., во время первых свободных выборов, он был заместителем председателя Государственной избирательной комиссии, а через четыре года стал председателем Конституционного суда, то есть пятым «по рангу» должностным лицом в государстве — после президента, маршалов [спикеров] Сейма и Сената и премьер-министра. Несмотря на это, Анджей Цолль решил не переселяться из Кракова, где живет его семья, в Варшаву, где он работает: вот уже более 10 лет он совмещает государственную деятельность с академической.

Уже три года он руководит учреждением, которое стало последней надеждой для многих граждан, добивающихся справедливости. И хотя уполномоченный по правам человека не имеет права изменять ни судебные приговоры, ни законодательные акты, его вмешательство нередко заканчивается успехом.

Ежегодно в его бюро поступает более 50 тысяч дел. Большинство из них касается проблем социального страхования и социального обеспечения, уголовного права, оборота недвижимостью, защиты прав потребителя и налогового законодательства. «Поляки жалуются, что законодательство неясно, плохо написано, что правовых положений слишком много и что в связи с этим они не доходят до граждан. В отношении этих вопросов уполномоченному трудно с ними не согласиться: если речь идет о законотворчестве, то в Польше все еще многое не сделано, — говорит профессор Цолль в своем кабинете на Аллее Солидарности, дом 77, неподалеку от Банковской площади в Варшаве. — Но это еще не значит, что польское законодательство само по себе плохо. В польской правовой системе закреплены все фундаментальные ценности, которые должны охраняться и охраняются в каждом цивилизованном государстве».

Поляки часто повторяют: «У нас в стране нет уважения к закону», — но Анджей Цолль предпочитает говорить: «Это мы сами, граждане, не уважаем закон, в том числе и политики, потому что политики — это тоже граждане». «В Польше уже пора перестать говорить, что во всем виноваты «другие» и никогда — «я». Хотя я и занимаю должность уполномоченного по правам человека, обязанность которого — заботиться от том, чтобы в Польше соблюдалась законность, я всегда подчеркиваю, что любые права связаны с обязанностями, с ответственностью. Я не хочу вступаться за власть, ибо мне прекрасно известно, что у нее на совести множество прегрешений, но и у нас, у граждан, нет закодированной в генах привычки подчиняться закону. Каждый склонен толковать его несколько избирательно, по своему, и в этом смысле правители ничем не отличаются от тех, кем они управляют. К власти стремятся ради самой власти, она сама по себе становится целью. А ведь власть — это только средство».

В Польше есть законодательные акты, которые видоизменялись с помощью ведения различных поправок более 30 раз (с точки зрения уважающего себя законодателя они годятся только на макулатуру), а объем «Журнала законов», где публикуются новые законодательные акты, в 2002 г. составил 15 тысяч страниц! Два года назад уполномоченный по правам человека организовал конференцию, посвященную законотворчеству, уже несколько месяцев он курирует работу неформальной группы (в ее состав входят вице-маршалы Сейма и Сената, представители комиссий Сейма, председатель Верховного суда), которая собирается, чтобы обсудить, как улучшить законодательную деятельность. «Я надеюсь, что из этих встреч выйдет что-то полезное, — говорит профессор. — Да, 50 тысяч дел — это много, но стоит напомнить, что в Польше ежегодно выносятся 15 миллионов судебных приговоров, административных решений и т.п. Трудно предположить, что все, кто не обращается к уполномоченному по правам человека, довольны этими решениями, но нельзя забывать о пропорциях...» Впрочем, есть и еще одна сторона медали: Анджей Цолль по должности возглавляет жюри Всепольского конкурса на лучшую гражданскую инициативу, который уже несколько лет организует фонд «Pro Publico Bono» [«На благо общества»]. «Этих инициатив много, и они дают нам образ совершенно иной Польши: динамичной, развивающейся, активной, — говорит Анджей Цолль. — Смысл того, что произошло в Польше после 1989 г., для меня сводится главным образом к построению гражданского общества, а гражданское общество — это общество активное, которое помнит не только о своих правах, но и об обязанностях».

Анджей Цолль, один из авторов действующего сегодня в Польше Уголовного кодекса, противостоит политикам, которые призывают к его ужесточению: «Это не что иное, как манипуляция и введение людей в заблуждение. Разумеется, сделать это нетрудно. Нетрудно и достичь чувства самоуважения из-за того, что благодаря этой простой операции граждане почувствуют себя в большей безопасности. Загвоздка лишь в том, что все это неправда. Сегодня исполнения наказания ожидают 30 тысяч осужденных по вынесенным и вступившим в законную силу приговорам судов, потому что тюрьмы переполнены и для них просто нет места. Разумеется, можно строить новые, современные, как, например, построенная в этом году тюрьма на 600 заключенных, которая обошлась налогоплательщикам в 80 миллионов злотых (около 23 млн. долл.). Но зачем? Чтобы посадить туда эти 30 тысяч, а также новые тысячи тех, кто в результате ужесточения уголовного законодательства будет приговорен к лишению свободы? А суровое наказание вовсе не обязательно означать лишение свободы. Мы должны развивать систему, которая во всем мире носит название системы условного осуждения с испытательным сроком. Говоря вкратце, эта система заключается в том, что на лицо, остающееся на свободе, налагается

ряд строгих ограничений или обязанностей, после чего их исполнение контролируется (например, специальным судебным органом). Эта система успешно применяется во многих странах. В современных условиях пенитенциарное учреждение приводит не к ресоциализации, а к деморализации, то есть заключение людей в тюрьму порождает рецидивистов. Разумеется, существуют категории лиц, которых нужно изолировать от общества, иногда даже пожизненно. Но есть и такие, кто не должен попадать в тюрьму, особенно если они совершают преступление впервые. Я думаю, что многие потерпевшие были бы более довольны возмещением ущерба, исправлением нанесенного вреда, чем самим фактом, что виновник попал за решетку. Польский УК весьма суров, и проблема заключается вовсе не в его дальнейшем ужесточении, а в повышении раскрываемости преступлений, которая в среднем составляет около 45%, а для некоторых категорий преступлений и в некоторых регионах падает до постыдно низкого уровня (например, в Варшаве раскрываемость угона автомобилей не превышает 2%). Так что речь здесь должна идти не об ужесточении наказаний, а о привлечении к ответственности преступников, которые гуляют на свободе».

Уполномоченный по правам человека не может изменить ни судебных приговоров, ни принятых законов, но некоторые положения Конституционный суд благодаря вмешательству уполномоченного исключил из правовой системы как противоречащие конституции. Иногда приносят плоды чрезвычайные кассационные жалобы в Верховный суд, благодаря которым удается исправить неправильно вынесенный приговор; бывает эффективным вмешательство по вопросам очевидных нарушений прав граждан. «Все это свидетельствует о том, что наша деятельность не лишена смысла», — говорит уполномоченный по правам человека.

Ежемесячно в бюро уполномоченного, где работает более 200 человек, только одних заявлений с просьбой о кассации вступивших в законную силу судебных приговоров поступает около 250. А ведь эти заявления — лишь небольшая часть того, чем занимается бюро. «Чтобы принять решение об обоснованности кассационной жалобы, нужно получить от суда и прочитать всю документацию по данному делу, нередко весьма обширную. Большинство подобных заявлений не имеют под собой никаких оснований, однако в целом в течение года мы обращаемся в Верховный суд примерно с 70 кассационными жалобами, причем в 80% случаев это приводит к отмене приговора. Довольно много заявлений с просьбой о кассации поступает по делам, связанным с уплатой налогов, и это говорит о том — я вынужден это с сожалением подчеркнуть, — что фискальные органы в Польше функционируют неудовлетворительно, а чиновник, который принял ошибочное решение, приведшее, например, к банкротству фирмы и увольнению ее сотрудников, не несет за это никакой ответственности. Впрочем, чиновники в Польше — это тема для отдельного разговора. Среди них все еще господствует мнение, что лучше дела не решить или ответить отказом (а вдруг человек обратится с протестом «наверх» и сам сумеет добиться желаемого!), чем дать положительный ответ и «подставиться». Кроме того, чиновник по-прежнему обладает огромным преимуществом перед обыкновенным гражданином-просителем — хотя бы потому, что ему известен порядок, без соблюдения которого многих вопросов решить просто нельзя. А такая ситуация, когда чиновник понимает, что сидит в учреждении, чтобы помочь гражданину в решении его проблемы, а не для того чтобы показать свою власть над ним, по-прежнему встречается далеко не всегда».

Иногда Анджей Цолль отдает себе отчет в том, что пытается пробить головой стену и что, хотя правда на его стороне, это ничего не изменит: «Например, кто-то жалуется, что не получил социального пособия. Я проверяю и вижу, что человеку эти деньги безусловно полагаются. Я пишу письмо министру, который признает мою правоту. И тут же сообщает: «К сожалению, сделать в данном случае мы ничего не можем за отсутствием средств». Это неприятная ситуация. Мои коллеги, омбудсмены в странах Западной Европы, сталкиваются с совершенно иными проблемами».

«В праве больше всего меня привлекает вопрос, как с помощью определенных положений законодательного регулирования можно влиять на жизнь людей. В конце концов, если уж на то пошло, — улыбается Анджей Цолль, — самым серьезным источником преступности всегда остается законодатель».

Тереса Черневич-Умэр

МАРЕК НОВИЦКИЙ (1947-2003)

Борясь за человечность, он помогал «удерживать мостик между землей и небом». «Закон был для него границей, а не инструментом власти», — сказал Сергей Ковалев на похоронах скончавшегося 10 октября 2003 г. Марек Новицкого, правозащитника, президента Хельсинкского фонда прав человека. Людмила Алексеева, прощаясь с Новицким, назвала его учителем, который взрастил сотни правозащитников на территории всей России.

Марек родился в 1947 году. Его отец, ученый, был офицером разведки Армии Крайовой, участвовал в Варшавском восстании.

В одном из интервью Марек сказал:

«Моя жизнь складывалась из трех увлечений — остальное отходило на задний план. Первым был альпинизм, вторым — физика, третьим — права личности, защита права человека быть самим собой, защита неповторимости каждого. Эти увлечения наступали по очереди, они определили три периода моей жизни».

В школе, по его собственным словам, Марек был непослушным и дерзким. Даже свою чрезвычайную начитанность он сумел сделать источником конфликтов. Он ненавидел приказы — запреты переносил легче. Получив в четверти двойку по физике, Марек решил доказать, что он не идиот, как назвал его учитель. Взялся за учебу и... победил на физической олимпиаде, благодаря чему мог поступать на физический или математический факультеты без экзаменов. Аттестат зрелости он получил в варшавском лицее им. Рейтана. Он, правда, думал пойти по другой линии, например на юрфак, но с обеспеченным студбилетом предпочел поехать в горы, вместо того чтобы сидеть над книгами, готовясь к вступительным экзаменам.

В то время горы были его страстью. В 14 лет — конечно, прибавив себе возраст — он записался на альпинистские курсы при Высокогорном клубе. Как он рассказывал, ему это разрешили умные родители, видевшие, что непослушный сын нуждается в адреналине: они пришли к выводу, что хотя бы там он не будет хулиганить. Он занимался альпинизмом в Альпах, в Азии, но

больше всего в Татрах, где даже разработал несколько новых маршрутов восхождения. Вместе с другими альпинистами из Варшавского университета он стал одним из создателей студенческого альпинистского движения: сначала был создан Университетский альпинистский клуб, потом Федерация студенческих альпинистских клубов, которую Марек возглавил. Он участвовал в реформе системы

альпинизма в Польше, в 1974-1977 гг. работал в правлении Польского союза альпинистов, а потом занимал различные должности в его комиссиях.

Он воспитывался в доме, куда политике не было доступа. Поэтому молодой Новицкий держался в стороне от общественно-политических дел. Правда, в марте 68-го он бастовал вместе с другими студентами Варшавского университета, но, по его словам, не очень понимал, в чем собственно дело. Он жил любовью к горам, а потом влюбился в физику. Окончив университет, он был оставлен при нем ассистентом и специализировался по экспериментальной ядерной физике. Во второй половине 70-х Марек Новицкий поехал на длительную стажировку в Дубну, в Объединенный институт ядерных исследований. Он неплохо знал русский — как он говорил, благодаря песням Окуджавы, Галича и Высоцкого. Пребывание в Дубне принесло плоды в виде не только собранных материалов для диссертации, но и немалых знаний о тоталитарном государстве.

В Дубне Марек Новицкий не ограничивался контактами с местными учеными. Правда, он не имел права путешествовать без специального разрешения, но он купил советскую одежду, велосипед и начал ездить по окрестностям, разговаривать с людьми. «Я понял, что коммунизм — иной, чем тот, который я знал в Польше, — способен сделать из человека: не из такого, что в псевдозлегантном костюме гуляет по Москве или Ленинграду, а из жителя маленького заплеванного городка... Заканчивая свое пребывание в Дубне, я знал, что полученные знания должен как-то использовать».

В Польшу Марек вернулся в начале 1980 года. После августа 80-го он тут же включился в работу

оппозиции в Мазовецком [Варшавском] региональном правлении «Солидарности». Ездил на организационные и выборные собрания на предприятия, возглавил комиссию по посредничеству, которая помогала разрешать конфликты между дирекциями предприятий и членами профсоюза. Стал также заведовать отделом технической организации актов протеста, то есть занимался организацией протестов, забастовок, уличных демонстраций. В ночь с 12 на 13 декабря, когда было введено военное положение, его взяли в помещении регионального правления и интернировали.

Выйдя из лагеря, Марек Новицкий вернулся в Варшавский университет, но на самом деле его поглощала подпольная деятельность. Он настолько в нее втянулся, что в конце концов отказался от работы в университете.

Он основал подпольное издательство «Нейтрино» и был редактором ежеквартального журнала «Законность. Тексты о праве и несправии» — разумеется, тоже подпольного.

В декабре 1982 г. вместе с группой интеллигентов-правозащитников Марек Новицкий учредил в Польше Хельсинский комитет. Эта подпольная организация, обладавшая хорошо организованной сетью информантов по всей стране, составляла доклады о правопорядке в ПНР и нарушениях международных норм в области прав человека. Первый доклад, названный «Польша в период военного положения», комитет составил в 1983 году. Текст был передан на Запад, переведен и распространен среди правительственных делегаций на проходившей в том же году в Мадриде конференции ОБСЕ. Благодаря документам комитета такие международные организации, как ООН, ОБСЕ, МОТ, были информированы о положении в Польше.

В 1989 г. Хельсинский комитет начал действовать открыто и создал Хельсинский фонд прав человека. Марек Новицкий стал его президентом. В одном из интервью он говорил:

«Мы хотели создать независимое от государства учреждение, занимающееся исследованиями и просвещением в области прав личности. Тогда это еще не было возможно юридически, поэтому мы выбрали форму фонда как слабее всего контролируруемую государством».

На протяжении своей деятельности комитет и фонд приобрели несомненный авторитет и принадлежат теперь к самым важным общественным организациям в Польше и во всей Европе. Марек Новицкий занимался как экспертной работой, так и просвещением в области прав человека. Правда, он был юристом-самоучкой, но за долгие годы, посвященные этой тематике, стал крупным специалистом. Его многократно приглашали в качестве советника к международным организациям, и польские законодате-

ли. Он был одним из авторов проекта «Хартии прав и свобод» и членом консультативного совета по правам человека при министре иностранных дел.

С 1994 г. Марек Новицкий занимал должность эксперта по человеческому аспекту при ОБСЕ, в 1997–2000 гг. был экспертом ООН по национальным планам просвещения в области прав и свобод человека. Он очень много сделал для правозащитного движения в странах бывшего СССР, где стал символом мирной борьбы за достоинство и права личности. Его волновало положение малых народов, борющихся за свое выживание под чужеземным господством, в частности тибетцев. По приглашению его фонда в Польше дважды побывал Далай-лама. В последнее время Марек заинтересовался исламом, чтобы помочь строительству демократии в мусульманских странах без ущерба для религиозного самосознания.

Особой заботой Марека Новицкого было просвещение в области прав человека. По его инициативе была создана Школа прав человека Хельсинского фонда, где он стал самым любимым преподавателем. Он был автором ряда публикаций и сценариев фильмов, посвященных истории и философии прав человека, а также книги «Что такое права человека».

«На права человека, — писал Марек Новицкий, — чаще всего ссылаются политики, стремясь доказать свои, зачастую противоположные взгляды. Между тем права человека стоят над политикой, они универсальны. Невозможно делить их на буржуазные и социалистические, христианские или либеральные. Права человека определяют, чего не имеют права делать власти с подлежащим им человеком, причем неважно, кто держит власть — король, диктатор, единственная партия или демократически избранный парламент. Права человека всегда указывают границы их власти».

В «Газете wyborczej» после смерти Марека Новицкого написали:

«Его интерес к правам человека, подобно альпинизму или оппозиционной деятельности во времена ПНР, был вызван тем огромным значением, какое он придавал свободе и достоинству. Сам он был человеком независимым — это одна из причин, по которым после 1989 г. он решил быть активистом, а не правительственным чиновником, хотя многие его знакомые пошли править страной. В Третьей Речи Посполитой он, будучи активистом, строго следил за их деятельностью».

Он несомненно обладал огромным авторитетом у людей, находящихся в разных местах политической сцены. В 1996 г. Марек Новицкий был награжден медалью св. Георгия, которую присуждает редакция «Тыгодника powszechnego».

Марек Новицкий

О ДЕМОКРАТИИ И ТЕРПИМОСТИ

Фрагменты лекции «Права и свободы человека», прочитанной активистам «Международной Амнистии» (Центр культуры Подковы-Лесной, 1996)

У нас в Польше правит большинство — это ясно. У нас демократически избранный президент, демократически избранный парламент. Надо, однако, не забывать, что правление большинства может быть необычайно жестоким устройством, разрушающим личности и социальные группы. Так в истории бывало.

Чтобы не ходить далеко за примером: Сократ был осужден на таком демократическом процессе, что трудно и отыскать столь же демократическую процедуру. Несколько сот свободных граждан Афин признали его виновным.

Демократия и правление большинства — невероятно деструктивный процесс из-за того, что каждый из нас прежде всего обладает чертами меньшинства. Каждый из нас — женщина, мужчина или ребенок, тот — алкоголик, у той — муж-алкоголик, этот живет возле завода, который своим дымом отравляет окрестности, тот — рыжий, этот — блондин, у каждого свои характерные черты, описывающие его как личность, и 90% их — черты меньшинства.

Зато если мы отдаем правление большинству, то большинство, определяющее себя всего по нескольким чертам, весьма склонно забывать о меньшинстве, забывать о проблемах меньшинства. Потому-то большинство иногда опаснее для личностей и групп-меньшинств, чем бывал когда-то абсолютизм.

Теперь несколько слов о понятии «терпимости».

Классическое понятие терпимости не принадлежит к лексике прав человека, так как терпимость в этом своем классическом значении входит в отношения между людьми. Нельзя сказать, что государство терпимо: это просто либеральное государство, которое многое позволяет. Само слово «терпимость» относится к языку межличностных отношений, и здесь у него есть довольно хорошо определенное значение, но его часто путают с «любовью к ближнему».

Если терпимый человек окажется в компании алкоголика, который ведет себя скандально, он подумает: меня злит, что он здесь и что он так себя ведет, я мог бы заставить его вести себя по-другому, но я этого не сделаю.

Вот суть терпимости: пусть он пьет, пусть он здесь остается, потому что он имеет право здесь быть.

В моем личном опыте терпимости важной оказалась поездка в Лондон, к моему дяде, который там жил. Польша 60-х выглядела так: все ходили в плащ-болонья с портфелем-папкой под мышкой, где лежал завтрак, и в беретке с «хвостиком».

И вот я в этом плаще и беретке поехал в Лондон. Идем с дядькой по улице, и вдруг вижу дерево, а на дереве сидит негр в розовых одежках и играет на гитаре. Я поглядел кругом: некоторые прохожие улыбались ему, другие — нет, но никто не плевался, никто на него не орал. Сидит на дереве и играет — значит, ему так нравится. Меломанам это не мешало, на дворе еще не ночь, так что ничьего покоя он не нарушал, — пусть себе играет. И вдруг я вообразил себе этого негра в Варшаве, как он сидит на дереве и играет. Какова была бы реакция народа, полиции! Это был серьезный опыт в сфере терпимости.

Потом мы проходили с дядькой возле моста. Под мостом жили бездомные. Надо прибавить, что в то время в Англии правила лейбористы и социальное обеспечение было необычайно широким. У кого не было жилья, мог получить его от муниципалитета. Но в любом обществе есть люди, которые выбирают себе нестандартный образ жизни — например, польский дзяд [нищенствующий странник], русский *бродяга* [по-русски в тексте], французский *clochard* [бездомный нищий, клошар]. И это не всегда нищий и бродяга от безвыходности — часто он просто выбирает себе такой стиль жизни. Такими были эти лондонские бездомные: они моли получить жилье, но не хотели, потому что этот образ жизни их устраивал. Под мостом стояли картонные коробки, в коробках леги и джентльмены потягивали из бутылочек, а между ними достойной поступью прохаживался полицейский и смотрел, чтобы никто их не потревожил. Граждане избрали такой стиль жизни — значит, надо их охранять.

Несколько лет спустя я попал в СССР, где проработал довольно долго. В то время одной из проблем, обсуждавшихся в советской печати, были бичи. Слово «бич» расшифровывалось как «бывший интеллигентный человек». Речь шла о людях, которые по горло были сыты этим государством, всей этой системой. Они посылали все к чертям и уходили в тайгу. Брали топоры, пилы, гвозди, удочку. Строили избышки, ловили рыбу и так жили. Что за безобразие: гражданин должен служить государству, он не имеет права куда-то улизнуть и жить как хочет! На них устраивали облавы, вылавливали и отправляли в лагерь, ибо гражданин должен быть существом общественно-полезным. Это тоже был опыт насчет терпимости в межличностных отношениях.

Пожалуй, все тоталитарные системы характеризуются стремлением создать «нового человека».

Я очень боюсь идеологических государств. Трагедия начинается, когда мы имеем дело с государством, которое обладает какой-то идеологией или религией, расцениваемой как сверхценность: в такой момент оно производит «нового человека».

Брежнев уже в 70-е годы заявил, что «советский человек» создан. Чтобы не отстать, Иосип Броз Тито быстро провозгласил существование «югослава».

«Советский человек» был не только лишен национальности — он был человеком совершенно нового общества, мыслящим совершенно новыми категориями. Тоталитарное государство стремится к стандартизации граждан. Все люди должны быть одинаковыми — моделью идеального гражданина, — и при помощи всяческих инструментов каждого гражданина старались втиснуть в рамки этой модели.

В Польше шла когда-то страшная борьба с разноцветными чулками у девушек и цветными носками у юношей — против «стиляга». У кого были волосы чуть подлиннее, тот считался «стилягой», и полагалось его сажать.

Гражданин был обязан не только говорить то же, что все, но и выглядеть как все.

В крайнем варианте мы получаем общество в униформе, как в Северной Корее или коммунистическом Китае, своими телами выкладывающее на стадионах живые картины в честь любимого Вождя.

Я ношу значок, который выпустил Совет Европы, с надписью: «Каждый — иной, но все равны». Это квинтэссенция прав человека: каждый человек есть индивидуальность.

Тадеуш Нычек

ЗАВОРОЖЁННЫЙ ГАЛЧИНСКИЙ

В 2003 году исполнилось 50 лет со дня смерти поэта. К юбилею вышли трехтомные «Избранные произведения». Кто сегодня Галчинский для старых и новых поляков?

Есть такой снимок: май 1964-го, набережная Щецинского порта. На набережной немалая толпа. У микрофона несколько мужчин в выходных костюмах и две женщины — мать и дочь. Вот-вот спустят на воду новое судно десятипятитысячного водоизмещения. Оно называется «К.И.Галчинский». Две женщины на фотографии — Наталья и Кира Галчинские, жена и дочь поэта. Самого его нет в живых уже 11 лет.

Ни одному из послевоенных поэтов не досталось такой чести. Говорят, назвать корабль именем автора «Завороженных дрожек» предложили сами рабочие судоверфи, чтобы увековечить память того, кто однажды решил стать одним из них, жителем Щецина. Пробыл он им, правда, недолго, несколько месяцев в 1948 г., пока тяжелый инфаркт не заставил его покинуть город, климат которого не подходил ему по здоровью. И все равно Щецин гордился тем, что хоть недолго, а жил в нем самый популярный польский поэт.

Морское судно «К.И.Галчинский» свое отслужило: оно ходило до 1995 г., после чего его продали немцам на слом. А что с самим Галчинским?

Gaudeamus igitur,

даже с крысосою в компоте

Публицист и издатель Павел Дунин-Вонсович недавно провел одно исследование. Он заглянул в компьютерные блоги — витрины, в которых люди выставляют свои собственные тексты, обмениваются тем, что им нравится, выражают свои симпатии и антипатии. Он задал поисковой системе задачу составить список имен поэтов, чаще всего

Константы Ильефон
ГАЛЧИНСКИЙ

появляющихся в блогах. На первом месте оказался Мицкевич. Сразу за ним — священник Ян Твардовский. Потом Херберт с Милошем и Посвятовская со Стахурой. Шимборская, на удивление, была лишь на седьмом месте. А Галчинский? Галчинский — на 14-м. После Воячека, Осецкой, Кофты и... Асныка. Наравне с Галчинским был Норвид.

Значит ли это что-нибудь? Трудно сказать. Блоги — функция многих переменных. Мицкевич — это школа, а создатели блогов чаще всего еще ходят в школу. О. Ян Твардовский — с давних пор самый издаваемый польский поэт;

он добился даже коммерческого успеха, и в любом книжном магазине лежат горы его книг. Херберт и Милош — пароли-заклятья литературных салонов. Осецкая с Кофтой пришли из телевидения и массовых музыкальных спектаклей. Стахура и Воячек функционируют в рамках мифа «проклятых поэтов». А Галчинский? Этот легендарный Галчинский?

Амурчик-душка

через подушку влетел в психушку

Еще лет 15 назад не было ни одного конкурса речевых-декламаторов, ни одного школьного театрально-поэтического кружка и такого кабаре, где не звучал бы Галчинский или его словечки. «Привет, мадонна!», «Скумбрии в томате», «Бал у Соломона», «Сережки Изольды», «Завороженные дрожки», «Зеленый гусь», «Письма с фиалкой» — все это были не только названия стихов, поэм, фельетонов или скетчей. Это были пароли с несомненным и очевидным отзывом: каждый знал, о чем идет речь, а половина знала их наизусть.

Галчинский был целым учреждением, живым театром одного актера. А может, и чем-то больше, особенно в эпоху ранней ПНР — живой вольной птицей, с одинаковой свободой садившейся

на деревья в парке и уличный булыжник, влетавшей через окно в комнаты портных, почтальонш, адвокатов, прачек и правительственных чиновников. Он трогал и смешил. В те времена, когда еще не существовало массовой культуры, он был ее предтечей, провозвестником. Товаром, который отлично продается и который известно как продать.

До войны редакторы журналов платили ему не глядя за каждое еще не написанное стихотворение, зная, что благодаря ему поднимут тираж. Когда в 1946 г., после пяти лет немецкого лагеря для военнопленных, он вернулся в Польшу и стал писать в «Пшекруе», невероятный читательский успех этого еженедельника в огромной степени был его личной заслугой. Люди покупали журнал и искали либо его стихи, либо врез с самым знаменитым и самым маленьким в мире театром «Зеленый гусь». А другие — «Писем с фиалкой», подписанных неким Каракулиямбро, в которых этот доморощенный философ польской повседневности высмеивал нонсенсы жизни на берегах Вислы (большинство нонсенов сам же он и выдумывал).

В одной из частей «Порабощенного ума», затаянном портрете Галчинского, Милош писал, что как поэт он был совершенно отдельным на карте европейской поэзии первой половины XX века. Галчинский не принадлежал ни к какой литературной школе. Он с удовольствием мешал в своих стихах уличные и высокохудожественные мотивы, барокко и сегодняшний день, абсурд и политику, логику с нелогичностью, Моцарта с мотыльками, перееханными грузовиком. Кто другой выдумал бы такое определение: «течет величественно Висла, директорша всех польских рек»? Он играл словами и метафорами, как жонглер шариками. Он бывал безумно сентиментален, но, всерьез что-то пережив, мог выстроить из слов собор и гробницу. «Ниобея», поэма, написанная в разгар сталинизма, — одно из тех вдохновенных произведений, благодаря которым польская поэзия по-прежнему сохраняет такое необычайное место в нашей культуре.

Клеем Якова
подклеить всякого

Галчинский не выносил литературных посиделок в кафе для посвященных, презирал авангард, эстетические эксперименты и искусство ради ис-

кусства. Обожал обожание толпы и всегда подчеркивал, что пишет «для людей». И что писать — всего лишь вид услуг населению, как, скажем, портняжное дело. В этой доктрине он доходил даже до коварного цинизма:

*А публика — тот самый главный суд,
Чего, увы, понять не могут дурни.
Желает шутства, так будь как шут,
Ну а котурнов, стань же на котурны.
И ничего мы с этим не потишем:
Мы для нее кроим, и шьем, и пишем.
(...)
Итак, поэту должно под рукою
Держать журнал с желаньями народа:
Писать короткой, длинной ли строкой,
Чего не примет, а чего охота.*

— писал Галчинский в 1947 г. в весьма двусмысленной поэме «Ars poetica, или Искусство стихосложения». Поэмка была ироническая — достаточно закончить вышеприведенную строфу:

*Как говорил философ Париоххи,
Есть в моде сумасшествие эпохи.*

Соцреализм как директива писать согласно «моде эпохи» наступит в Польше лишь два года спустя, но Галчинский уже тогда чуял его мрачное дыхание. Пока что он заслонялся насмешкой, в которой было скрыто зерно истинного признания: он действительно считал словесность чем-то вроде одной из услуг населению. Чем больше она совпадала с нуждами читателя, тем лучше.

Я враг банальности в спорте. Катаюсь на коньках — от крыши

В жизни Галчинский был «королем». О его пьянках и сопутствующих им разгулах и загулах кружили легенды до войны и после. Он был непредсказуем, и ему случалось порождать идеи уровня Тилля Уленшпигеля или Сальватора Дали. Он страстно любил абсурд, театр, передеванья и псевдонимы. Это позволяло Галчинскому избегать окончательной ответственности за то, какой ему случалось делать интеллектуальный и даже политический выбор, ибо он всегда мог скрыться под маской шута. Перед войной он связался с правым «Просто з мосту» («Просто — и/или прямо — с моста»), где ему случалось печатать антисемитские стихи, хотя каким антисемитом он не был — попросту шил по моде этого журнала. После войны — вечный энту-

зиаст! — он без особого сопротивления позволил втянуть свое перо в строительство социалистического счастья. Но Галчинский не был певцом режима как такового. Ему нравилось, что страна поднимается из руин, что Варшава восстанавливается, а Краков остается Краковом. Он радовался этому по-своему — кувыркаясь и подсахаривая метафоры о любимой родине.

Да, он написал панегирик Сталину. Увы, не он один. А ему всегда нужно было быть впереди — так как же не написать? Хотя было это в тот период, почти двухлетний, когда у него начались трудности с печатаньем, ибо товарищам, в тот момент вводившим доктрину соцреализма, вдруг перестали нравиться беззаботные, а местами даже двусмысленные «Зеленые гуси» и «Письма с фиалкой».

Причесывать кота на лестнице — неоразумение в прачечной

Галчинский пережил Сталина на девять месяцев. Умер он от третьего инфаркта в декабре 1953 года. Ему было всего 48 лет — он был в расцвете жизни и творческих сил. Если б он прожил еще два-три года, то дождался бы удивительных времен: польская культура, искусство, польская духовная жизнь — все превратилось в одного сплошного Галчинского. Студенческие театры и кабаре, стихи, целые журналы, эстрада и мастерские художников принялись говорить и писать по-Галчински, его стилем, языком, метафорой, шутовством, иронией. Потом пришел Гомулка, и веселая Польша снова притихла. А еще позже сделалось совсем не смешно, и так продолжается по сей день, несмотря на смену режима и ту свободу, живым символом которой был Галчинский.

Соль Варфоломея — для наболевших ног хорошая идея

Где же сегодня Галчинский? — спросим мы. Что осталось от его стихов, поэм, повестей, рассказов, фельетонов, радиопьес, театральных пьес и пьесок для игры и чтения?

Первый том «Избранных произведений», выпущенный издательством «Читательник» в 2002 г., занимают стихи. Не все, разумеется, потому что нет хотя бы вышеупомянутой оды Сталину. Кроме того не все, включая самые знаменитые, выдержали испытание временем. Думаю, не выдержал, например, славный довоенный «Бал у Соломона»

— хаотическая гонка метафор, столь же примитивная, как блокнот агитатора. Не выдержало и «Путешествие Хризостома Бульветя в Тмутаракань» (1953). Зато горячо рекомендую другую, менее известную поэму «Народная забава», замечательный портрет довоенной рабочей Варшавы, раз в неделю устраивающей свои пресно-бравурные дионисийские празднества на свежем воздухе.

Во втором томе помещены «Театральные опыты». Радиопьесы можно пропустить, но можно и прочитать. Зато все остальное роскошно — во главе, разумеется, с «Зеленым гусем». И очень забавное либретто к оперетте «Орфей в аду» Оффенбаха. Никогда не шедшее на сцене, потому что такой сатиры на социалистическую бюрократию соответствующее учреждение попросту не пропускало.

Том третий — «Проза». Вначале небольшая довоенная повесть, заглавие которой широко известно: «Порфирион Ослик, или Клуб святотатцев». Это — сюрреалистическое сочинение, и мы можем спокойно без него обойтись. Своей славой оно обязано разным намекам на лица и обстоятельства довоенной Варшавы, сегодня совершенно непрозрачным. Лучше всего фельетоны, особенно «Письма с фиалкой». В основном из них взяты врезки в текст, который вы читаете. А что вы скажете о начале одной статьи: «Томас Манн начинал в «Симплициссимусе», а кончил Нобелевской премией. Я начал в «Цирулике» [«Цирулик варшавский», «Варшавский цирюльник», довоенный сатирический журнал], а кончу, может быть, на виселице». Или: «Чиновникам урезали зарплату. Это не так уж страшно: людям головы срезали, и все было хорошо». Так можно цитировать часами.

Новинкой, а для многих наверняка сенсацией, стала «Записная книжка», которую Галчинский вел в 1941 г. в немецком шталаге Альтенграбов. Книжка более полувека пролежала в семейном архиве. Тут уже нет ничего смешного. Эти записки заключенного и одновременно рабочего — трудный для спокойного чтения хаос мыслей, молитв, наблюдений, чувства отчаяния и безнадежности.

Любите, девчата, воробушка, любите, и черт вас возьмн

Второго Галчинского не будет. Так, как он, больше писать не удастся. По крайней мере — никто не отважится. Значит, остается читать его. Хорошо, что он такой у нас был.

**Константы
Ильдефонс
Галчинский**

**Перевели
Юрий Вронский
и Анатолий Гелескул**

ТРИ ПОЭМЫ

СЕРЕЖКИ ИЗОЛЬДЫ

Небольшая оратория

Неизменной чернокудрой Изольде

ГЕРОЛЬДЫ

Герольды приблизились справа,
все в красно-белом герольды,
шли, возглашавшие: — Слава!
Слава сережкам Изольды!

Один был издателем переодетым,
другой то гудел на тромбоне,
то «слава!» — кричал, то свистал и при этом
был в виноградной короне.

Цветы вам то слева бросали, то справа,
в красном и белом герольды,
и распевали вы: «Слава!..»

ДЕТИ

А слева шли строем малютки,
как огонечки в балете,
вдруг ливень обрушился жуткий,
и заплакали дети.

СОЛДАТЫ

А с пригорка шагали солдаты,
всех их вымочил ливень проклятый.

Солдатская песня

«А под той липкой, в зеленом боре
клятву мы дали, что женимся вскоре,
свадебный поезд, кони и дрожки,
тебе на свадьбу куплю сережки».

Сережкам слава, Изольде слава,
и смуглым ушкам красоты.
Детишки слева, герольды справа,
дождь с неба, солдаты с высоты.

БАЗАРНАЯ ПЛОЩАДЬ

ЦЕРЕМОНИЙМЕЙСТЕР

Послушайте, дамы и господа, об этих сережках. Скажем прямо, чтоб не было недоумений: Изольда — всего лишь подпольная кличка. В тот памятный день девушку обнаружили на улице Войцеха Гурского. Скажем по сути и деликатно: была она... как бы сказать... обернута в государственный флаг. Вся была изувечена. Только уши остались и эти сережки. Реализм, господа, реализм.

И, конечно, в высших целях мы вам это покажем.

Медвежий танец

Некто из Кракова-града
медвежье выращивал стадо
и в половине второго
с медведем плясал до упада,
ах, да... с ним плясала корова.

А сверх программы наш поэт Рох Серафинский прочитает свою «Балладу о двух сестрах».

Баллада о двух сестрах

Жили сестры по имени Ночь и Смерть,
Смерть постарше, а Ночь помоложе,
была, как сон, распрекрасна Смерть,
и Ночь была тоже пригожа.

Эй-тари-ра! Ой-трата-та!
И Ночь была тоже пригожа.

И эти сестры служили в шинке
над речкой, в старом фольварке.
Заходит проезжий и просит: — Эй!
Налейте-ка чарку, шинкарки.

Эй-тари-ра! Ой-трата-та!
Налейте-ка чарку, шинкарки.

Тут же к проезжему Ночь подошла,
младшая, синяя лада,
вмиг наливает. Проезжий в стакан
глянул: — Напиток что надо.

Эй-тари-ра! Ой-трата-та!
Глянул — напиток что надо.

Тут же к проезжему Смерть подошла,
легче полуночной тени,
путник хлебнул, и — в осколки стекло,
был тот напиток отменной.

Эй-тари-ра! Ой-трата-та!
Бал тот напиток отменной.

Выпил до капли и — в тартарары,
и вмиг онемел, но, пожалуй,
успел разглядеть, что у старшей сестры
серьги красы небывалой.

Эй-тари-ра! Ой-трата-та!
Серьги красы небывалой.

Эту балладу ненастной порой
в Дублине вечером сонным
мне спел в «Трех коронах», в славной пивной,
Джон Бартон, Джон всем Джонам.

Эй-тари-ра! Ой-трата-та!
Джон Бартон, Джон всем Джонам.

В Дублине этих баллад навал,
выловишь целую стаю,
и эту, которую там услышал,
для Кракова перелагаю.

Эй-тари-ра! Ой-трата-та!
Для Кракова перелагаю.

ЦЕРЕМОНИЙМЕЙСТЕР

Конец «Баллады о двух сестрах».

ПОЭТ

Нет!
Над Вислою, Волгой, над берегом Дуная
и в облаках наконец,
Изольда, Изольда моя смоляная,
ты — пятое время года. Конец.

ЦЕРЕМОНИЙМЕЙСТЕР

Винтика у него в голове не хватает. Любезные радиослушатели, безусловно, ежели кто-то сегодня захочет пойти на премьеру «Сережек Изольды», то, несомненно, конечно, против этого мы ничего не имеем. Музыка. Доброй вам ночи.

ТА ЖЕ БАЗАРНАЯ ПЛОЩАДЬ В ТУМАНЕ

А под той липкой в свете неясном
в тумане кони, в тумане дрожки.
Тебе на свадьбу куплю сережки.
Что за сережки? Белые с красным.
Белое с красным? Словно Варшава.
И это все для меня, для Изольды.
Что за Варшава?
Варшаве слава!
Слава сережкам Изольды!

В ТРАКТИРЕ
«Огонь, вода и медные трубы»
И ПРИ ВЫХОДЕ ИЗ НЕГО

Как приятно! Очень мило!
Чечевинский. Крупчаловский.
Вы смеетесь? Божья сила!
Рад вас видеть в полном лоске.

Про сережки вы слышали?
Это что, балет пекинский?
Вот селедка, спирт в стакане,
Крупчаловский. Чечевинский.

Кто? Изольда? Под Цецорой?
Демократы? Бред бесовский.
Краков наш не любит вздора.
Чечевинский. Крупчаловский.

Под Цецорой? Вот досада!
Что там было? Ах, Килинский?
Головою думать надо.
Крупчаловский. Чечевинский.

У меня, представьте, пане,
пряди рыжие в прическе,
словом, танец на вулкане,
Чечевинский. Крупчаловский.

Сброд один, одно корыто,
Что Балицкий, что Верынский,
Вы с ключом? Там дверь закрыта.
Крупчаловский. Чечевинский.

Ключ? Какой из них? Постойте.
Вы бесплатно? Прочь с повозки!
Дураков из нас не стройте.
Чечевинский. Крупчаловский.

Кто дурак? А сам? Паскуда!
Сам свинья! Ублюдок свинский!
Хватит. Хватит. Вон отсюда.
Крупчаловский. Чечевинский.

Демократы. Демократы.
Это что? Балык московский?
Серьги? Это вместо платы?
Чечевинский. Крупчаловский.

* Речь идет о битве под Цецорой 19 сентября 1620 г., во время которой гетман Жулкевский погиб от руки турок.

Слева я, а ты, брат, справа.
Выпить что ли водки со льда.

.....
И пели солдаты: «Слава
сережкам твоим, Изольда».

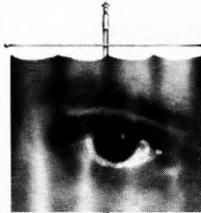
ПОЭТ

Господа, прощенья просим,
перед вами Серафинский.
Я имен припомню восемь.
Крупчаловский. Чечевинский...

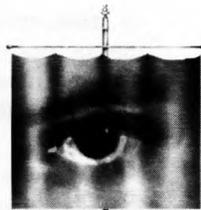
К сожаленью, я бездетный
и гляжу, увы, сквозь стекла.
Мне бы прыгнуть в жерло Этно
по примеру Эмпедокла.

Красно-белый дым из щели.
Лишь сандалии уцелели.

Я о чем? Да сам не знаю.
Только байки за душою,
сам пишу и сам читаю,
слезы лью с яйца большое.

Сколько этих слез соленых!
Упадет одна — вот диво! —
сразу выпорхнет цыпленок
и поет, да так красиво!

Вот, друзья, стихи откуда.
Почитать в досуг нехудо.

Нам от них к супам приправа
хлеб и кофе — сущий рай.
Господа! Сережкам слава!
Слава, господа!
Good bye.

Плач по Изольде

Нет ее,
вот беда!
Нет ее,
ни следа...
Что сказать в печали?
Норвид бы —
на листе,
Тициан бы,
Рембрандт бы —
на холсте
писали.
Длани, как

ветра след,
очи, как...
слов нет.
Ангел шел
в туман, в рассвет,
я ему: «Да»,
он в ответ: «Нет».
И морок навел, что есть мочи.
Вижу твой лик —
и слезы вмиг.
Тоска.
Не худо бы сливянки...
А здесь так:
худой знак,
черный мак,
горький мрак,
как после пьянки.
Теперь-то что?
А все не то.
Хрупкий мир,
как стекло,
маски, фаготы.
А мне на кой
тюльпан, левкой,
смарагд,
гитара
и пакетботы?

ДИРЕКТОР ТЕАТРА

Прошу, господа. Начинаем. Извольте.
Одежда любая. Нельзя без одежды.
Прошу вас: «Девчонка лежит на асфальте
под красно-белым штандартом надежды.
Гляньте на небо. Там новые знаки.
Там, где Овен, возле Млечной дорожки
звезд восемнадцать сияет во мраке,
Созвездье
«Сережки Изольды».
.....
Сережки?

Перевод Александра Ревича

ПУТЕШЕСТВИЕ В ТЕМНОГРАД

Предисловие

I

На горке, еле различим для взгляда,
спит город в лоне ночи небывалой,
он крепок, как и житель Темнограда,
и простоит лет тысячу, пожалуй.
Всего лишь тысячу? Жаль, что не дольше.
Я смог бы написать о нем побольше.

II

Там, в Темнограде, дул холодный ветер,
что ж, я сказал себе, бывает хуже.
Меня он мраком inferнальным встретил,
но я дрожал от заурядной стужи, —
свидетель Бог: я не был страхом скован,
хотя вояж мой был весьма рискован.

III

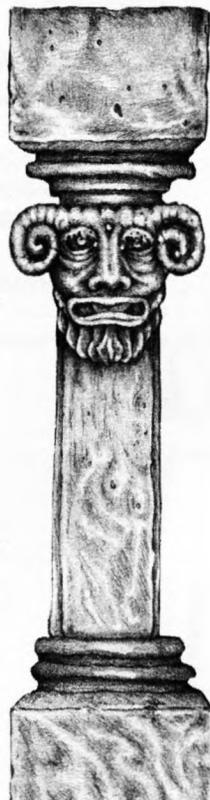
И тем труднее был, что нить вояжа
с пера слетала — очень непроглядна...
Как оживить, кого не видишь даже?
Тут надо кофе вылакать изрядно,
известно ведь любому рифмоплету:
как трудно образ вылепить с налету.

IV

В гостинице, где я остановился,
снаружи в окна моего покоя
какой-то шум базарный доносился,
а может быть, неистовство слепое,
а может, просто дьявольское ржанье...
Но это лишь храпели горожане.

V

Чудовищно бессмысленные рожи,
в грязи как изнутри, так и снаружи,
и горе-имитаторы, похоже,
а может быть, и что-нибудь похуже —
слюней потоки из разверстых пастей,
коты, клопы и прочие напасти.

Еще я спал, как образцовый соня,
и только разворачивались грезы,
в мой номер появился чичероне,
чтоб показать мне город и курьезы.
От снов я отряхнулся, как от пыли.
И, взяв фонарь, мы с ним во мрак вступили.

VII

Мы молча шли по улицам пустынным,
вдали синело, верно, пламя ада,
и пахло ладаном и нафталином —
и все тряслось от храпа Темнограда.
Во сне он бредил, пробудиться силясь,
и в зарево те бредни превратились.

VIII

Все ж пробудился он, томить не будем,
и из щелей полезли дети смерти,
на взгляд подобные обычным людям,
по сути же — чудовища и черти,
мир монстров и уродов, обезьяны,
ночь Иеронима Босха, сон Татьяны...

1953

Перевод Юрия Вронского

**КОНЕЦ СВЕТА
ОТКРОВЕНИЕ СВЯТОГО ИЛЬДЕФОНСА
ИЛИ
САТИРА НА МИРОЗДАНИЕ**

*Посвящается,
помимо Его Сиятельства Тадеуша Кубальского,
моим тетушкам
Питони, Рамоне, Орфозии, Леноре, Евразии,
Титине, Атараксии, Республикани,
Ерусалимии, Антропозоотератологии,
Трамполине — смерчем с болонских улиц
во цвете лет похищенный —
и безутешный
АВТОР.*

*Apparebit repentina
Dies magna Domini
Fur obscura velut nocte
Improvisans occupans.**

Латинская песенка

Ученый Пантафианда
в Болонской Академии,
берет совлекая с темени,
вскричал: — Господа, беда!
По моему расчету,
планета наша ни к черту,
а также космос, и это
Конец, полагаю, Света.
Сквозит в мировом эфире,
созвездья пошли в разнос,
и жить, по моей цифири,
осталось нам с гулькин нос.

Известие возмутило,
и сам почтенный Маркони,
ученейшее светило,
известнейшее в Болонье,
воскликнуло: — Пропаганда!
Мошенник Пантафианда
втирает очки напрасно,
а что до его цифири —
чего она стоит, ясно,
как дважды два — четыре.
И заверяю как ректор —
кто клюнет на эти шутики,
раскается в том и крепко.

* *День Господнего гнева
Настигает нас, грешных,
Яко тать полунощный
Из потемок кромешных.*

Мы признанный цвет науки,
и здесь не место дебатам,
тем более с бесноватым.

Зал зашелся от свиста:
— Варварство! Верх бесстыдства!
Вздумал мозги туманить,
каждого оболванить,
выставить пустобрехом!
Но козни выходят боком,
фигляр, осмеянный всеми!

И разошлось собрание с топотом, грюком и бранью,
как в польском сейме.

Чернели скамьи в палате.
чернело вверху распяты,
на кафедре — в позе Бранда*
маленький и согбенный
душеприказчик вселенной,
гномик Пантафилянда.

Зверски ныло в затылке.
Запил порошок из бутылки
и посидел в покое,
не поднимая век.
Ученый и все такое,
а тоже ведь человек.
Потом зашаркал паркетом
с видом ужасно хмурым,
под нос ворча при этом:
Недолго вам, самодурам...

С лицом под стать Магомету,
добравшемуся до Мекки,
в блокноте сделал помету,
открыв циферблат «Омеги».
И опершись на ладони,
долго смотрел в окно.
А за окном Болонья.
Деревья. Вечер. Темно.

Наигрывает на флейте
студент в золотом берете.
Лето на белом свете...

КОНЧЕНО. Обречено.

Часу в шестом, на рассвете,
во искупление зла
в ректорском кабинете
треснули зеркала,
а следом — по всей Болонье,
в палаццо и притоне.

* Герой пьесы Ибсена «Бранд», мятежный пастор

Рассыльный, с утра хмельной,
глядит на себя, дивится —
уж больно лицо двоится,
не зеркало ли виной.

Видя такое дело,
с амвона свеча взлетела,
за ней и другие в страхе,
как перед бурей птахи.
И глиняные святые,
напрягши тугие выи,
вспорхнули, тая в зените.

Не стало их, извините.

На сем мои виденья
просят отдохновенья.

Видения следуют

Коты, мотыльки и ели
со страху пошли вприсядку,
стрижи на лету седели
и красила кровь брусчатку.
И даже ректор, который
лелеял свое неверье,
задержав наглухо шторы,
рыдал, как дитя, за дверью.
А в сумерках заоконья
звучало: «Прощай, Болонья!»
Сходились как на поминки.
Густея, толпа шалела.
Резиновые дубинки
полиция не жалела,
но проку было немного.
И те, кто веровал в бога,
вопили: «Смилуйся, Боже!»
(дуэтом — еврей и выкрест),
а те, кто не верил, — тоже
горланили: «Бог не выдаст!»
Скотина в хлеву ревела.
По городу со свечами
процессии шли и тело
полосовали бичами.

Сам Папа (чур, между нами!)
на карте ищет укрытье.
Тревога в папском синклите,
бичуют себя (цветами),
поскольку судьбу Содомы
напомнил Господь устами
болонского астронома.

Одни студенты на страхи
плевать хотят, вертопрахи,
привыкли к земным уладам.
В затканной виноградом
таверне сдвигают кружки.
строча акrostих подружке
и не боясь ни черта.
Ну, а скромниц нарядных
через лист виноградный
знай целуют в уста.
Хорошенькое дело!
Под нами земля горела,
а эти горя не знали,
предавшись плотским утехам,
на все отвечали смехом
и пили коньяк, каналы,
крича: «Evviva Bologna,
citta delle belle donne!»*

.....
Рассказ пока прерываю,
но зависти не скрываю.

Покуда все бушевало
неслыханно, небывало
и в корчах билась наука,
плотник Джованни Лукка
тесал, занимаясь в целом
не очень веселым делом,
и пел: — Как тесло отпляшет
и сладим мы гроб из теса,
в него красавица ляжет,
навек золотокоса.

Окончив труд и лепешку
макнув в остатки портвейна,
ел долго, благоговейно,
смакуя каждую крошку.
Потом, достав из футляра,
воздел на нос окуляры
с тесемками вместо дужек,
тесемки стянул потуже,
боясь повредить, однако.
Набил носогрейку, выждал,
пока задымит, и вышел.
Скучая — и съев собаку
в политике — взял газету:
Конец, говорите, свету.
Зевнул: — Весьма любопытно...
И лег у подножья бука,
сочтя, что поел он сытно.

Спи с миром, Джованни Лукка.

* Да здравствует Болонья, город красавиц! (итал).

Зато не спала больница.
Ни сна, ни врача, ни шприца.
Больные в мягкой постели
бранились и жить хотели,
кричали: — Где эти хлапы,
хваленые эскулапы?
А где полотенца, мыло
и клизмы, куда все сплыло?
Не просим вина и бабы,
зубной порошок хотя бы!
К чертям бандажи и судна!
Уснуть бы вам непробудно!

И те, чей сон неминуем,
шептали в лад: — ПРОТЕСТУЕМ!
Копайтесь сами в лекарствах,
хотим завязывать галстук,
хотим назло эскулапу
носить зеленую шляпу!

Взывали к сестрам и к Богу,
стенали, звали, орали,
но выдохлись понемногу
и к ночи поумирали.
И стало тихо. Однако,
раздался какой-то шелест —
влетел небесный пришелец,
похожий на вурдалака,
и, шкодник инопланетный,
лекарства в одно мгновение
сожрал, как набор конфетный.
Прелестнейшее виденье!

Торговки и спекулянтки
сходились и в самом деле
оставили перебранки
и мир наш до слез жалели.
Видали?
А что?
Погано.
Кругом одни хулиганы.
Погано и там, и тут.
Да тише вы, заметут.
Наслушаешься в костеле.
Накликают, дай им воли.
Да что костелы! Глазейте —
открытым текстом в газете.
Сегодняшней. Каково?
Ну, дожили...

QUI
PRO
QUO.

Про это шу-шу, про то.

— Господня кара.
— За что?
За то.
А Космос?
В агонии.
Сочувствую Космогонии.
И снова на всех углах
что, как или ох и ах.

.....
Месяц крыльями машет
и плывет по излучке.
Взявшись за руки, пляшут
одноногие буки.
Пишет синее слово
вязь реки молчаливой.
Месяц к ветке садовой
присоседился сливой.

Не спасет полнолуние,
и надеемся втуне.
Не спасет полноводье,
неспокойно в народе.
Не спасет и охрана,
страх — как шум океана.

Как могильные своды,
смыкаются тучи,
возмущенье Природы
возвещая тягуче,
беспросветны и рыжи,
и все ближе, все ниже,
нависают горбато,
подбираются к виллам.
Бьются звуки набата
над Святым Михаилом.
Целый край в перезвоне.
ибо страшно Болонье.

Пиши, банкир, завещанье
плевал Господь на купоны.
Ищите щель тараканью,
Безбожники и масоны.
Антихрист вымпелы бесьи
на ось земную повесил.

Сбывается, пустозвоны,
пророчество астронома.
Надежней закона Ома.
Как лес, гудят телефоны
в парламенте, в зале тронном.
Король прилип к телефонам.
Алло!
Алло! Дженева?
Антонио?
Вашу мать!

Алло! Четыре ноль пять!
Алло! Блюстители трона?
Не слышу! Склад похоронный?
Да, слушаем. «Детский мир».
Петрушки по десять лир.
Алло! Королевский зять
велит карету подать.
Алло! Звонят из Генштаба.
Мой пупсик?
Заткнись ты, баба!
Простите, Сир, виноват.
Бузит пролетариат.

Флейте-пикколо вторя,
барабаны забили,
город замер и вскоре
берсальеры вступили.
Войско в лад топотало,
флейта птицей свистала,
и, насупленный, сивый,
брел под это бельканто
и метелку из ивы,
словно крест эмигранта,
нес товарищ Мочалко.
Тряс метлой по брусчатке:
— Как там космос ни жалко
мостовая в порядке.
Метена мостовая
и трамвайные рельсы,
и крылом помавая,
реет голубь библейский.
А над голубем месяц,
серебрящий задворки.
Так и шли они вместе,
месяц, голубь и дворник.
На предместьях спустилась
благодатная дрема.
И улыбка светилась,
на лице астронома,
хоть и сердце щемило,
да и вечер был тяжек:
До чего же он милый,
пролетарский пейзажик!

Точно так же на это
любовались поэты.
Раньше — что вы, куда там!
Ну, с вагоновожатым
два словечка в трамвае
перемолвят, зевая.
Нынче тащат в поэму,
развлекая друг дружку,
пролетарскую тему,
как малыш — погремушку.

Эх, поэт на поэте,
забавляетесь, дети!
А уже загремело,
а уже заискрилось,
и недоброе дело
не вчера заварилось.
Не вернутся бесчинства.
не начнутся сначала.
Не спасла матерщина.
Мирозданье трещало.
Муравейником стали
скверы, залы, базары.
Все гаддели, гадали,
ускользнут ли от кары.

Но приходит расплата —
и ловчить поздновато.
Во вселенской болтанке
все пошло вверх ногами,
склепы, цирки и банки,
и кадила во храме,
триумфальные арки
и турецкие бани,
и слоны в зоопарке,
и герой на экране.
Спал, как помните, Лукка,
были сны все приятней,
а проснулся от стука —
нет как нет голубятни
с голубком белоперым,
очевидцем потопа,
любовался которым
астроном—недотепа.
.....

Когда же к утру созвездья
сошли с привычного места,
из города и предместья
двинулся марш протеста.

Шли, как семья к обедне,
старый, малый и средний,
черный, желтый и всякий,
шли монахи, гуляки,
полицейские, воры,
шулера и филеры,
некий чревовещатель,
депутатский приятель,
а за ними актеры,
и раввины с аббатом,
и архангел с рогатым.
Короче, уйма народа
и гвалт, как во время драки.
А впереди похода
ректор верхом на хряке.

Шли коммунисты с догмами.
Шли анархисты с бомбами.
Эксгибиционисты
вскинутыми, как знамя,
размахивали штанами.
И шел народ немудрящий
неся над собой гласящий
простым языком рабочим
плакат «УМИРАТЬ НЕ ХОЧЕМ».
Масоны шли с мастерками,
а дети просто с венками,
поскольку склонны к игре.
Махровые монархисты
кричали: «Evviva il Re!»*
Напротив, неопаписты
Смотрели на это косо,
слагая в душе кантату
Христу и пролетариату,
и пели «Bandiera rossa»**.

Бурлило море людское.
Но ладно, складно, как надо:
массовки, речи, побои,
бомбисты и штурмотряды,
кресты для черного мяса
и тезисы резолюций,
воззваний и революций.

МАССА

Шествие замыкали
несколько делегаций,
проча слиянье наций
в Интернационале.
Первом, Втором и Третьем,
всякий раз предпоследнем.
Мир избавленье ждало.
Радуга над потопом.

Радуга опоздала.
Обнялись миллионы,
взялись за руки скопом
и сиротками на панели
заметались,
оцепенели,
а из тысячи тысяч глоток
зарыдал миллионнорото
крик отчаянья и моления:
НЕ ХОТИМ СВЕТОПРЕСТАВЛЕНЬЯ!
Но тут-то вот как назло
оно и произошло.

* Да здравствует король (*итал.*)

** «Красное знамя» (*итал.*) — гарибальдийский, а впоследствии, в измененном виде, коммунистический гимн.

Что-то в то же мгновенье
распоясалось в атмос-
фере. (См. Откровенье
Иоанново, Патмос).
За светилом светило
опадало и стыло.
Звезды сыпались роем,
сирота эмпиреи,
и уж их мишурую
торговали евреи.

А месяц, как принц наследный,
светилам поодиночке
наследуя, спекся, бедный,
и спрятался в винной бочке.
С лету забулькал в жиже,
сделав ее голубую,
стих, как утопшие мыши,
и так покончил с собою.

С извечным кончено строю
вконец изжитых гармоний,
каюк вселенским устоям
и всей космической вони.

В сей миг всемирного слома
раздался глас астронома:
«Довольно страхов и паник!
Устройство нашего мира,
бредовое, как Титаник,
ушло в пучину эфира».

ПОКА О СКОНЧАНЬИ СВЕТА
НЕБЕСНЫЙ ПЕЛ ТЕЛЕФОН,
ПЕРЕСКАЗАЛ ВАМ ЭТО
РАБ БОЖИЙ ИЛЬДЕФОНС.

FINIS

1928

Перевод Анатолия Гелескула

Константы Ильдефонс Галчинский (1905-1953). Во время I Мировой войны жил и учился в Москве. После возвращения в Варшаву изучал английскую и классическую филологию, однако прервал учебу. Был членом левой литературной группы «Квадрига». Дебютировал в 1929 г. повестью «Порфирион Ослик, или Клуб святотатцев», а спустя год вышла его поэма «Конец света». В 1935-1939 гг. был тесно связан с правым еженедельником «Просто з мосту». Участвовал в сентябрьской кампании 1939 г., которая закончилась для него советским пленом. Содержался в Осташкове, а через какое-то время был переведен в немецкий лагерь, в котором пробыл до конца войны. Прежде чем вернуться в Польшу путешествовал (Голландия, Париж, Рим, Брюссель). Приехал в Польшу в 1946 году. Вначале печатался в «Тыгоднике повшехном», но довольно быстро записался в сторонники нового строя. Больше всего его текстов было опубликовано в журнале «Пшекруй» (в частности цикл «Зеленый гусь»). Начиная с 1949 г. его поэзию резко критиковали за несоответствие требованиям соцреализма. В последние годы жизни написал поэмы «Вит Ствош», «Ниобея», а незадолго до смерти — цикл «Песни». В 1957-1960 гг. были изданы «Сочинения» Галчинского, а в 2002 г. — «Избранные сочинения», содержащие много ранее не публиковавшихся и разрозненных текстов.

Михал Гловинский

Перевод
Стеллы Тонконоговой

ПАМЯТНЫЙ УРОК

Я не любил уроков физкультуры, прямо не выносил, был без сомнения самым худшим в классе и ничего не делал, чтобы исправить отметку; не старался, потому что предмет этот был мне глубоко безразличен; одно меня занимало — как-то выдержать от звонка до звонка сорок пять минут, отведенных на физкультуру, и получить по ней в конце года злосчастный трояк, чтобы перейти в следующий класс. Мне было неинтересно, даже противно выполнять упражнения; то, что я хуже всех, меня не трогало, я к этому привык, и вместе со мною привыкли остальные — не только одноклассники, но и учителя. Это никак не влияло на мою самооценку, хоть, конечно, сказалось на образе моей скромной персоны у тех, кто соприкасался со мной в школе. Я слыл нелюдимом и чудачком, вообще не интересующимся спортом: меня не волновали результаты матчей — ни громких, решающих, которые разыгрывались где-то далеко и транслировались по радио, ни местных, в которых участвовала представительная команда нашего Городка (у нее было много болельщиков). Не следил я также за ходом и результатами большой велосипедной гонки, которую, согласно обзывавшей в то время пропагандистской лексике, патетически нарекли «Велогонкой мира». На мои школьные годы пришлось только их начало, но уже тогда эти велогонки сильно действовали на воображение школьников. Полное равнодушие к тому, чем увлекались мои товарищи, затрудняло контакты с ними. Я был обречен на молчание по самой простой причине: мне нечего было сказать, ибо я в этой области ни бельмеса не смыслил, а притворяться мне не хотелось, тем более что у меня уже тогда возникло увлечение совсем иного рода — величайшее удовольствие я получал, слушая музыку. Ту самую прекрасную музыку, сочиненную великими композиторами прошлого. Их произведения, передававшиеся по радио, я впитывал с истинной юношеской жадностью. А равнодушие к спорту с какого-то времени я даже стал выказывать демонстративно, что особенно злило моих одноклассников. Они углядели в этом не только

чужаство и проявление непригодности к жизни, но и свидетельство моей непроходимой, неопишуемой глупости.

Еще больше, чем физкультуру, не любил я предмет, называемый военной подготовкой. В моей памяти почти не сохранилось особых событий, с ним связанных, однако я понимаю, что это был совсем не такой предмет, как физкультура. Это вытекало не только из того, что армейская, точнее допризывная подготовка имела строго определенную цель. Нет, физкультура была скорее идеологически и политически нейтральна (насколько тогда, в эпоху тотального и агрессивного сталинизма, нечто подобное вообще могло иметь место), а военная подготовка явно и открыто служила пропаганде. И неудивительно: ее задачей было подготовить нас к службе в Польской народной армии, ее целью — воспитать воинов-защитников социализма, который жаждет уничтожить американские империалисты при поддержке возрождающегося немецкого милитаризма. В нашем лице оба предмета вел один и тот же учитель — Эдвард Рыглевский.

Он был хорошо подготовлен, чтобы вести и тот и другой, так как незадолго до войны начал учиться в Академии физического воспитания, а в годы войны был солдатом. Сражался он в польских частях, сформированных на Западе. Я мало что знаю, а по сути ничего не знаю о его службе помимо самого факта. По понятным причинам он на эту тему ничего не говорил, хотя был из людей разговорчивых, любящих рассказывать. Он, разумеется, знал, что «народная власть» преследует, отдает под суд, под разными предлогами бросает в тюрьмы людей с такого рода биографией; быть может, он жил в непрестанном страхе, опасаясь, что и его постигнет подобная участь. Все, кто был знаком с ним, знали, что после войны он вернулся в свой родной Городок из Англии. Это было очевидно, ибо и в будни, и в праздники он ходил в английском военном мундире, хотя, конечно, без знаков различия; вероятно, никакой другой одежды у него и не было; в годы после окку-

пации такая одежда не привлекала особого внимания: кто только не носил тогда разные вещи, оставшиеся после дембеля, в том числе и из западных армий, и это не возбуждало подозрений идеологического характера. Во всяком случае, если мне доводится много лет спустя представить пана Рыглевского, я всегда мысленно вижу его в неизменном светло-зеленом экс-мундире.

А поскольку тогда в нашем Городке не было никого другого, воевавшего у Андерса, Мачко или в каких-либо иных армиях, дивизиях или частях на Западе и после войны вернувшегося домой, пан Рыглевский возбуждал особый интерес, казался личностью таинственной. Среди школьников, а особенно школьниц кружила этакая романтическая версия его биографии. Пан Рыглевский вернулся на родину — хотя новый строй ему не нравился и он сознавал, что с возвращением связан риск, — потому якобы, что горел желанием поскорее соединиться со своей невестой, которую страстно любил, но не видел с 1939 года, когда был мобилизован и ушел на войну. Этот любовный сюжет в стиле сентиментальных романов для не слишком требовательных дам, с особым пристрастием повторяемый девочками, обрастал разного рода подробностями и реалиями — о них я, однако, не могу писать, так как не помню: я не был благодарным слушателем таких баек. И даже теперь, спустя полвека, не жалею об этом: вымысел в них решительно одерживал верх над правдой. Да и трудно было представить пана Рыглевского в роли героя романа. А дело было, кажется, так: после своих военных походов он приехал в Городок с молодой женой. Познакомился он с нею в Англии, но родом она была из Польши: война неожиданно забросила ее в те края. Признаться, такой ход событий куда меньше походил на сюжет романа, нежели легенда о возвращении, якобы продиктованном великой и верной любовью, над которой не властны оказались ни военные скитания по далеким странам, ни время.

Пан Рыглевский редко говорил о себе, что понятно: учителя вообще не склонны на равных беседовать с учениками о чем-то серьезном, тем более открываться перед ними, обсуждать свои жизненные проблемы или конкретные вопросы, которые тревожат, тяготят, возбуждают страхи. Нарушал он этот принцип лишь в одном: часто, при разных обстоятельствах, упоминал о том, в какой нищете приходилось жить ему и его семье. В по-

слевоенные годы нищета была обыденной, но в его случае она стала особенно мучительной и горестной. Жена не работала, у нее на руках оказалось двое малых детей. Зарплата учителей вообще была маленькой, а уж его жалованье — вероятно, и вовсе мизерным, так как он вел предметы, занимавшие в школьной иерархии нижнюю ступеньку; будучи к тому же человеком, которому по причине запутанной биографии в те времена ничего лучшего не светило, он по логике вещей вынужден был довольствоваться малым. Было видно, что пан Рыглевский дорожил работой учителя, видя в ней, очевидно, свой единственный шанс: все прочие двери были перед ним закрыты. Дорожил, хотя она обрекала его на нищету столь жестокую, что он не мог не упоминать о ней.

Иногда школьнику удастся вступить с учителем в более близкое общение, достичь взаимопонимания, но только не в моем случае: я неизменно плелся в хвосте и даже не пытался делать вид, будто стараюсь и жажду иметь по его предметам отметку выше тройки; впрочем, утешал я себя тем, что из-за плохих оценок по физкультуре и военной подготовке никого пока что на второй год не оставляли. Учитель, к счастью, как-то терпел меня, хотя знал, что я безнадежен. А остался он в моей памяти в сущности из-за одного своего урока. На этом уроке мы не занимались никакими упражнениями, а должны были, спокойно сидя за партами, внимательно выслушать, что он нам расскажет. Его лекция посвящена была новому маршалу и министру обороны Польши Константину Рокоссовскому (официальное название Польская Народная Республика тогда еще не было принято, его ввели попозже). Этот неожиданный, прямо поразительный импорт из Союза Советских Социалистических Республик, великий дар старшего брата польским друзьям и союзникам вызвал сильнейший шок, грянул как гром среди ясного неба, хотя в те времена ясного неба не бывало даже в погожие, залитые солнцем дни. Он вызвал страх, ужас, наихудшие предположения у взрослых, да и среди школьников тоже. Почти все в нашем классе были членами Союза польской молодежи либо готовились вступить в него, ибо прошел слух, будто бы тот, кто к этой организации не принадлежит, не имеет никаких шансов и не будет принят в высшее учебное заведение. Но мы знали свое, разума у нас не отняли — может, за исключением одного нашего одноклассника, в голове которого вспых-

нуло пламя великой веры и потому он готов был слепо, с пылким энтузиазмом превозносить любые начинания народной власти, даже самые жестокие, а то и абсурдные. А если уж разума у нас не отняли, то мы задумывались над тем, что означает это невероятное назначение, что оно сулит. Мы создавали, что прогнозы самые скверные, недвусмысленно угрожающие.

Тем более, разумеется, создавал это пан Рыглевский. Урок он начал, насколько я помню, с детальной, на вид совершенно объективной информации: ему выпало говорить на эту тему, так как он должен посвятить ей урок военной подготовки, — это само собой разумеется, коль скоро маршал Рокоссовский стал новым командующим польской армией. Тем самым учитель дал нам понять, что обязан провести этот урок, потому что получил такое распоряжение — и никоим образом не может ему воспротивиться, отказ исключен. Не в состоянии был сказать «нет» не только он, подозрительный солдат, вернувшийся в страну с Запада. Этого в мрачной Польше конца сороковых годов, спешно и насильственно сталинизируемой, не мог по сути позволить себе никто, если не хотел угодить в список врагов и подвергнуться серьезным репрессиям вплоть до ареста, — даже тот, у кого биография была без сучка и задоринки.

Лекция началась с рассказа о жизненном пути нового польского маршала, привезенного как подарок в портфеле из первой страны победившего социализма. В этой части Рыглевский скорее не рассказывал, а излагал, словно повторяя хорошо выученный текст, с содержанием которого, однако, не нужно себя отождествлять. Все в нем верно, все на месте, нет ничего такого, что нарушало бы навязанную норму, однако напрочь отсутствует какое-либо личное отношение.

Даже те ученики, которых политика не особо интересовала, не слышали ничего нового: в последние дни официальную версию биографии Рокоссовского газеты и радио популяризировали чрезвычайно настойчиво, так что просто невозможно было оказаться вне сферы ее воздействия, она, что называется, наносила удары со всех сторон, осаждала даже тех, кто вовсе не намерен был принимать к сведению эти героико-агиографические легенды. Пан Рыглевский изложил обязательную версию, ни на йоту не отступив от нее, но, судя по всему, данное ему задание этим не огра-

ничивалось. Учитель должен был стать агитатором, работником идеологического фронта, убеждающим людей в том, какая великая награда, прямо-таки счастье выпали на долю польского народа, и еще должен был каким-то образом предупредить возможные сомнения слушателей. Вот тут учителю пришлось туго, он уже не мог ограничиться фактами, хотя бы и такими, что были составной частью политико-пропагандистских фикций, т.е. никогда не были «голыми». Он должен был провозглашать апологию, петь хвалы и давать оценки в духе византийских панегириков. Видно было, что слова застревают у него в горле, что необходимость произносить их доставляет ему почти физическую боль. Фразы сопровождалась странными гримасами, а потом и жестами, которых раньше мы у него никогда не наблюдали. Говоря, он ходил по классу, но не спокойно, как лектор, меряющий шагами небольшое пространство, находящееся в его распоряжении. В его ходьбе проявлялась какая-то нервозность, даже судорожность — со стороны можно было подумать, что здесь разыгрывается сцена из какой-то странной пантомимы. Потом он стал приводить пословицы и по-своему их комментировал — словно хотел внушить, что они относятся к сегодняшней ситуации и многое о ней говорят. Помнится, особенно долго он распространялся по поводу присловья «Обжегшись на молоке, станешь дуть и на воду», сопровождая это странными действиями: подходил к стене, делал вид, будто вознамерился коснуться контакта, и резко отдергивал руку — мол, ударило током. Непосвященному наблюдателю это могло показаться смешным, но в тех конкретных обстоятельствах не до смеху было даже нам, подросткам, которым довелось выслушивать лекцию о новом польском маршале. В воздухе повисла серьезность, подкрепленная страхом. Но обнаруживалось и нечто иное, чего я тогда не замечал и в чем прекрасно ориентируюсь теперь, спустя годы: с какого-то момента пан Рыглевский говорил так, чтобы ничего не сказать; он должен был чем-то заполнить время, а потому болтал что ни попадя, лишь бы как-то дотянуть до конца урока. Сегодня я сознаю, что в этом его беспорядочном пустословии проявлялась житейская мудрость.

Когда урок близился к концу и до звонка оставалось всего несколько минут, пан Рыглевский закончил свою лекцию и обратился к нам: нет ли у нас каких-либо вопросов. В классе воцарилась гне-

тушая тишина, спрашивать было не о чем, а кое-кто, вероятно, опасался, что учитель станет вызывать нас с целью убедиться, запомнили ли мы то, о чем он нам рассказал. Такая тишина бывает мучительной, есть в ней тревога, как перед грозой, и напряжение без надежды на разрядку. Возможно, мне захотелось нарушить тишину, сейчас уже точно не помню, так или иначе что-то дернуло меня поднять два пальца, а получив разрешение — спросить, правда ли, что маршал Рокоссовский — поляк, и не создает ли угрозу независимости Польши его назначение на столь высокую должность?

Вспоминаю об этом не для того, чтобы задним числом похвастаться своей смелостью. Я себя знаю и отлично понимаю, что храбрецом никогда не был, поэтому не хочу облачаться в чужую шкуру и входить в конфликт с самосознанием и истинностью, стоящими, по моему ощущению, очень высоко на шкале ценностей. Я тогда был по-прежнему запуган, переполнен всякого рода страхами: они постоянно во мне жили и не уходили после того, что мне пришлось пережить во время оккупации, и явно не намеревались выпускать меня из своих тягостных объятий. Страхи мои и опасения в гораздо меньшей степени были связаны с тем, что происходило в послевоенной Польше, даже не потому, что я ничего об этом не слышал, — кое-что я все-таки знал... Просто насаждаемый в ускоренном темпе сталинизм нес с собой куда меньшую угрозу, нежели те ужасы, которые я пережил во времена Катастрофы, — в этом убеждал меня собственный опыт. Никто больше не покушался на мою жизнь, а значит, со стихийно, почти бездумно сформировавшейся точки зрения, теперь была идиллия. Как видите, требования у меня были весьма скромные.

Но, размышляя сегодня над тем неожиданным своим поступком, я хотел бы — чтобы дать полное и, главное, адекватное представление о нем — обратить внимание на другую сторону дела. Мое тогдашнее видение мира было причудливо спутанным и непоследовательным, в нем смешались различные компоненты, которые в принципе не могли соединяться и даже соседствовать. Я не собираюсь никого уверять, будто уже в школьные годы трезво смотрел на так называемую новую действительность, — нет, и тогда, и в ранние студенческие годы, особенно лет с 15-ти до 18-ти, я поддавался идеологическому воздействию. Лишь позднее, правда, весьма быстро и резко, этому

предстояло измениться. В фанатизм, однако, я никогда не впадал, он был чужд моей натуре. Не стал я и активистом — в этой роли я никогда, еще со старших классов школы, и вообразить себя не мог. Особенно убедительным мне представлялось открытое классиками марксизма толкование истории как закономерной смены эпох, а венчает историю коммунизм, к которому наш род человеческий неотвратимо движется. Мне казалось, что механизм этот действует непогрешимо, поэтому к нему следует относиться с уважением, а то и прямо ему подчиниться. Еще я принимал за чистую монету разного рода благородно звучащие фразы — о прогрессе, социальной справедливости, дружбе народов. А раз они благородны, то обязательными становятся честность, прямота, нравственная ясность, и, значит, я имею право вслух поделиться своими сомнениями, если питаю такие по поводу того, что маршалу Рокоссовскому доверили столь важный пост.

Но был еще один фактор, столь же важный, а может, и поважнее, который и определил мое — для меня самого неожиданное — поведение в классе: это была моя семья, где говорили о текущих событиях, следили за ними, комментировали их, а кроме того почти ежедневно слушали «Голос Америки» или Би-Би-Си, а то и обе радиостанции вместе; до сих пор в ушах моих звучит фраза, с которой начинались передачи первой («передаем новости, хорошие ли, плохие, но всегда правдивые»), а также выстукиваемый на ударных инструментах сигнал второй — музыкальная фраза, тема судьбы из 5-й симфонии Бетховена. («Свободной Европы» еще не существовало). Появление Героя Советского Союза в роли польского министра обороны, разумеется, не осталось у нас дома незамеченным. О нем говорили неприязненно и с осуждением, но и с тревогой. Помню, особенно моя мать опасалась, что это означает включение Польши в состав Советского Союза, ее превращение в новую, семнадцатую республику, что это подготовка к ожидающему нас кошмару, его несомненное предвестие. Думаю, в нашей семье об этом говорили то же самое, что в большинстве исконно польских семей. Там, где не поддавались интенсивной пропаганде, а введение советской системы считали очередным попушением Божиим, принципиальных различий не было. Они могли проявиться в другом: у нас дома на дух не принимали крайне правых антикоммунистических

движений, оставшихся верными довоенному антисемитизму. Негодование и страх вызывало само название «Национальные вооруженные силы» (NSZ), так как было известно, что энзетовцы убивают попавшихся на пути евреев, полагая, что таким образом они ведут борьбу с «миазмами жидокоммуны». Им это диктовала идеология, знание же о том, какая участь постигла евреев, немного в ней изменило — в сущности не изменило ничего.

Но я слишком отвлекся от главной темы своего рассказа. Вернусь к прерванному сюжету. Коренный вопрос, заданный мною без обиняков и эвфемизмов, должен был озадачить пана Рыглевского, несомненно затрудняя его положение, ибо из-за меня ему пришлось и дальше вести речь на эту тему, неблагоприятную, по сути унижительную, вести речь себе вопреки, хотя ему наверняка казалось, что он уже выполнил свое задание по лжи. Учитель снова пустился в рассуждения, невероятно хаотичные, слова теперь еще чаще сопровождались гримасами; нельзя было не заметить, что речь его становится все более сумбурной, начинает походиться на бред. Спас его, а вместе с ним и всех нас прозвеневший вскоре звонок. Урок о важнейшем событии последних дней был зачтен.

Для меня он имел некие последствия, не столь, впрочем, серьезные, как поначалу можно было ожидать. Не успела начаться перемена, как ко мне подошел тот фанатически настроенный одноклассник, о котором я уже упоминал, и с наморщенной, зловещей миной инквизитора объявил: ты ответишь за свои слова, ты будешь наказан. И прибавил: возможно, мы даже исключим тебя из школы. Я был потрясен, потому что, несмотря на свою чудовищную наивность, понимал, что слов такого рода в подобных ситуациях на ветер не бросают, а уж наверняка ими не бросается этот несовершеннолетний сталинист, не только убежденный в безусловной верности истин, которые он признал своими, но и радующийся тому, что он обладает хоть крупницей власти; в те времена по всей стране расплодилось немало опасных юнцов —

среди школьников, студентов, рабочих, солдат. Этот был грозой школы, его боялись все — не только ученики, но и учителя. В своем идеологическом рвении он не знал удержу, не считаясь с тем, какие последствия это принесет тому или иному человеку. После окончания школы я потерял его из виду на несколько десятков лет. Я предполагал, что буду читать о нем в газетах, что он сделает блестящую политическую карьеру, но этого не случилось. Когда я несколько лет назад встретил его и спросил про тот эпизод, он удивился — он этого вообще не помнил. Кое-что он сохранил из своих юношеских воззрений, чувствовал себя навсего связанным с «Народной Польшей», однако жизнь свою до самых последних дней прожил честно.

А меня, к счастью, неприятности миновали, дело само собой расплзлось. Весть о моем скандальном вопросе вроде бы дошла до директора нашего лицея, он выразил сожаление по поводу низкого идейно-политического уровня учащихся и обратился с призывом к учителям и активистам молодежной организации усилить идейно-воспитательную работу. В итоге все сошло на нет. Меня считали чудаком и сумасбродом, а потому происшествие в классе расценили как безответственную выходку, к которой не стоит относиться слишком серьезно. Может, признали меня психом? Или — скромнее — просто дурачком?

С паном Эдвардом Рыглевским я по-прежнему соприкасался на уроках, он знал, что я в классе худший из худших, — и терпел меня, оставлял в покое, не пытался сделать из меня спортсмена, что было бы метаморфозой, воистину граничившей с чудом. Не знаю, положил ли желанный конец уроку, о котором я рассказал, конец его докладам о благодеяниях, пролившихся на Польшу и на всех нас в связи с возвращением Константина Рокоссовского в лоно Привислянского края. Возможно, он вынужден был повторять свою лекцию в других классах, и связанные с этим страдания продолжались. Позже я не встречал пана Рыглевского; кажется, он до самой пенсии оставался учителем физкультуры.

Агата Тушинская

СОВРЕМЕННОЦА

О Зофье Куц

Для меня она в ряду величайших. Ее место среди польских актрис послевоенного театра совершенно особое. Трудно назвать ее актрисой трагической, хотя она играла женщин, поставленных перед необходимостью делать выбор, который сделать невозможно. Трудно записать ее в актрисы комедийного плана, несмотря на то что ей доводилось смешить публику до слез. Чаще всего она вызывала нежность. На протяжении многих лет она дарила себя и свой талант зрителям, жаждущим настоящих чувств. В ней есть и трагизм, и комизм — глубина и того и другого в надлежащих пропорциях и оттенках, как это требуется

для каждой новой героини. Нора, Эвридика, Новобрачная, Соня из «Преступления и наказания», Жанна д'Арк, Гертруда из «Гамлета», Маша из «Трех сестер», Мария Иредынского и Федра Расина. Она была каждой из них. И каждая из них была ею, Зофьей Куц.

Она вовсе не мечтала с самого детства стать актрисой, а хотела заниматься живописью или историей искусства. Художественное образование, а затем краковское театральное училище дали ей основы профессии, умение чувствовать слово — можно сказать, маниакальное внимание к стихам и мастерству, которое Зофья Куц называет формой, осознанное владение телом, ритмом диалога, интонацией.

Учиться ей было нелегко, ее внешность называли «оригинальной» — иначе говоря, считали ее неженственной. Предполагалось, что для нее пред-

Зофья Куц в роли Почаевской Богоматери в спектакле «Бенёвский»

назначены роли гномов, домовых и т.п. И только Адам Ханушкевич, режиссер, с которым она на многие годы связала свою профессиональную и личную судьбу, увидел в ней тип красоты, опередившей время, моду, общепринятые образцы. Ее красота состояла не в правильных чертах лица и банальном взгляде — Зофья Куц светила внутренним светом, причем с самого начала своей варшавской карьеры, на протяжении всех 1960-х. Тип ее внешности словно был вписан в «самую современную современность».

Зофья Куц всегда играла себя — себя в обстоятельствах, определяемых спектаклем и его создате-

лями, автором и режиссером. Она не перевоплощалась в зависимости от ролей, а наделяла героинь своей индивидуальностью: жила с ними, находила в себе их черты, и современные, и исторические, как в классическом репертуаре, так и в авангардном — от Ружевица до Шекспира и от Чехова до Кафки. Она всегда выражала собственную правду героинь, с которыми судьба ее сводила. Она их в себе формировала, а не наоборот. Будь то Новобрачная Выспянского, или Соня, самая благородная героиня Достоевского, или героическая Жанна д'Арк Шоу. А потом и более зрелые женщины, начиная с госпожи Вонсовской у Пруса, Гертруды, Маши вплоть до Натальи Петровны в «Месяце в деревне» и Федры. Их голосом актриса говорила о своем праве на любовь, счастье, радость. Она боролась за них и за их мечты. В

каждой из них она искала зерно доброты. И для себя, и для нас она осваивала их неповторимость. И это приводило к тому, что мы отождествляли себя с ними, их драмы становились нашими собственными, их выбор касался лично нас.

Она была мастером простоты. Кто-то написал, что Зофья Куц передает простоту в героической степени. В этом заключалась величайшая сила ее актерского мастерства.

До начала 80-х актриса была связана с театром Адама Ханушкевича, постановщика весьма противоречивого. Его осовремененные постановки произведений классиков с лестницей в «Кордиане» и мотоциклом «Хонда» в «Балладине» вызвали восхищение или протест, всегда провоцировали, будоражили. А ведь этот постановщик, видевший все по-своему, любил актеров, окружал их особой заботой и давал возможность блеснуть в сценических образах, которые создавал с неповторимым талантом. В его театре Зофья Куц создала свои лучшие роли. С Ханушевичем она оттачивала слово, он был источником ее творческого вдохновения. Его театр, живой, жизненный, эмоциональный, на долгие годы стал ее сценическим домом, местом живого диалога со зрителем, взаимного обмена энергией.

Своей популярностью Зофья Куц обязана и телевизионным спектаклям. Роли Бронки в «Девичатах из Новолипок» Гоявичинской, а потом Жены в «Рассказах моей жены» Жулавского открыли для нее сердца широкой публики. С восхитительной наивностью ее дом отождествляли с домом телевизионной героини Жулавского, внимательно вслушивались в ее — вовсе не ее — семейные рассказы и ждали продолжения.

В телевизионных ролях Зофьи Куц как нигде проявлялся тот принцип, согласно которому главный критерий актерского искусства — правда.

О том, что время уходит, что она уже не так молода, актриса начала говорить, когда ей было 36 лет. С тех пор прошли десятилетия. Зофья Куц преподает в варшавской Театральной академии, пишет книги о театре, о себе. После ухода из Нацио-

нального она иногда играет во Вспулчесном [современном] театре, но не столько, сколько могла бы. На ее счету немало прекрасных моноспектаклей: кроме Марии Иредынского, она создала спектакли по дневникам Марии Домбровской, Ханны Краль. Она полна творческих сил, накопленный ею опыт чрезвычайно богат. Жаль, что сценическое воображение режиссеров XXI века как будто не слишком в ней нуждается.

Своим самым верным партнером по жизни Зофья Куц называет зрителей: они дали ей возможность состояться.

Мне трудно писать о Зосе. Трудно не только потому, что почти тридцать лет мы с ней живем рука об руку и нас связывает дружба, но еще и из-за той профессии, которой я занимаюсь. Самой прекрасной и самой жестокой, особенно для женщины.

Можно сказать, что я выбрала такое направление учебы в связи с Зосей: я хотела «записывать» театр, чтобы он не исчез. Когда-то я воображала, что мое перо сумеет сохранить волшебный мир, который возникал для меня и на моих глазах каждый вечер после поднятия занавеса. Маша и Федра должны были продолжать существовать — я не хотела примириться с тем, что они исчезают, когда уходят со сцены, когда гаснет свет и сняты костюмы. Должны же где-то оставаться эти Зосины персонажи, не только мои любимые, но все они: и госпожа Вонсовская, и Новобрачная из «Свадьбы», а потом, спустя годы, Хозяйка. Героини из плоти и слов Шекспира и Чехова, Достоевского и Словацкого, Ибсена, Джойса, Тургенева. Где-то же они должны оставаться?

Мои попытки записывать родились из бунта, несогласия с театральными кончинами, которых не отвратить. Свидетелем триумфа великих актеров осталась самая обманчивая, самая безалаберная, самая ненадежная, самая недостоверная человеческая память.

Ввиду того, что стало с театром и какие звезды сегодня там сияют, беспомощность перед лицом великих, постепенно уходящих со сцены и из моей жизни, представляется мне еще более ошутимой.

Зофья Куц

ЗАПАХ ГРИМА

Я выключила телевизор с сожалением. Причиной сожаления стал не фильм, а актер, который играл в нем главную роль. Я сожалела о нашем расставании в кино, в жизни и в былой нашей совместной работе.

Один из самых талантливых актеров, обладавший неисчерпаемыми возможностями, и при этом один из тех, кто самым никчемным образом растратил свой талант и сам себя погубил.

Сам по себе фильм меня мало заинтересовал, но зато от моего коллеги я не могла глаз оторвать. Теперь, когда его уже больше нет среди нас, когда время сгладило все претензии к нему и все предубеждения, вдруг открылась та единственная и самая важная, самая главная правда о нем. Он мог стать великим. Мог стать величайшим актером. Природа наделила его в высочайшей степени верным актерским инстинктом, невероятной, без малейшей фальши правдивостью и неповторимой выразительностью глаз, голоса, жеста. Такой тип актера, родился он не в Польше, а, например, в Америке, наверно, сделал бы мировую карьеру. Он не отличался от Джона Уэйна, Спенсера Трейси, Джека Николсона. Кто знает, быть может, в благоприятных для него обстоятельствах он оказался бы лучше их, потому что был наделен чертами мужественности больше, чем они все.

Так почему же в нашей «провинции» он не поднялся до уровня великого, но всего лишь очень хорошего?

Потому что он родился там, где никого не интересуют чужие таланты, и тут как раз тот случай, когда сам заинтересованный сделал все, чтобы свое Богом данное богатство растратить. Не хочу вдаваться в детали. Кто знает, тот знает, а кто не знает, тому вряд ли нужно это знать.

Я помню обстоятельства нашего знакомства. Я играла тогда Мандулу в спектакле «Завиша Чарный» в Театре ТВ, который показывает спектакли по понедельникам. И должна была петь под запись на пленке думку, сочиненную Сероцким. Где-то в степи, темной ночью Мандула, свернувшись у ног Завиши, причитает:

*Как набросились соб-а-а-аки,
Не признали, не подхо-о-о-дят...*

Песню я выучила назубок и надеялась, что запишу ее в пять минут, раз-два и готово.

Приехав в радиостудию на Мысливецкой улице, я сразу же отправилась на запись. Из открытой настежь двери режиссерской студии разносились по коридору звуки уже начавшейся работы. Кого-то записывали передо мной. Кто-то сидел за отсвечивавшим синим светом стеклом в затемненной студии. Я застыла на пороге, пораженная красотой голоса. Низкого, глубокого, звучащего столь богатым тембром, с интонацией настолько совершенной, что я почувствовала нечто вроде зависти.

— В украинском поле стоит замок, — гласные разливались широко, словно масло лилось на бушующие волны. Слова и произносились, и пелись одновременно. Обычные, самые простые слова звучали так приподнято, так невероятно торжественно.

— Кто это читает? — спросила я в радостном изумлении, ибо как бы там ни было, но если уж меня что-то восхищало, то это всегда вызывало во мне состояние легкой эйфории и экзальтации.

— Мариуш Дмоховский, — услышала я тогда впервые его фамилию.

Когда он вышел из студии, я не в силах была сдержаться и высказала ему свое восхищение. Я только что приехала из Кракова и Люблина, а по тамошним меркам считалось, что я веду себя непосредственно и откровенно. Мне нравилось признаваться в своих чувствах и не скрывать эмоций. И лишь позднее, спустя многие годы, проведенные в Варшаве, я излечилась от этой инфантильной и никому не нужной искренности. Коллеги с удивлением реагировали на мои порывы или воспринимали их со снисходительной прохладцей.

Дмоховский прореагировал точно так же, хотя я заметила — ведь он был чрезвычайно выразителен, — что его тронули мои слова, сказанные с таким неподдельным волнением. Он относился ко мне, как к гимназистке, стоящей у гримерной великого актера с просьбой дать автограф. Он начал заигрывать, чуть кокетничая, и все это в сравнении с тем, что он совершил только что в студии, было примерно как акварели Майи Березовской в сравнении с картиной маслом Михаловского. И то и другое прекрасно, но значительность не одна и та же.

— Ужасно тщеславный, — таким был мой приговор.

То, что поначалу меня оттолкнуло, позднее много раз меня в Дмоховском восхищало. Эта легкость перехода из одного стиля в другой. То это был граф Альмавива в «Свадьбе Фигаро», легкий, остроумный, очарователь-

ный салонный дамский угодник, а то вдруг шекспировский Кориолан, государственный деятель, то полный динамизма трагик, то настоящий «лапотный» мужик, плоть от плоти крестьянской, в «Ангеле на вокзале». И всегда полное перевоплощение, поэтому все, что он делал, выглядело таким настоящим, не надуманным, не домашней заготовкой.

Хотелось бы коротко остановиться на роли Альмавивы. Я играла Сюзанну, так что имела возможность наблюдать за его работой вблизи. Он не любил переутомляться, все давалось ему легко, без особых усилий. Он был актером гибким, работал быстро и четко, если текст был им уже усвоен, а с этим, к сожалению, бывали у него проблемы из-за обычной лени. Роль Альмавивы Мариуш репетировал еще в училище под руководством Янины Роман, а в Польском театре спустя несколько лет после этого он встретился с Ежи Лещинским и был им очарован. Обладая большим талантом пародиста, Мариуш, играя роль Альмавивы в Повшехном [Всеобщем] театре, ввел в образ персонажа интонационные «цитаты» из Романувны и Лещинского. Целые куски роли в постановке Ханушкевича он играл в собственной манере, при этом время от времени какую-то фразу или часть фразы или даже всего одно слово он вдруг «прошелестит» под «Леща» или «расцветит» под Роман. Это было чарующе, изысканно и смешно. К сожалению, публика, которая уже не знала ни Лещинского, ни Роман, не могла оценить по достоинству этот забавный своеобразный поклон, который отвешивал благодарный ученик воспитавшим его мастерам. И только несколько коллег поняли, оценили и похвалили Мариуша за эту идею. Рецензенты тоже оказались глухи, а может быть, просто излишне принципиальны. Они придирались к спектаклю, называя его чересчур формалистическим, а работа актеров почти не удостоилась у них оценки.

Я играла с Мариушем в «Свадьбе Фигаро», в инсценировке «Куклы» под названием «Господин Вокульский», в стриндберговской «Фрекен Юлии» — и об этих работах я вспоминаю с нежностью, по-настоящему восхищаясь его талантом. Я любила играть вместе с ним. Он был внимателен к партнеру, чутко реагировал на ситуацию, на восприятие публики. Он был амбициозен и полон доброй воли, контактный и хороший товарищ.

Я никогда с ним не выпивала и не принимала участия в «дружеских» попойках с ним в кабаках. Но и я, и он — мы оба знали, что можем друг на друга рассчитывать и в случае чего друг за друга постоим. Нас связывали симпатия и уважение друг к другу. Меня мало волновало, что он стал делать политическую карьеру: мне нравилась и воодушевляла его игра на сцене.

В «Небожественной комедии», в «Гамлете», в «Бенёвском» уже давало о себе знать его плохое самочувствие. По разным причинам. Он начал терять форму. Как партнер он не вызывал доверия, и договориться с ним становилось почти невозможно. Он выбирал пути по собственному разумению, и далеко не всегда они заслуживали похвалы. А ведь и в то время ему случалось иногда подняться над уровнем своих тогдашних возможностей.

Я никогда не забуду его в роли ксендза Марека в «Бенёвском». В этом спектакле он играл иногда лучше, иногда хуже, но в целом это была одна из самых пронзительных его ролей в то время, и для меня тогда это было одно из величайших театральных потрясений.

Народовый [Национальный] театр отправился на гастроли в Финляндию, а на обратном пути мы заехали в Ленинград и Москву со спектаклями «Гамлет», «Бенёвский» и «Три сестры».

В Хельсинки, как это и должно быть в Хельсинки, было мило и симпатично, атмосфера была сердечной и дружеской. Творческий успех — в обычных рамках традиционных похвал. Финляндия прекрасна, финны сытые и ухоженные, на улицах порядок, дома обустроены. Все как положено по обычным, человеческим меркам. Автобусы ходят по расписанию, вкусной и красивой еды хоть отбавляй, витрины магазинов буквально гипнотизируют, как в Париже или Лондоне, — одним словом, Европа.

Вечером играем спектакли, остальное время — наше, мы гуляем, ходим на экскурсии, знакомимся с людьми, наслаждаемся жизнью и нашим замечательным приключением.

Прощанию на вокзале не было конца, ибо, что тут говорить, актеры во всем мире — это одна семья и часто, даже не зная языка, поймут и полюбят друг друга. Некое родство душ поверх всего остального человечества.

По пути в Ленинград стихал накал эмоций и впечатлений. Приехали мы поздно вечером. Нас отвезли на примитивном, не очень чистом автобусе в гостиницу, темную и мрачную, как тюрьма. Ресторан был закрыт, даже пресловутого стакана чая не получишь. Нет. Можешь получить, на своем этаже. Дежурная по этажу сидит, не сходя с места, сутки напролет у самовара, продает *кипятки** и внимательно изучает каждого проходящего мимо. В данный момент *кипятка* нет, надо подождать, так как он остыл, да и со стаканами в металлических подстаканниках беда, потому что надобности в таком количестве одновременно обычно не бывает.

Номера, действительно, чистые, но контраст с эстетичной Финляндией огромный. Одним словом, приезд из Хельсинки в Ленинград я могла бы сравнить с прыжком с согретого солнцем, роскошно пружинящего трамплина в пустой, не наполненный водой бассейн. Словами не выразить разочарования и бессильного возмущения, особенно когда постоянно напрашивались аналогии с собственной страной.

* Здесь и далее курсивом — по-русски в тексте. — *Ред.*

Разумеется, началось все грандиозной пьянкой. Пили во всех номерах. Коньяк и икра — единственное, что можно было купить у официанта, нотабене, из-под полы. Если добавить, что и мне случилось порядочно тяпнуть — хотя я отношусь к категории совершенно непьющих, не столько из принципа, сколько по необходимости, ибо у меня на алкоголь аллергия, — то можно себе представить, в каком состоянии духа мы находились.

Тяпнуть мне пришлось на перроне вокзала. Раннее утро, мы без завтрака, ни крошки во рту, холодно чертовски, время отправления давно прошло, поезда нет.

В ответ на вопрос, когда же этот поезд наконец подадут, мы постоянно слышим:

— Придет время, подадут.

Мы открываем чемоданы, перетряхиваем шмотки, каждый натягивает на себя что потеплее, закутываем головы шарфами, стучим зубами, топаем ногами. Окончательно замерзаем в наших легких, на сентябрь рассчитанных одеждах. Пришлось задействовать фляжки. Попросила и я фляжечку. Накрутив на башке что-то вроде тюрбана из индийских шалей Терески Савицкой, я встала посерединке перрона, отвинтила крышечку, уперла руку в бок, как трубач, исполняющий хей-солидных глотков. Проходивший не в удивлении остановился и восхи-

— *Хорошая девушка!*

О том, что мне, совершенно не от коллег, я промолчу. Теперь кривухой», как это случалось прежде, я

Одним словом, в нас вселился кое, знаете ли, залихватское настроенье-высмеять, там обмануть.

Но настроение стало меняться нее, даже еще у входа в здание театровозле билетных касс. Уже в метро у нам подходили дети, распознавали жевательную резинку, леден-

Что-то в этой Совдепии перетаккой, какой она была в 60-е годы, но замороженной. Теперь, на рубестыдно вымаливали подаяние, выназойливо приставали. В этом было летарской заносчивости и самоуверенности.

Зрительный зал Театра Ленинского комсомола — как манеж. Огромный. Может, на две, а может, и на три тысячи мест. Как тут играть? С «Гамлетом», пожалуй, еще получится. Придется повысить голос, усилить экспрессию, динамику. Но поэтический «Бенёвский», но камерные «Три сестры»?

Ханушкевич уже все знал, главное, он знал, как за это взяться. Этот зал очень любила какая-то знаменитая актриса, желавшая выступать только здесь, ибо он известен самой лучшей во всей России акустикой. Требовалось лишь дополнительно к рефлекторам дать свет снизу, от рампы. Как в давние времена. Освещение со стороны рампы создаст интимную атмосферу, придаст сцене камерность, сожмет пространство, утекающее за кулисы, в единое целое. Мы приободрились. Но вместе с тем ощутили ответственность, прониклись чувством важности происходящего. Мы не имели права подвести тех людей, которые стояли в длинных очередях у касс, ту молодежь, которая толпами протискивалась за кулисы с экземплярами польских журналов «Экран» и «Фильм» и просила автографов у Ольбрыхского, Лапицкого, Ханушкевича, Дмоховского. Мы видели, что они истосковались по чему-то особому, чему-то необычайному. Мы были для них людьми из лучшего мира. Расходились мы по гримерным без глупых шуточек и иронических комментариев по поводу «России — родины слонов». В качестве премьерного спектакля был выбран «Бенёвский». Так решил Ханушкевич. Польский шедевр, польский стих, польский кунтуш, польский король, польское всё.

На сцене крутился Мариан Колодзей с рабочими сцены. Огромный слущкий пояс был растянут через всю сцену, он тянулся до самого горизонта и поднимался над сценой к небу. В кулисах реквизиторы устанавливали лайкоников (деревянные лошадки, неизменный персонаж польских народных гуляний, исторически связанный с борьбой с татарами. — *Пер.*) для польской конницы, которой предстояло идти на Бар. Акустик проверял репродукторы, запустив на полную громкость песню конфедератов. Начинался театр, ощущалось ожидание чего-то, и мы, актеры, вот-вот должны были включиться в этот церемониал события. Ну и вечером началось.

Мариуш Дмоховский
в спектакле «Бенёвский»

пьющей, пришлось потом выслушать тиковать их за то, что они играют «под уже не смела.

какой-то коллективный нигилизм. Та-ни: тут выпить, там поострить, тут

с началом репетиций в театре. Верра, когда мы увидели толпы людей нас ком подступал к горлу, когда к шие в нас иностранцев, и выпрашицы или какие-нибудь тряпки.

вернулось. Мы помнили эту страну когда улица была безмолвной, словже 70-х, появилось нечто новое. Беспрашивали, подлизывались, просто что-то неслыханное для прежней про-

Мы все были готовы как никогда, все на своих местах. Поскольку мой выход в роли Богородицы Почаевской был в конце спектакля, то я, одетая в свою холщевую рубаху, прошла за кулисы. Я всегда любила наблюдать за спектаклем из-за кулис, а на этот раз мне показалось, что я просто обязана быть там, где происходит самое важное.

Как обычно, я встала в левой кулисе. Кулисы огромные, темные, с кошачьим смрадом, с притаившейся тишиной, словно приготовившейся к прыжку, из зала доносится шум, но не тот обычный, известный мне свободный говор, такой узнаваемый и такой желанный, выдающий обычно степень заполненности зала, а какой-то глухой многоголосый рокот, издаваемый неким взбудораженным, но стыдливо скрывающим свои эмоции, совершенно непредсказуемым великаном.

В зрительном зале погас свет. Наступила тишина. Вспыхнула, как лопнувший бутон, сцена. Вышел высокий, в элегантном черном сюртуке Ханушкевич. Он уже открыл было рот, чтобы начать:

*Не так давно, в правленьє Станислава,
Был на Подольє шляхтич юных лет...**

— как в зале возник страшный шум. Все зрители, заполнившие зал до краев, встали и начали аплодировать. Они стояли, неистово хлопая в ладоши, и вовсе не желали садиться. Ханушкевич кланялся вновь и вновь и наконец одним жестом, жестом гостеприимного хозяина, усадил всех на места, и это тоже заняло некоторое время. Спустя минуту на сцену выбежал Ольбрыхский в польском жупане, с польской саблей на боку, с польским задором. И опять то же самое. Снова шум в зале. Все встают, гремят аплодисменты. По залу пролетает громкий возглас, напоминающий *здравствуй*. Конец света. Это начинает походить на какую-то демонстрацию. Повеяло ветром из зала на сцену, со сцены вернулось в зал ураганом. Все играли потрясающе. Стихи Словацкого лились неудержимой лавиной, заряжая своим ритмом плотно заполнивших зал зрителей. Из зала шел спертый воздух, запах плохо выстиранной, будто промокнувшей под дождем одежды, и тошнотворный, как карамель, запах одеколona. Чернь? Сброд? Нет, самая чудесная, самая чуткая, самая сердечная публика.

После каждого эпизода раздавались аплодисменты, звучавшие в этом огромном зале так, словно тонны града сыпались на жестяную крышу.

Дмоховский уже на первом выходе, как носом почуял, ухватил суть происходящего. Почувствовал, что зрители симпатизируют герою в монашеской рясе. Когда он ножом прибил к столу руки предателя Дзедушицкого, по залу пронесся одобрительный стон.

Когда он говорил:

*Ты не слышал, что началась резня
в Украине, что всю шляхту перемелет?
Что здесь без крови не проходит дня?
Поп нож святит, а хлоп нам в сердце целит.
Как в корабле, от Божия огня
Сгорающем, народ наш муку делит...*

— в зале стояла гробовая тишина, и в этой тишине лишь раздался чей-то всхлип.

На втором выходе ксендз Марек уже знал, что он их покори́л, что они ждут его, что требуют большего. И он им дал нечто такое, от чего у меня, стоявшей в кулисе, перехватило дыхание, и, хотя я знала весь текст наизусть, знала самого Дмоховского, как свои пять пальцев, со всеми его достоинствами, паскудством и ничтожеством, я тем не менее потеряла ощущение реальности и позволила ему вознести меня на небеса, к ангелам, к святости.

*Гляди: я стар, но плоти не щажу
И сердца ни пред кем не открываю.
С крестом Господним по земле хожу,
Отчаянье в душе своей скрываю;
Жалея, что в могиле не лежу,
Как этот дуб безлистный, иссыхаю.
Но оживаю, слыша пушек рев
И в нем лова Господень грозный зов.*

* Здесь и далее отрывки из «Бенёвского» приводятся в переводе Б.Ф. Стахеева по изданию: Юлиуш Словацкий. Бенёвский. Поэма. М., «Индрик», 2002. — Пер.

И тут он, что называется, выложилась до конца. Децибелы пронзали воздух и входили в пространство, как ножи:

*И старость, как Юпитер, хмурит брови,
Узрев своей отчизны стыд и срам.
Вулкана гул звучит в могучем слове,
И кровью разольется по стенам.
Отчизны мертвой стоя в изголовье,
Спасения корону ей поддам...*

Он сделал паузу, продлил фермато на столько, на сколько подсказал ему инстинкт, и великолепно закончил:

*Крещу вас днесь в крови своей рукою.
А ты подумай: что я емь такое?*

*Я праха горсть! И завтра из меня
Цветок проглянет с сорною травою,
Сосуд, где вера плещется до дня,
Как хрустну под Господнею стопою.
Ты, в оболочке брэнной дух храня,
Бесстрашно внемли грозных ветров вою...*

.....
*Иди и помни: сила только в Боге,
Слезу отчизна над тобой прольет,
Когда положишь сердце молодое
Ей на алтарь...*

Слова «праха горсть» при мощном телосложении Мариуша могли выглядеть как китч, как сентиментальный блеф. Нет. Он произнес это очень сурово, как солдат, идущий на верную смерть.

Сосредоточенность и тишина в зале достигли предельного накала, напряжение взорвалось овацией со все возрастающей ритмичностью, с топотом ног по полу. Зрители плакали, что было неизбежным следствием, это должно было случиться. Я тоже редела. Размазывала по щекам непослушные слезы.

Дмоховский с Ольбрыхским стояли на сцене преисполненные достоинства с совершенно побелевшими лицами, и только у Даниэля ходили желваки, словно перемалывающие муку жернова.

Мариуш, похожий на бульдога, был на седьмом небе от счастья, на его лице, изборожденном морщинами, с налитыми кровью глазами, было выражение ярости и безумия, вся его фигура с невероятных размеров пузот выглядела как готовая к пуску электростанция.

Уходя со сцены, он бросил сквозь зубы:

— Все, черт возьми, выхожу из партии.

После спектакля он напился.

Я не буду говорить о себе, о своем монологе, о своем выходе и своей актерской победе. Скажу лишь коротко: впервые там, в Ленинграде, в Советском Союзе, появляясь на сцене из люка, как обрамленная византийским окладом икона, и произнося текст Словацкого, я буквально физически, осязаемо прочувствовала, что моя профессия в непредвиденных обстоятельствах превращается помимо нашего сознания в миссию. В нечто абсолютно святое и непогрешимое. И раньше я много раз испытывала подобное. Но на сей раз это ощущение было особенно сильным, особенно интенсивным, особенно физически осязаемым.

Когда после спектакля мы выходили из театра, а было уже очень поздно, так как за кулисами мы принимали огромное количество гостей, то увидели, что перед театром стоит в ожидании плотная толпа зрителей. Шел дождь, было холодно и темно, а они смотрели на нас в полном молчании. Тогда им еще нельзя было говорить. Пара рук скользнула по моему мокрому пальто, и я услышала тихое:

— Бог вернется...

— Бог выйдет из-под земли...

Дмоховский из партии не вышел. Тогда еще нет. Ходили сплетни, что он даже собирался в министры. Из партии он вышел гораздо позже и по совершенно иным причинам. Как я сказала, меня это, действительно, мало интересовало. В моем отношении к нему решающим было тогдашнее его величие, явленное миру на несколько минут, как зернышко, брошенное в землю. Блеск таланта, поражающего своей биологической силой, рожденной вне каких бы то ни было интеллектуальных предпосылок. Кто-то тогда играл на нем, как на каком-то инструменте. Кто? Это и есть тайна, скрытая в искусстве, когда право голоса получает — кто же? Какая-то сила, безусловно. Но какая? Сверхъестественная, безусловно.

ТАК СЧИТАЛ СКШИПОШЕК

Звуковая дорожка документального фильма Анджея Титкова

Христиан Скшипошек, писатель и критик, родился в 1943 г. в Хожуве. В варшавских литературных кругах много лет назад его имя было овеяно легендами. В 1969 г. он принял решение уехать из Польши и с тех пор жил в Берлине. В мае 1999 г. покончил жизнь самоубийством.

Ввиду его отъезда из Польши была задержана публикация его первого романа «Лицемер», который так и не вышел в свет. Однако Скшипошеку удалось вывезти из Польши первоначальный набросок книги, над которой он потом работал больше десяти лет. Книга «Свободная трибуна» вышла по-немецки в 1983 г. и вскоре была переведена на голландский. По-польски книга вышла в 1985 г. в западноберлинском эмигрантском издательстве. В Польше ее опубликовало в 1999 г. издательство W.A.V. Ее считают одной из самых важных книг 80-х среди сводящих счеты с коммунистическим эпохой.

«Свободная трибуна» — это новаторское произведение в жанре «political fiction», монтаж того, что пишут разные люди, приходя в специально созданное коммунистическими властями помещение, где каждый может написать все, что захочет, однако вынести написанное уже не может.

После долгих лет молчания и тяжелой болезни, от которой писатель почти не мог двигаться и говорить, Христиан Скшипошек опубликовал в 1996 г. роман «Мойра». Книга содержит явные автобиографические элементы. Герой книги, живущий в Берлине писатель, страдает параличом нижних конечностей. Он пытается найти спасение у целительницы в польской горной деревушке... Мы находим здесь нравственный трактат и психоанализ, поэтическую молитву и драму, сказку и колдовство.

«О чем рассказывает Скшипошек? О героической, а порой трогательной борьбе с болезнью, об одиночестве, о страхе; о любви, измене и мес-

ти. В своем романе он пытается объять весь мир — все зримое и незримое, хочет показать поражение ума и поражение души, хочет, чтобы это был и любовный роман, и книга ужасов, чтобы он был и родным, и космически далеким от сферы обычного человеческого опыта. По замыслу это роман-энциклопедия «нового века». (Петр Сливинский)

Христиан Скшипошек — «Мойра»:

Я умер во второй половине дня 19 августа 1992 г., прожив неполных 48 лет. Я завершал свою несчастную жизнь точно так же, как и прожил ее: мечась как зверь в западне и без капли понимания. Врачи делали все, что было в их силах, чтобы облегчить муки моей агонии. Но даже предельно допустимые дозы морфия не могли успокоить боль, ставшую единственным содержанием последних суток моей жизни. Одиннадцать последних часов перед смертью я провел, воя от боли, и ничье лицо не появилось у моего изголовья, чтобы хоть каплей сострадания облегчить одиночество моего умирания...

Нет, не буди жену, не впадай в панику, а главное, прекрати истерику и не включай магнитофон. Я звучу в твоём внутреннем слухе, и никакая магнитофонная лента не сумеет этого записать.

Тадеуш Скшипошек, брат Христиана:

Он был трудным ребенком. Помню, родители говорили, что у него на четверых детей хватит активности, а она всегда была почти на грани правонарушения. В это время, как я знаю, у родителей были бесконечные трудности с ним: то у него в школе были какие-то осложнения, то родители к нам обращались, прося на него повлиять, так как он либо слишком агрессивно девчонок кадрил, либо с мальчишками какие-то выходы устраивал. У

меня в памяти осталось, что он являлся домой чаще всего поздно вечером, хотя родители ему это запрещали. Тогда мама его крепко держала, пока отец — это случилось несколько раз — устраивал ему порку. А когда ему в лицее пришлось остаться на второй год, то из-за того, что он исправил отметки в дневнике (кажется, это было в конце 50-х — начале 60-х), — дело было настолько серьезно, что его хотели исключить из школы.

Христиан Сквишпошек:

Действительность «Народной Польши» обрела меня на отсутствие, и, когда появилась возможность опять присутствовать, мне в голову пришла такая интуитивная концепция, что, может, я стану больше всего присутствовать, оставаясь по-прежнему отсутствующим.

Ложь была лично для меня таким болезненным делом, что для того, чтобы ежедневно с ней сосуществовать в этом театре масок и иллюзий, мне необходимо было найти какой-то род компромисса, и по существу я надевал колпак шута.

Стефан Митас, одноклассник:

Христиан в гимназический период был личностью недюжинной. Он выделялся, можно сказать, со всех точек зрения. И своим поведением, и внешним видом, и отношением к обязанностям ученика. Он был учеником с исключительно гуманитарными интересами. Математика его не особенно интересовала. На уроках он читал. Читал книги, газеты, а ходом урока не очень-то интересовался.

Наша учительница математики вызвала его к доске, обратившись к нему следующим образом: «Я вижу, Сквишпошек желает выйти к доске». На что Сквишпошек встал и с олимпийским спокойствием ответил: «Нет, госпожа учительница, Сквишпошек не имеет желания выйти к доске». — «Тогда, может, попробуем без желания».

В костеле Христиан иногда играл на фисгармонии. Настоятель время от времени говорил нам: «Ребята, будет тот или иной праздник, сделайте так, чтобы было приятно в храме». Тогда Христиан играл на фисгармонии, а я — на скрипке.

Христиан Сквишпошек:

Линейная биография есть только у муравья. Я родился, когда мой отец сидел в концлагере в Германии, а арестовали его за участие в польском движении сопротивления. Тем не менее он был гражданином Германии, потому что, когда он ро-

дился, эта территория принадлежала Германии. Моя мать была немкой. Для нее польскость была совершенной экзотикой. При рождении мать назвала меня Христиан Бертольд Вильгельм. Когда отец вернулся из концлагеря, он начал учить мою мать польскому языку, и мы все стали невероятно интересоваться всем польским, особенно в Силезии.

Тадеуш Сквишпошек:

Моя мама поехала, когда он уже несколько месяцев был в Варшаве, хотела увидеть, как там у него дела. Застала его в общежитии в субботу, когда все его соседи по комнате (кроме него было еще трое) отсутствовали, где-то развлекались, а он в это время стирал. Нам она привела это как пример того, что в субботу, когда все развлекаются, Христиан устраивает стирку, и книги разложены — занимается.

Петр Матывецкий, поэт:

У Христиана был талант театрализовать жизнь вокруг себя. Он создавал какие-то необыкновенные ритуалы в дружбе, несколько насмешливые, как у Гомбровича, и все же чуть-чуть серьезные. Собственно, это он на самом деле придавал всей нашей жизни какую-то глубокую художественную и дружескую форму. Его присутствие спланировало нас. Христиан был мастером разговора — разговора одновременно и умного, и блистательного, и язвительного, и провоцирующего вытянуть из всех нас то, что было в каждом наиболее интересным.

Юзеф Май, священник:

Он вообще был человеком внутренне беспокойным. И видно было, как в нем нарастали какие-то вопросы, нарастали какие-то проблемы. Он приходил ко мне, и мы разговаривали. Человек не знал ни дня, ни ночи: как на него найдет, он приходил ко мне поговорить. В то время особенно серьезным, не оставлявшим его был вопрос поисков объективных основ истолкования мира. Это носило не столько антихристианский оттенок, сколько характер какого-то протеста против христианства как института, и это не было следствием конъюнктуры.

Михал Стронк, политик:

Думаю, мы искали в себе самих себя. Так бы я это сказал. То есть: чтобы Стронк был Стронком, Польша Польшей, а Сквишпошек Сквишпошкой, а

Юзик Май — Юзиком Маем. И я думаю, что если нас что-то объединяло друг с другом, то это было взаимное уважение к нашей скорее непохожести, нежели сходству.

Свящ. Юзеф Май:

Наши разговоры с Христианом проходили в атмосфере свободы. Их важной, а может, и самой важной чертой было то, что мы друг перед другом были искренни. Насколько его лично я любил и до сих пор люблю, очень люблю, настолько я не выносил занятой им позиции.

Христиан Скшипошек:

Когда я открыл — скажем это с некоторой патетикой — мир духа, я заметил, что могу понимать свою личную драму и проецировать ее на куда более универсальную проблематику. Я нашел в этом царстве духа своего рода лекарство от всех болезней, которые угрожали мне в мире материи. Поэтому уже в двадцать лет я был совершенно уверен, что литературное творчество — это тот путь, который мне придется избрать в качестве перманентной, неустанной медицинской помощи.

Литературным дебютом была моя театральная драма «Пат», ставшая моим ответом на все те обстоятельства, которые возникали во времена моего прекраснотушения, то есть до 1968 года.

Из пьесы Христиана Скшипошека «ПАТ»

А в г у с т. Прошло уже несколько часов с того момента, когда в глазах мира ты стал бунтовщиком. Народ, сохраняя в памяти твой дружественный ему жест, бунтовать начнет снова. Что-то с этим надо делать! Ты преступил грань, за которой простираются две стороны. И надо выбирать.

Р о л ь ф. Кто-то из нас безумен, король...

А в г у с т. Несомненно, ты, принц...

Р о л ь ф. Так оставь безумца в покое!.. Выполни требования заговорщиков, ибо не народ для короля, но король для народа... Или отрекись?

А в г у с т. Несомненно, ты, принц...

Р о л ь ф. Я не игрок. Неужто мне пасть так низко? Неужто задушить в себе то, что еще живо во мне, что растет?.. Нет... не могу...

А в г у с т. Но должен. Ты можешь остаться со мной или на стороне противника. То, что ты выберешь этой ночью, завтра будет объявлено во всеулышание, а ты разделишь судьбу той стороны, которую выберешь. Мир размечен столь точно, что, на-

ходясь в сантиметре друг от друга, соседствующие стороны борются за место; и тот, кто ходит по этой земле, ходит по этому сантиметрику. Ты не выберешь? Тогда выберут тебя и будут гнать тебя, как зверя.

Анна Шиллер, театральный критик:

Кто-то привел его ко мне домой на какую-то молодежную студенческую вечеринку. Меня заинтересовал и он, и та девушка, которая его привела: она ужасно ревновала, потому что мы уселись где-то в углу и разговаривали. Он произвел на меня колоссальное впечатление, потому что был некрасив, весь одет в черное и такой стильный.

Потом в разговоре выяснилось, что он откровенно ненавидит коммунизм, а об этом в середине 60-х предпочитали не говорить, разве что и вправду человеку уж очень все обрыдло, но потом он жалел, что выговорился.

А Христиан никогда этого не скрывал, он был убежденным антикоммунистом. Он всегда считал себя писателем, и никогда его рука, ни правая, ни левая, не осквернилась никакой работой ради заработка. Он всегда так устроивался — может, не очень прилично в отношении дам, — всегда пользовался помощью разных знаменитых женщин.

Мы подружались и, встречаясь, разговаривали главным образом о литературе и о мире. Он снимал какое-то жилье в районе Мокотув. Моя мать умерла, и я — вероятно, из-за того что осиротела, — предложила ему жить в одной квартире. Квартира наша была большая, и он поселился в одной комнате, а я — в другой. Наводя порядок после 1968 г., мне заменили эту квартиру меньшей. Переехали мы вместе, он — дрожа от еще большей ненависти к строю, так как готовый набор его первой книги был рассыпан...

Петр Матывецкий:

Цензура обезумела. Из издательства «Читальник» ему сообщили, что книга может быть выпущена, но звучит она весьма пессимистично, ибо в ней некий молодой человек ходит по Варшаве и почему-то ему плохо и грустно, поэтому было бы хорошо, чтобы герою все это снилось.

Анна Шиллер:

Позже, задумав уезжать, он затеял при Доме культуры Старого города эдакую параноическую акцию: вместе с друзьями — а он всегда был заводилой — написать коллективный роман.

Ярослав Маркевич, поэт:

Была такая идея — написать первый коллективный роман. Группу молодых авторов опекал тогдашний Союз социалистической молодежи, каждый из них должен был написать по одной главе романа из жизни молодого человека, который утром просыпается, а вечером засыпает. Были и сроки какие-то, не знаю, через полгода, кажется, они должны были встретиться, имея уже написанные главы. Но оказалось, что из этих 12 или 15 человек только каких-нибудь двое написали, и то вместо предполагаемых 10 страниц примерно по две с половиной. Ну и, конечно, ничего не вышло. Идея провалилась, а выделенные на ее осуществление деньги израсходовали на эти собрания. Христиан был таким воинствующим рационалистом.

Христиан Сквишошек:

В 1968 г. забрало внезапно упало — когда им пришлось подавлять движения протеста, из них вылезла их истинная сущность. Это уже не был честный крестьянин или честный рабочий, а просто бандит. Тогда я подумал, что принципиальная обязанность гуманиста — отбросить всякие метафизические мечтания и прежде всего бороться с коммунизмом. В Германии мне пришлось просить политического убежища. Тогда я узнал, что они могут дать мне не убежище, а только немецкое гражданство, потому что по их законодательству я немец.

Я не мог себе представить, что, прожив все свое детство и юность в Польше, вдруг превращусь за один день в немца. Я встретился потом с отцом в Западном Берлине, и он мне сказал: «Послушай, все наказания, которые могли на меня обрушиться после твоего невозвращения, и так уже обрушились, так что не беспокойся, бери эти документы и живи нормально». Так я и сделал и стал немцем.

Веслав Садурский, поэт, художник:

Шестидесятые годы, 65-й, 66-й... Молодежная секция Союза писателей в Варшаве. Христиан, эталон денди, блистающий в университете...

В то время мы еще не были близко знакомы. Позже был Стокгольм. Нас было несколько поляков, пишущих стихи или рассказы. Христиан как редактор жил в помещении, принадлежавшем социалистической партии, и мы должны были издавать журнал, посвященный вопросам культуры и литературы, тогда-то мы и познакомились ближе, играя по ночам в карты. 72-й год, одна встреча, вторая, ночь, проведенная в его квартире на Эрнст-Рейтерплаце, с ним и его женой Алей,

с которой он уехал из Польши. Такие визиты по пути, каких у поляков на чужбине бывало много. Затем третья встреча, в Берлине. Христиан как раз привез себе прелестную молодую жену, нелегально вывез из ГДР.

Петра Сквишошек, вторая жена Христиана Сквишошека:

В 1974 г. я бежала из ГДР с помощью Христиана. Мы познакомились за год до этого в поезде по пути в Венгрию.

Я всегда хотела выбраться. Христиан активно занялся этим. С его помощью были оформлены документы, и тогда я, к огромному моему счастью, выехала через Болгарию и Румынию. Это первое время сразу по приезде, проведенное здесь, в Берлине, вместе с Христианом, было одним из лучших периодов в моей жизни, но и одним из худших, так как вскоре началась его болезнь.

Христиан показывал мне Берлин, мы исколесили его весь — это был совершенно иной взгляд на мир, я чувствовала себя свободной, раскрепощенной, неожиданно у меня появилась возможность сказать, что я хочу. Когда я приехала, мы были просто нищими, это было время самой большой нужды в моей жизни; иногда у нас не было денег, чтобы купить хлеба или молока, я содержала дом, если можно так сказать, только на свое пособие по безработице, а Христиан весь день жил своей книгой: вставал утром, пил свой кофе, играл Шопена и садился за письменный стол. Но никогда не сидел по-настоящему, лишь присаживался на краешек стула, как птичка, и целыми часами писал, иногда по 12, 14, 16 часов подряд, я приносила ему на письменный стол еду, и все продолжалось. То есть нон-стоп, работа нон-стоп, и сегодня я думаю, что он мог это выдержать только благодаря тому, что курил марихуану, снимая телесные, физические пределы; он просто не замечал, когда наступала усталость, истощение, — курил и работал дальше. Это моя весьма субъективная оценка, но думаю, что в этом одна из причин его болезни; он просто полностью исчерпал себя физически. Он слишком жил головой, отсек себя от тела, и отсюда возникла та самая блокировка, которая отсекла его тело от головы.

Веслав Садурский:

Ну вот, Христиан приходил, набивал косяк с помощью машинки (он ценил технологию), ну и мы покуривали, как будто попивали винишко.

Он был очень занят «Свободной трибуной» все эти годы.

Христиан Скшипошек — «Свободная трибуна»:

Политика партии привела к установлению таких законов — неписаных, разумеется, — и таких принципов выживания, что мужчине, чтобы справиться с жизнью в хозяйственном смысле, приходится оподляться нравственно, иными словами, какую бы позицию ни занять, мы, мужчины, так или иначе обречены на скорую или постепенную утрату тех атрибутов мужественности, которые единственно гарантируют уважение и любовь женщин. Мало того — партия позволила социальной действительности выработать такие условия существования, такие правила общественной игры, что мы, мужья, отцы и кормильцы наших семей, не можем себе позволить даже такую скромную компенсацию, как возможность говорить то, что думаешь. Таким образом нас лишили даже того последнего оружия, каким является самооценка. Женщины, с которыми мы делим жизнь, взируют на нас с такого расстояния и в столь резком свете ежедневной борьбы за существование, что уже через несколько недель видят нас во всей той неприглядной наготе, до какой раздевает нас жизнь под руководством партии.

Петра Скшипошек:

Вот так он писал и потом очень скоро заболел: чувствовал себя очень плохо, не мог больше играть в пинг-понг, это были первые признаки, его тошнило. Врачи отправили нас в горы. Когда это было?.. В первую, вторую зиму, в 1976-м мы поехали в Доломиты, где он ужасно болел. Дело кончилось первой операцией, действительно страшной, — первая операция на голове, потом была вторая, третья, не помню уж, сколько их было, так что после двух лет нашего брака я знала Христиана уже только больным. После операции было возвращение из больницы, к письменному столу, работе, гашишу, и так до следующей операции. Это был какой-то дьявольский замкнутый круг.

Веслав Садурский:

Он был очень осторожен, никаких больше наркотиков, может, раз-другой чего-то попробовал, чуточку гашиша... умеренно, у него просто не было денег. Если он покупал себе 5 грамм, то этого должно было хватить на две недели. Но переборщил, возможно, в том, что стал применять это в качестве творческого стимула.

Тадеуш Скшипошек:

Я впервые подал документы на выезд еще в 1970 г., потом год за годом то же самое, всякий раз отказывали, в частности из-за того, что брат не вернулся. Когда в конце концов, спустя 12 лет, это удалось и я приехал в Берлин, то увидел, в каком состоянии находится мой брат, и первой моей мыслью было, что он нуждается в помощи, что не он нам будет помогать, а мы ему должны помочь. И он так замкнулся в этом своем мире, что мне показалось: все, что вокруг него происходит, он не вполне точно воспринимает.

Христиан Скшипошек:

«Свободная трибуна» превратилась в работу, которая довела меня до биологического упадка. Я превратился в инвалида из-за фанатичного осуществления своего решения написать книгу, в которой я наконец опишу коммунистическую действительность так, что каждый поляк, который это прочтет, увидит, что эта книга такова, какова сама «Народная Польша».

Петра Скшипошек:

Как жене мне, конечно, пришлось дать подпись, что я соглашаюсь на операцию. Было как раз Рождество, когда же это было?.. В середине 70-х... под конец... Он лежал в больнице, я навестила его, а в его палате священник читал молитву перед последним причастием. Я — в шоке. Он жаловался на очень сильную головную боль и был как бы в полузабытьи, не мог вполне нормально говорить, даже сказал: «Ну, кажется, я больше не выкарабкаюсь»... И тогда, не знаю, я пережила шок или что-то такое, вылетела оттуда в коридор и стала кричать, кричать, кричать без конца. Пришел врач, спросил, что происходит. А я ему в ответ: «Почему вы ничего не делаете, не спасаете, оставили его, позволяете ему умереть...»

Мы понеслись в операционную, мне пришлось надеть эту белую одежду, все было как в кино, мы туда влетели, его привязали, мне пришлось его держать за руки, а хирург пробил ему дырку в голове молотком, чем-то вроде долота, брызнула кровь и эта, эта жидкость мозговая, как фонтан; естественно, я ужасно боялась, что упаду в обморок... Он смерил ему специальным таким аппаратом давление; давление было чудовищно высокое, и врач говорит мне: «Да, вы были правы, давление было очень высокое, будем надеяться, что там ничего не омертвело».

Через несколько часов после операции Христиан вполне пришел в сознание, опять хорошо соображал, снова стал такой, как прежде, мог говорить, вернулись его ирония и остроумие. Он выкабался еще раз. Еще раз мы преодолели это.

А потом случилась его последняя великая катастрофа, когда он съехал с квартиры, курил много этой... конопля это была, целый большой мешок, у него случился инсульт, он попал в больницу, и дела его были очень-очень плохи. Я стояла у его койки и не знала, что сделать, в такой я была печали. А он открыл глаза, посмотрел на меня, как не от мира сего, и говорит вдруг: «Не нервничай так, не будь такой подавленной, все это только игра, все театр, как на сцене, все будет хорошо, будет о-кей».

Веслав Садурский:

Ведь если прочесть то, что Христиан пишет, то видишь, что в течение всей его жизни развивается скорее процесс выздоровления, чем болезни.

Анджей Краевский, переводчик:

Христиан тридцать лет назад — это такой Пшибшевский нашего поколения, демон салонов, соблазнитель, просто сатана какой-то... он сам играл такого сатану...

Анджей Краевский:

А потом это его увечье привело к тому, что ему пришлось замкнуться в себе, похоронить себя в самом себе. Христиан в той беде, которая с ним случилась, на протяжении какого-то времени не мог найти себе место, очень тяжело переживал факт своего увечья, постановил дойти до сути того, что произошло, узнать правду о себе, ибо он считал, что все, что с ним приключилось, не случайно, и, как это видно в книге, в его «Мойре», считал, что увечье тела стало результатом какой-то порчи в его душе... Если Христиан уж что-то замыслит, то осуществит это. Так было и с попыткой его физического оздоровления. Когда он решил, что ему необходим определенный комплекс упражнений, то занимался ими с убийственным постоянством. Он немедленно бросил наркотики, алкоголь, считал себе 5 сигарет в день...

Малгожата Браунек, актриса:

Прежде всего этот человек не мог ходить, у него было абсолютно нарушено чувство равновесия, поэтому он был похож на ночную бабочку, которая бьется об стены, о всякие предметы; так и

Христиан, сделав один шаг, валился на какую-нибудь стену. Он не мог удержать чашку, поднести ее прямо ко рту, он делал невероятные усилия, чтобы выпить глоток чая. Глаза его буквально смотрели в разные стороны... И этот человек решил, что он это победит, и победит физическими усилиями, как он описывает это в книге. Он пробегал сколько-то там этажей, нагруженный рюкзаком... Для меня это чудо — то, что с ним произошло...

Анджей Краевский:

Повесть о настоящем человеке...

Веслав Садурский:

Из человека с большим зарядом гордыни, который желал всегда блистать, из эгоиста он превратился в течение жизни в человека страдающего, общительного, пытающегося понять смысл жизни.

Христиан Сквишопек — «Мойра»:

Он больше не сядет за общий завтрак; как только женщина исчезнет за кухонной перегородкой, он встанет и незаметно выскользнет в свою комнату. Им овладеет торопливость, неестественная ускоренность во всех начинаниях. Вещи он соберет быстро, в пять минут, размышлять не станет, каждую мысль будет убивать на полуслове. Нескольких вещей он не заметит — какую-то куртку, свитер, какие-то книги. День будет вставать заспанный, окутанный туманом, пока что без солнца. Женщина обернется, увидит его, застынет без движения, не предчувствуя еще, замрет так на несколько секунд, не двигаясь, с тарелкой в руке, потом отставит тарелку, вытрет о тряпку руки и подойдет ближе, с робкой улыбкой удивления, словно какая-то мысль пришла ей в голову нелепая, а она не поверила. Она остановится у окна, и луч света позолотит ее глаза, как будто на ресницах закачается, на прищуренных веках. Однако она все еще не поймет. Он вынет чек из кармана и положит на плиту. Рот у него откроется, но он не вымолвит ни слова, покраснеет, но взгляда не отведет. На мгновение прикроет веки. И сразу после этого посмотрит ей в глаза, широко раскрытые, которыми она будет водить по нему, не понимая, и он снова шевельнет губами, словно ища слов. Не найдет. Снимет шляпу с головы и снова надеет, будет ждать и заклинать ее в душе, чтобы догадалась, и она услышит его призыв. Он узнает это по ее губам, внезапно задрожавшим, ее лицо останется неподвижным, с недоверчивой улыбкой,

забытой на губах. Только ее глаза уже будут знать, и плечи сожмутся, словно по ней озноб прошел и заставил ее всю сгорбиться.

Лидия Залесь, биоэнерготерапевт:

На протяжении нескольких лет, со времени болезни моего ребенка, я сосредоточилась на этом, самом важном для меня. Когда пришло написанное на машинке письмо из Берлина от Христиана, который таким вот весьма вольным образом приглашал меня и дочку к себе в Берлин, чтобы пройти некоторые лечебные процедуры, я была уверена, что эта встреча не состоится. Я что-то, не помню что, ответила, отделалась. Так как он очень настаивал, я пригласила его к себе. Написала, однако, что не знаю, в какой мере я могу ему помочь: я с ним незнакома и должна увидеть, что он за человек, что за личность, все вместе очень важно. Не сама по себе болезнь, не внешний вид — просто мне придется с этим человеком пробыть несколько дней, чтобы разобраться... Так вот мы и встретились. Он произвел на меня необыкновенное впечатление на вокзале, я представляла его себе совсем иначе. Он был одет весьма экстравагантно, все мне как-то не нравилось, я была смущена. Все лечение протекало в довольно странном хаосе, так как все время появлялись новые элементы, особенно то, чего, собственно, нельзя было избежать, если говорить об отношении Христиана как мужчины ко мне. Это проявилось в какой-то момент и нарушило весь ход лечения. Меня охватило чувство беспомощности, я не знала, что я могу дать этому человеку. Он хотел всего, буквально всего. И внезапно от всей этой беспомощности я написала ему письмо, что меняю всю свою жизнь и что в моей жизни есть другой мужчина, который для меня в данный момент важнее всего и т.д. и т.п. Для Христиана это был жуткий удар. Это нашло отражение в его книге. Это было... Это была его смерть...

Христиан Скшипошек:

Это разрастание нашего «я» по существу ориентировано на то, чтобы быть любимым. Поэтому я думаю, что любовь — высшая ценность во всей Вселенной. Она спасает, и она отпускает грехи. Я тоже пользовался любовью, то есть рассматривал ее инструментально, и совершал этот грех соблазна, чтобы любящего человека использовать в своих собственных целях. Конкретно я очень многим обязан женщинам в своей жизни, их великодушью. Литература все же была для меня постоянной демонстрацией собственного «я». Для меня заниматься собою стало главной деятельностью, и получалось, что все остальное должно ей подчиниться, в том числе любовь, по этой причине у меня по сей день серьезные угрызения совести. Я вижу, что это все было необходимо для того развития, которое происходило во мне, и я бы сказал, что я очень благодарен моей судьбе за то, что она почти ни от чего меня не избавила, потому что лишь благодаря всем этим травматическим переживаниям я смог или должен был поставить перед собой вопросы, ответить на которые значило бы уже сделать следующий шаг. Пребывать в чистой связи с самим собой — это радость, столь несравненная со всяким иным личным удовлетворением, что за это стоит заплатить любую цену. Я, по моему мнению, от «а» до «я» предан разуму, и интуиция мне подсказывает, что нет у меня интуиции ни на грош. Я считаю, что если разум признается в том, что ему не под силу, то приобретет новое качество и тогда, не исключено, научится интуиции. В нас есть нечто разумнее и лучше, чем мы сами, и я верю, что, постоянно пытаюсь извлечь из себя то, что в нас есть лучше нас самих, мы имеем шанс стать — как вид — чуть-чуть лучше, чем мы есть в данный момент. Эта надежда, пожалуй, служит главной мотивировкой работы... и жизни тоже.

Гжегож Пшебинда

РОССИЯ В ПРЕДДВЕРИИ СТРАШНОГО СУДА

По мнению Виктора Ерофеева, величайшее, а ныне, пожалуй, уже единственное богатство русских — их язык, полученный в дар от Бога. Вековые ценности русской речи, подобно библейскому таланту, следует сегодня не только защищать, но и приумножать. Сам писатель в этой области сделал уже очень много, особенно как исследователь русской и западноевропейской мысли и литературы.

Проклятые вопросы

Том эссе В.Ерофеева «В лабиринте проклятых вопросов» (1990), посвященный творчеству Гоголя, Достоевского, Бродского, Набокова, Селина, Рембо, уже стал классикой жанра. Страницы, касающиеся Достоевского — это лучшее, что написано в мировой литературе, посвященной автору «Братьев Карамазовых». Оппонируя как Достоевскому, так и его демоническому герою Ивану Карамазову, Ерофеев формулирует свое этическое кредо. «Если Бога нет — не все позволено, что в сочетании с «если Бог есть — не все позволено» дает нам право сделать вывод, что человеку дозволяется не всякое действие, независимо от существования Бога». Несчастья России, по мнению Ерофеева, проистекают из того, что не получили признания три вышеприведенных силлогизма. Те, кто отверг Бога, чаще всего поступали, следуя принципу «все позволено». Метафизики, в свою очередь, занимались поисками русского бога, то есть проявления вечности в земной сфере социальных структур. Русский бог шатался, как зуб, и большевики его вырвали разом.

Происходило это все с огромным ущербом для личности и свободы человека. Россия в отличие от Запада не пережила по-настоящему свою эпоху Просвещения. Ерофеев пишет: «Не будешь уважать другого, тебя не будет. На этом контракте Запад держится двести лет». Россия же существует исключительно в той «живописной сфере», в которой Иван Грозный убивает своего сына, а мать на вопрос ребенка, что же, собственно, такое представляет собой Россия, бьет «засранца» по лицу. Свой русский рассказ под названием «Мама» Ерофеев конструирует в духе учебника по истории Российской империи для средней школы: «Почему мама не захотела ответить сыну на поставленный вопрос? По какой причине она стала его бить? Убила ли она его в конце концов или сын все-таки выжил?» Данный фрагмент и все цитаты взяты из польского издания «Энциклопедия русской души» Виктора Ерофеева, которая на первый взгляд может производить впечатление литературного скандала в духе постмодернизма.

Серый и человеческая масса

Вопреки названию, произведение это — вовсе не энциклопедия и не дискурсивный трактат о русском складе ума. Сам автор определяет свое произведение как «роман». Здесь есть главные и второстепенные герои, есть общая фабула и действие, разбитое на эпизоды, тысячелетняя история России и ее громадное пространство от Калининграда до самого Владивостока. Главным действующим лицом и одновременно носителем той самой «русской души» — из названия — оказывается некто Серый, виновник и олицетворение всех бед и несчастий России. Это ее жестокий тиран и одновременно терпеливый папаша, мистик и эмпирик, ненавидящий русских приверженец России как сверхдержавы. Чаще всего он бьет исподтишка, из-за угла, но и сам готов покорно сносить удары. Это такой русский «всечеловек» с бородатым обликом Ивана Грозного, напоминающий при этом Петра Великого, который резал русские бороды вместе с головами. Палач и сиделка, персонификация русского народа и символ его жестокой власти. В советские времена он был диссидентом и эмигрантом, но на закате XX века умеет также вести себя как «новый русский». Одна черта у него постоянна: «Среди противоречивых истин, которые составляют сущность Серого, есть одна, кажущаяся несомненной. Это склонность к саморазрушению».

Интрига проста, как действие в виртуальном комиксе. Американская разведка (Грегори Пек) и российская разведка (Пал Палыч, на которого работает тридцатилетний бизнесмен Саша) ищут Серого, то есть персонифицированную «русскую душу», которая на протяжении столетий строила рабскую империю, тормозила реформы и способствовала цивилизационной нищете русского народа и нации. Грегори Пек, в котором российский читатель может узнать alter ego Збигнева Бжезинского, делает это ради ослабления России: «Он считал, что Россия неисправима и ее ослабление благожелательно для всего человечества. Любой провал России на Украине, в Прибалтике, Чечне, Ираке, где угодно, он воспринимал с облегчением». Российская разведка в своей погоне за Серым представляет в свою очередь «элиту власти» современной Российской Федерации, власти, корни которой уходят во

времена сталинских и брежневских структур: «Раньше мы были сами знаете кем, — грустно сказал Пал Палыч. — Нарушали права человека. Рубили головы. Вообще нарубили дров. А теперь идем к нормальной цивилизации. У нас не все получается, много дряни, но мы искренне стараемся и в душе — демократы». Итак, драма современной России заключается и в том, что для достижения нормальности опять требуется кого-то ликвидировать — на сей раз Серого: «В той жизни, где метро, булочная, издатели, дети, Серого нет и быть не может».

Испорченный язык и девушки

Надо признать, на сей раз Ерофеев не очень-то способствовал умножению богатства русской речи. В «Энциклопедии», наряду с историсофским дискурсом, присутствуют весьма жесткие вульгаризмы и непристойное описание физиологических функций человека. Особенно достается девушкам в России, которые, как правило, «трахаются всем телом» (уточним, что данное выражение отнесено автором к француженке Сесиль. — Пер.), причем «180 дней в году». Другие цитаты приводить не стоит. Они могут вызвать рефлекс отторжения у читателя, даже если представить себе, что через испорченный язык писатель показывает деградацию самой действительности. Ерофеев утверждает, что вульгаризмы в России на протяжении столетий были неотъемлемым элементом ее лексики. Именно в них накапливалась и находила выход агрессия русского народа, переносившаяся с речи на реальность. Будучи постмодернистом, писатель стремится теперь способствовать — с помощью иронии — уничтожению вульгаризмов изнутри, превращению их в явление комическое.

Иногда это даже удается, но по большей части это бывает комизм ситуационный, который остался бы и в том случае, если бы из описания были изъяты все вульгарные выражения. Из главки «Вышний Волочек»: «Общественные сортиры в России — это больше чем трактат по отечественной истории. Это соборы. С куполами не вверх, а вниз. (...) Я много видел чудесных сортиров, они все так или иначе недействующие, подспудно облачающие философскую суету Запада, но нигде больше не видел такого византийского чуда, как в Вышнем Волочке. Там перегородка между женским и мужским отделением идет не по низу, по верху, от потолка. Голов не видно, а все остальное — как на витрине».

История футбола в России

Анджей де Лазари в послесловии к «Энциклопедии русской души» обращает внимание на сходство энциклопедических фрагментов данного произведения с «Философическим письмом» Чаадаева 1829 года. Это полная драматизма картина России как страны, оставленной Провидением, в которой не видно прогресса, нет цивилизации и нет серьезных перспектив на будущее. То же самое и у Ерофеева, причем его пессимизм зиждется на еще более глубоком фундаменте, чем это было во времена Николая I. В главке «История национального футбола» дается описание огромного стадиона, на котором еще во времена Петра I в России идет проигранный для Европы поединок с Азией. Несмотря на усилия, прилагавшиеся Александром II, Хрущевым и Горбачевым, русский народ-нация предпочитал подчиняться Александру III, Ленину, Сталину и Брежневу. Ельцин в свой первый президентский срок еще играл по-европейски, но под конец второго растерялся, остановился и не знал, по каким воротам бить.

Выходит, Россия по-прежнему выглядит как живое средневековье, в своих наиболее характерных местах напоминающее трущобы Мексики, Африки и Непала, районы наркоманов Нью-Йорка. «За фасадом большого города, в недрах «убитых» коммунальных квартир, с гнилым серпантином наружной электропроводки (...) где улица начинается с коридора, трубы слезятся, в уборных дворовый холод и голая лампочка, расселена Русь, которая до сих пор продолжает допетровские времена»... Неужели не найти никакого света в этой российской пещере? Неужели это Страшный суд, который вершит Ерофеев над Россией и ее будущим в XXI веке? Разумеется, нет. Литература должна здесь действовать как очистительная метафора. Для того чтобы преодолеть русскую душу, надо ее сначала реконструировать и описать по частям. Писатель боится России непредсказуемой и мистической, в которой «бандит дарит тебе шоколадку, а первоклассник отрезает тебе тупым ножом яйца».

После 11 сентября будущее его страны видится Ерофееву в более оптимистическом свете, по уже предполагаемому принципу «или-или»: «Когда поздним вечером 11 сентября я проходил возле посольства США (...), то на асфальте увидел море цветов и зажженные свечи. Этот стихийный акт сочувствия в моей стране — уставшей и ставшей равнодушной вследствие собственных бед — нечто исключительное. (...) В этом контексте события 11 сентября 2001 года сыграли положительную роль в истории России. Нет, россияне не сделали выбор, скорее потеряли возможность его сделать. Иного пути, кроме того, которым идет Запад, для них уже просто нет. За исключением пути, ведущего в пропасть».

В «Энциклопедии русской души» как раз и дается описание этой пропасти с исключительно откровенной беспощадностью.

Валерий Мастеров

БУЛГАКОВ В ПОЛЬШЕ КАК ДОМА

Отличающееся высокими требованиями и взыскательным вкусом варшавское издательство «Трио» несказанно обрадовало читателей автора «Мастера и Маргариты». После пяти лет кропотливой редакторской и переводческой работы вышел в свет солидный том с красноречивым названием «Михаил Булгаков. Лексикон жизни и творчества». Это первый иностранный перевод вызвавшей большой интерес в России и за рубежом «Булгаковской энциклопедии» Бориса Соколова — историка, философа и исследователя литературы, чьи профессиональные увлечения военными катаклизмами не смогли пригасить страсть ко всему, что связано с Михаилом Афанасьевичем Булгаковым.

В любовно изданной, богато иллюстрированной уникальными фотографиями книге более 110 объемных статей, посвященных жизненным перипетиям Булгакова, его произведениям, а также историческим личностям, повлиявшим на судьбу писателя и ставшим прототипами его романов и драм. В ней есть подробный календарь жизни и творчества Михаила Булгакова, обширная библиография, разбитая на тематические разделы и включающая избранные польские издания книг писателя, список знаменитых людей и литературных персонажей. Но варшавское издание прежде всего отличает специальная глава «Булгаков в Польше», которую подготовила Алиция Володзько-Буткевич, директор Института русской филологии Варшавского университета.

Приехавший из Москвы на презентацию своей книги в Национальной библиотеке Борис Соколов растроганно признался в своей радости, что перевод на польский был первым, ибо, по его словам, он неравнодушен к Польше. Я же поймал себя на мысли, что это вполне естественно и трудно представить себе иной вариант. Булгаков давно почитаем в Польше, а его главная книга признана всеми поколениями, и совсем не потому, что входит в школьный список обязательной литературы. Это особенно высветил плебисцит наиболее ценных литературных произведений XX века, кото-

рый проводили авторитетные периодические издания «Газета wyborcza», «Жечпосполита» и «Политика». Лучшей книгой ушедшего столетия читатели признали роман «Мастер и Маргарита», который впервые вышел на польском языке (еще неполным изданием) в 1969 году. Автор этих строк помнит, как расхватывали этот томик карманного формата в твердой белой обложке в популярном тогда книжном магазине «Дружба» на улице Горького (теперь снова Тверской) в Москве.

Однако Булгаков был известен в Польше еще в 20-30-е годы. В то время дважды выходили «Роковые яйца» и «Дьяволиада», издавалась еще не оконченная «Белая гвардия», театры охотно ставили «Зойкину квартиру». Первой же послевоенной публикацией стала драма «Последние дни», после чего лет на пятнадцать наступил застой как следствие запрета на Булгакова в Советском Союзе. И только хрущевская «оттепель» 60-х годов прорвала блокаду. Систематически начал печатать сочинения Булгакова ежемесячный журнал «Диалог», на театральных афишах появились «Собачье сердце» и «Театральный роман». Постепенно начали заполняться и пробелы в прозе.

Произведения Михаила Булгакова блестяще переводили Витольд Домбровский, Ирена Левандовская, Анджей Дравич, Ежи Помяновский, Алла Сараханова и другие маститые переводчики, цитаты из работ которых нашли место в «Лексиконе».

На булгаковские публикации обращали внимание известные писатели. К примеру, Войцех Жукровский и Ярослав Ивашкевич отозвались на первое полное польское издание «Белой гвардии». Не все рецензии исчерпывались констатацией «Булгаков — мастер слова». Ивашкевич, вспоминая проведенную в Киеве молодость, не упустил вставить автору шпильку, упрекнув его в «тоне пренебрежения по отношению к полякам и украинцам». Этот «антипольский выпад», частенько извлекаемый из контекста, автор «Лексикона» Соколов считает напрасным, обращая вместе с тем внимание на то, что Булгаков воспитывался в ки-

евской среде в окружении поляков, знал историю и культуру Польши, владел польским языком — отсюда и полонизмы в устах некоторых героев его произведений.

Одновременно в Польше начал царить и Булгаков-драматург. Его пьесы «Дни Турбиных», «Бег» и «Мольер» шли на сценах Варшавы, Кракова, Лодзи, Ольштына, Кельце, Быдгоща и других польских городов. И все-таки основным притяжением для театра, кино и телевидения стал роман «Мастер и Маргарита». Профессор Володзько-Буткевич замечает, что из всех инсценировок романа наиболее широкую огласку получил спектакль, поставленный в 1987 г. Мацеєм Энглертом в театре «Вспулчесном» («Современном»).

Не могу не поддаться собственным воспоминаниям и впечатлениям. Я тогда только что оказался в Варшаве, где о «гвозде сезона» говорили на каждом углу. Мокотовская улица при приближении к театру перед началом представления была малопроезжей. Достать билет на спектакль граничило с чудом. Мой друг со студенческой скамьи, польский журналист Марек Ксоковский преподнес мне подарок: «Тебя пригласила Анна Майхер — она давала интервью в нашей редакции». Анна играла в том знаменитом спектакле Геллу. Четыре часа эмоционального представления пролетели как мгновение. Умчались и годы. Сравнительно недавно я встретил Анну Майхер на съемочной площадке у Анджея Вайды и напомнил ей, что был ее гостем и до сих пор помню тот спектакль. «Для меня участие в нем было самым запоминающимся событием в творческой жизни», — с волнением откликнулась актриса.

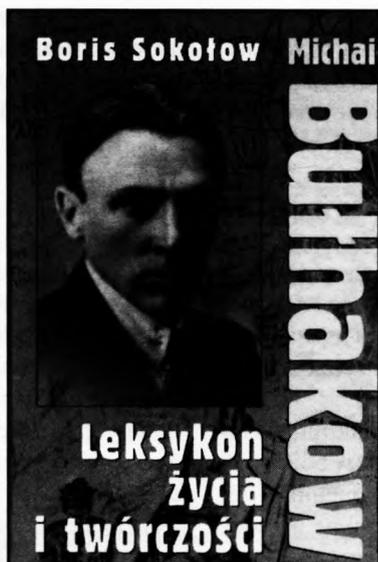
Между тем и сам Вайда был причастен к знаменитому роману, сняв фильм «Пилат и другие». «Мастер и Маргарита» дали варшавскому Большому театру повод поставить оперу, а Мацеєм Войтышко — сериал по заказу польского телевидения. Но все-таки самой значительной работой Войтышко стала «Кабала святош», поставленная в Театре телевидения с выдающимся актером Тадеушем Ломницким в роли Мольера.

Роман «Мастер и Маргарита» по-прежнему остается неослабевающим магнитом. В написанной для «Лексикона» статье «Булгаков в Польше» приведены данные Союза артистов польских театров, согласно которым с 1973 по 2000 год польские зрители увидели 14 инсценировок романа. Издатели успели внести сноску: пятнадцатой польской инсценировкой «Мастера и Маргариты» стало представление режиссера Кристиана Люпы в краковском Старом театре в мае 2002 года. Но и эта статистика уже устарела. В ноябре 2003-го состоялась премьера «Мастера и Маргариты»

на сцене Нового театра в Лодзи, которая стала пятой постановкой режиссера Анджея Марчевского после спектаклей в Валбжихе, Плоцке, Быдгоще и Бельско-Бяле. Не иссякает интерес и к судьбе самого писателя. Вышеупомянутый Мацеєм Войтышко написал и поставил на сцене Театра им. Юлиуша Словацкого в Кракове спектакль «Булгаков» — о последних днях жизни автора гениального романа.

Борис Соколов, наверное, прав, когда говорит, что причина популярности Михаила Булгакова в Польше кроется в соединении в его произведениях философии, истории и юмора, что отвечает реалиям и складу ума поляков.

Валерий Мастеров — собственный корреспондент газеты «Московские Новости», специально для «Новой Польши»

Ольгерд Будревич

КОРОЛЕВА КОВРОВ

К женщине — знатоку и собирательнице восточных ковров — приехал эксперт по коврам из знаменитой британской аукционной фирмы. Состоялся долгий разговор, были показаны самые лучшие экспонаты собрания. Владелица стала на маленький коврик и попросила эксперта определить его происхождение и возраст.

— Фергана, около 150 лет, — ответил он, немножко подумав.

— Я сама его соткала несколько лет назад, — возразила Тереса Саакян, полька, живущая в Бельгии.

— Я всегда была больна Польшей, — рассказывает она. — Впрочем, случилось, сама Польша лечила меня от этой болезни. Но я не поддавалась, считая, что патриотизм — это не раз-другой разязвить рот, но тихо и спокойно посвятить родине всю свою жизнь.

Сокровище в Королевском замке

Тересе Саакян скоро стукнет 90 лет, и хотя более 60-ти из них она живет за границей, по-польски говорит в совершенстве. Главным ее решением было передать 550 восточных ковров Королевскому замку в Варшаве — покровителем (и, вероятно, вдохновителем) этого замысла был профессор Станислав Лоренц. Профессор Александр Гейштор написал: «В области кавказского ткачества это, вероятно, самое богатое из известных нам собраний в мире». Теперь эта сенсационная коллекция по-прежнему находится в Королевском замке, но о том, чтобы ее пропагандировать, заботятся мало; будь она в Лондоне или Вашингтоне, ее везде рекламировали бы как обязательный пункт любой туристической программы; в Варшаве о ней непонятным образом помалкивают.

Тереса Саакян подарила Польше не только ковры, но также, например, каминную плиту 1741 г., украшенную миниатюрами персидскую дверь XVII в., шкатулку с богатой резьбой, разнообразную мебель и светильники. Она легко могла бы продать свое собрание: швейцарцы предлагали ей поселиться в прекрасном замке Ивердон в обмен на создание у них фонда и передачу собрания ковров в депозит. Однако упрямая женщина добилась, чтобы ее сокровища оказались в Польше.

Ткачиха и коллекционер

Тереса Саакян, ныне живущая в Арденнах, родилась в Варшаве накануне I Мировой войны. Отец ее умер, когда девочке был год и два месяца. Аттестат зрелости она получила в гимназии Хелены Гепнер на ул. Моноюшко. Затем окончила Высшее училище политических наук. В 1938 г. вышла замуж за Геворка Саакяна, армянина с персидским паспортом, гораздо старше ее. Этот паспорт помог ей во многих сложных жизненных обстоятельствах. Благодаря ему она смогла уехать из Польши в 1940 году. Сначала в Вену, а в 1948 г. — в Брюссель. Муж, по образованию экономист, знаток восточного искусства (в Варшаве, бежав из СССР, он работал в Национальном музее), собирал восточные ковры и этой страстью заразил жену.

Армяно-польская чета открыла в Брюсселе большой магазин и завоевала часть бельгийского рынка восточных ковров (продав несколько своих старых образцов, они получали новые через Гамбург и Лондон). Начало было нелегким: Тересе Саакян пришлось овладеть искусством ковроткачества: познать все типы вязки, всё узнать о частоте узлов на квадратный дециметр, о полотняных, паласных и килимных связках, о разнообразных узорах и цветах. С этими знаниями она могла заниматься трудным искусством починки и даже реконструкции ковров, их штопкой, окраской, дополнением. В 1973 г. Бельгийская палата антикваров и Бельгийская палата экспертов изящных искусств признали ее экспертом в этой области.

Единственная, кто не поддался

Во время войны Тереса Саакян несла помощь полякам, страдавшим от недоедания и холода в лагерях военнопленных. Она наводрилась изготавливать очень жирное песочное печенье (обеспечив себе доставку особой непромокаемой бумаги).

Ее вызвали на допрос, расспрашивая о деталях ее благотворительной деятельности. Особое внимание обратили на жирное печенье: «А знаете ли вы, что в лагеря не разрешается посылать жиры?» — «Да они не на жирах сделаны, — возразила она, — а на маргарине».

В гестапо ей приказали развестись с мужем. Это касалось всех женщин, мужа которых обладали паспортами нейтральных государств. Несмотря на угрозы, она отказывалась до самого конца. Ее спасал исключительный документ — т.н. седжиль, который могли иметь только женщины, родившиеся в Иране. Когда она в последний раз покидала помещение тайной полиции, за ней вышел и офицер, который ее допрашивал, — наглый, постоянно восклицавший «Хайль Гитлер!». Уже на улице он сказал ей: «Hochachtungsvoll, вы единственная, кто не поддался».

Имущество, вывезенное из Польши, надо было во что бы то ни стало сохранить. Не для себя: Тереса Саакян мечтала, чтобы их собрание вернулось в Польшу. Поэтому в доме царило постоянное напряжение: хозяйка ломали голову, придумывая, как спрятать и сохранить ковры, чтобы их не конфисковали и не разворовали. Следовало любой ценой вывезти сокровища из Вены. Семья сняла второй этаж в сельском трактире в Штирии и устроила там квартиру, которая была тайным складом ковров. Часть из них превратили в подобие кушеток, на которых сидели гости, а на ночь стелили постель. Когда к Австрии стали подходить советские войска, пришло время нового исхода. Геворк Саакян, беглец из СССР, почувствовал себя в опасности. Ценой новых жертв и с помощью многочисленных хитростей ковры удалось вывезти в Брюссель. Вскоре там оказалась и чета Саакян.

Цепочка помощи

В загроможденной квартире Тересы Саакян больше всего ковров и книг.

— Знаете, — говорит хозяйка, — когда у поляка ничего нет, то книги обычно есть. Я много читаю.

— За эти сокровища вы могли бы жить куда лучше, — говорю я.

— А может быть, — иронически спрашивает она, — мне нужно съесть два обеда?

Когда Польская библиотека в Брюсселе, обладающая прекрасным фондом во много тысяч томов, столкнулась с серьезными трудностями и члены местной Полонии не могли собрать достаточно денег, чтобы ее спасти, Тереса Саакян заплатила необходимую сумму. Когда нужно, она поддерживает разные начинания. И никто об этом не знает.

— Я еще что-нибудь отдала бы Польше, — говорит она, — но в какой-нибудь менее известный музей, может дворец. А тут мне предлагают одно и то же: Королевский замок да Вавель. Словно нет других городов, других объектов, нуждающихся в экспонатах.

Она хотела бы создать фонд, помогающий способной молодежи по принципу: я тебе дам возможность учиться, а ты потом поможешь кому-то другому.

wprost

Ольгерд Будревич — прозаик, варшавский повстанец 1944 г., специалист по истории Варшавы, путешественник, репортер.

Агнешка Майле

В КОВРОВОМ ЗАЛЕ

Королевский замок в Варшаве — это не только восстановленный памятник архитектуры, не только воспроизведенные старинные интерьеры, не только место временных выставок. Это еще и место, где дети, молодежь и взрослые участвуют в разного рода просветительных мероприятиях. Многие из них ведет Мастерская музейной деятельности.

В последнее время она организовала несколько встреч, посвященных мусульманской культуре. Руководитель мастерской Даниэль Артымовский говорит:

— Культура исламского мира была некогда по богатству и разнородности сопоставима с европейской. И речь идет не о танце живота и не о сказках «Тысячи и одной ночи». Там были первоклассные ученые, писатели, философы, энциклопедисты. Этот мир ушел, и частично по вине Европы. Мы хотим, чтобы поляки не воспринимали мусульман как грязнуль, которые способны только обслуживать автомат Калашникова.

Лекции и практические занятия, посвященные культуре Ближнего и Среднего Востока, проходят на фоне экспозиции восточных ковров XIX века. Ковры подарила замку в 1989 г. (вторую партию — в 1991-м) Тереса Саакян. Их свыше 560-ти, но ввиду возможностей помещения выставлено около 40% ковров и килимов. Из-за непрочности тканей на выставке представлен только один ковер XVIII века. Большинство экспонатов родом с Кавказа (главным образом из Азербайджана). Ковры разделены с точки зрения географии, на каждом висит маленькая карта с местом его происхождения.

В Ковровом зале регулярно проходят музейные лекции для детей и молодежи («Мир Ислама», «Дворец из «Тысячи и одной ночи»»), а также театральные спектакли («Персидский ковер», «Сказки Шехерзады»).

— Занятия по исламскому миру, — рассказывает Артымовский, — выглядят так: сначала мы вызываем слушателей на краткие размышления о мусульманстве — ковры служат фоном. Потом идет лекция с диaposитивами, чтобы упорядочить то, что появилось в результате группового сбора информации. А в конце — упражнения по арабской каллиграфии, доставляющие самое большое удовольствие.

Даниэль Артымовский придумал проводить в ковровом зале, кроме занятий с детьми, практические занятия для взрослых — семинары и лекции, в среднем по полгода, — а также ежемесячные литературные встречи.

— Стимулом, — говорит он, — стал налет на Всемирный торговый центр, так как с тех пор мусульманский мир начали показывать крайне односторонне. Занятия для взрослых я провожу сам или приглашаю специалистов.

После двух четырехчасовых лекций об исламе можно было говорить об успехе: на каждую пришлось свыше ста человек. Потом, весной 2003 г., Мастерская музейной деятельности организовала встречу, посвященную культуре народов Кавказа. Была прочитана лекция об истории и языках Кавказа, прошло чтение армянской, чеченской и грузинской поэзии, а также стихов польских поэтов XIX века, волей судьбы занесенных на Кавказ.

В ноябре в ковровом зале состоится выставка, посвященная Азербайджану, и литературная встреча, на которой актеры прочтут отрывки из «Гяура» Байрона в переводе Адама Мицкевича. Из Баку должен приехать первый секретарь польского посольства Войцех Гурецкий, автор книги «Планета Кавказ». Позднее состоится вечера, посвященные персидской и турецкой культуре.

— Наши занятия нетипичны, — говорит Артымовский, — они дольше обычных уроков. Цель их состоит не в том, чтобы перелить знания из одной головы в другую, а в том, чтобы научить внимательно наблюдать действительность и откликаться на нее художественным творчеством.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРОЙ ПЕРИОДИКИ

Упрочилась мода на монографические номера журналов, посвященных культуре: варшавская «Литература на свете» целый выпуск (2003, №9-10) посвятила Харальду Блуму, американскому «гуру» критики и теории литературы, сочинения которого все больше сближают литературоведение с литературой как таковой; быдгощский «Квартальник артистичный» (2003, №2-3) почти целиком посвящен творчеству швейцарского скульптора Альберто Джакометти (1901-1966); краковская «Декада литератца» (2003, №7-8) занялась свежей новинкой — сюжетными играми, известными под английским сокращением RPG (Role Playing Games), которые, правда, относятся скорее к массовой, чем к высокой культуре, но, как утверждает во вступительной статье к номеру Тереса Валас, заслуживают внимания как с точки зрения реализма повествования, так и тем, что, требуя от игроков эрудиции, представляют собой своеобразную цезуру в изменениях массовой культуры. Похоже, что редакция не хватает «живых» материалов, относящихся к злободневным, жгучим вопросам, обращающих внимание публики и способных вызвать споры о культуре. Царит атмосфера какой-то постмодернистской скуки или просто маразма. Не в том дело, что эти монографические номера не заслуживают внимания, — наоборот, читать их стоит, и я читаю с пользой для себя, но в то же время все-таки задумываюсь, не лучше ли было бы эти материалы подавать в книге, а не в журнале. Журнал, как показывает само название, должен — по крайней мере, я так думаю — отражать время, в которое мы живем, не в каком-то одном аспекте, а в разнообразии вопросов и множестве высказывающихся по ним голосов.

Значит ли это, что существенные споры и дискуссии утихли? Не совсем, хотя стоит обратить внимание на то, что они все чаще протекают в замкнутом кругу, почти в стороне от общественной жизни. Так происходит с дискуссией об этике интеллигенции, которая оживленно велась еще два года назад и имеет свой смысл не только в Польше. Конференцию, посвященную этой тематике, недавно провела «Уния свободы», партия, которой никак не удастся собрать 5-процентный минимум голосов, позволяющий ей, несколько лет назад входившей в правительственную коалицию, вернуться в парламент. Эта типично интеллигентская партия, которую еще не так давно возглавлял Лешек Бальдеревич, подготовила тезисы к дискуссии о состоянии польской элиты. Выписываю их из «Газеты выборчей» (2003, №290):

«Победа движения «Солидарности» пробудила большие надежды. Ожидали воплощения в жизнь ценностей, которые провозглашала демократическая оппозиция и «Солидарность». Верили, что пережитый всеми опыт тоталитаризма и сопротивления этой системе станет фундаментом такого строя, где межчеловеческие отношения будут опираться на принципы, провозглашавшиеся Иоанном Павлом II и жившие в «Солидарности». Этого не произошло. Разочаровали и разочаровывают политики, политические партии, деятели местного самоуправления, журналисты, а также духовенство. Плохо работают органы правосудия, суды действуют медлительно и беспорочно. Общепропорченной стала уверенность, что всё, включая правосудие, можно купить. Признаком успеха в общественной жизни стали деньги. Группа людей, живущих с чувством отверженности, неспособных стартовать в гонке за успехом, тревожно растет, создавая базу преступности. Увеличиваются различия в доступе к образованию. Не хватает основополагающих жизненных образцов, нет людей, обладающих нерушимым авторитетом. Молодежь сама себя назвала поколением «ничто». Действительно ли все так плохо? Какие меры против всего этого следовало бы принять? Какой должна быть здесь роль традиционных интеллигентских кругов? Есть ли место для либерального мышления?»

В том же номере газеты напечатана статья Тересы Богуцкой «Интеллигент в растерянности», составляющая часть этой дискуссии:

«У меня создается впечатление, что мы становимся свидетелями поведения, традиционного у интеллигентов: мы собираемся, чтобы свидетельствовать о проигранном деле. О деле, которое не находит поддержки, но мы знаем, что оно правое. «Уния свободы» представляет такое требование ценностей в политике, по которому все тоскуют, но которого эти «все» не выбрали. Выбрали нечто совершенно иное. (...)

Схема интеллигентской озабоченности обычно содержит некоторые постоянные элементы. Первый из них — уклонение от критического обсуждения состояния общества и подсознательно классовое отношение к ценностям и обязанностям. И вот во введении в дискуссию мы читаем: «Разочаровали и разочаровывают политики, полити-

ческие партии, деятели местного самоуправления, журналисты, а также духовенство». Прежде всего любопытен подбор категорий, от имени которых мы бьем себя в грудь. В этой рефлекторной считалке нет профсоюзников, врачей, предпринимателей, торговцев, юристов — называю первые пришедшие в голову группы и профессии, где дела тоже нехороши. Избраны для покаяния те группы, которые функционируют в мире идей, публичного слова, те, что отвечают за изъяснение общественных убеждений и чаяний. (...) Однако значит ли это, что если бы эти группы-посредники: политики, журналисты, духовенство — были получше, то общество позволило бы наконец излиться своей коллективной порядочности, добросовестности, щедрости, благородству — и чего там еще в нашей жизни не хватает? Ведь непорядочность — удел всех социальных групп начиная с безработных и матерей-одиночек. И не в том дело, что среди них часто встречаются работающие налево, а в том, что на такого рода практику создавалась вседозволенность. Создалась дозволенность на неуплату налогов, вымогание пособий, выдачу больничных листов по знакомству, левую работу, взяточничество врачей. Каждый из нас знает людей, которые обманывают налогового инспектора (...) и даже если мы считаем это предосудительным, то испытываем растерянность. Ибо причина всякого такого поведения — ощущение, что ты хуже: ты бедный, нуждающийся, хуже других обустроенный, — такие люди чувствуют, что имеют право добывать дополнительные средства — и это право за ними признают. (...) Этой растерянности в нравственных оценках сопутствует громкоголосая и не получающая отпора параревOLUTIONная риторика, оправдывающая непорядочность нуждающихся. (...)

И еще одно. Если элиту не перестают во всем винить, укрепляется мнение, согласно которому решающую роль в общей жизни играет характер считанных групп и достаточно их сменить или каким-то другим способом оздоровить, как все станет хорошо. Не станет. Порядочность невелика, как и свобода, которой мы когда-то добивались. Если мы молча принимаем, что требуем порядочности от богатых, а всем остальным позволяем быть непорядочными, то процесс деморализации общества с классовым обоснованием будет развиваться все быстрее. (...)

Другой вопрос, с которым у интеллигенции проблемы, — это капитализм и рынок. Эта причина нашего дискомфорта выражена в словах: «Признаком успеха в общественной жизни стали деньги». Во-первых — хорошо это или плохо? Из тона и контекста вытекает, что плохо. А если плохо, то как должно быть? Подозреваю, что в подтексте лежит память тех времен, когда деньги ничего не значили, а успех (если уж мы должны употреблять это слово) давали наука, талант, гражданские добродетели. Это был успех внутри малых элитарных кругов, которые тогда были очень важны. Но сегодня они утратили свою важность: их важность пропорциональна их численности — разве что они сумеют привлечь к своим идеям более широкие круги. (...) В нормальном обществе, где путь людей к реализации своих возможностей должен быть предельно доступным, деньги всегда будут признаком успеха. Мечтания заменить их чем-то другим — это, как доказала история, опасные мечтания. Тем не менее, возможно, следует рассмотреть, почему большие деньги вызывают смешанные чувства? И что эти чувства значат? Что лучше сидеть без денег? Что какие-то учреждения должны регулировать их количество во имя определенных принципов? Или же из дискомфорта, вызванного ролью денег, вытекает необходимость выбрать какую-то концепцию уравновешенного развития, потребительской сдержанности, надлежащих правил государственного и общественного устройства? Или, наоборот, признать стремление к зажиточности побуждающим и мобилизующим механизмом, но зато делать ударение на том, откуда деньги берутся и что с ними делают? То есть на безоговорочной честности обогащения и на способе распоряжения деньгами.

Богуцкая высказывает неприятные и грубые истины. По существу это вопросы элементарные, и просто удивительно, что понадобилось преподавать их интеллигентным людям, которым эта статья и адресована. Однако не подлежит сомнению, что как раз интеллигенция сильнее всех заражена этим «классовым» образом мыслей и чувством вины за «дурное мироустройство». Нередко она стремится искупить свою вину — и предается тем самым «опасным мечтаниям» о применении всякого рода социальной инженерии. Богуцкая пишет об этом:

«Искать вину всюду, только не в обществе, убеждать его в том, что оно обладает свободолобивым и нравственным потенциалом, воспламенять к действию — это было интеллигентской задачей во времена порабощения. Эта роль интеллигенции предполагала определенное верховенство над обществом, предполагала, что обществу нужно привить те ценности, которые интеллигенция исповедует. Интеллигенция генерировала позицию патернализма, снисходительного к разным чертам народа, постепенно дорастающего до поставленных ему задач. Сегодня, думаю, эта функция духовного предводительства необратимо кончилась. Задача целых поколений интеллигентов выполнена, общество dorosло до самостоятельности и пока что не нуждается ни в каких авторитетах. Эта взрослость может нам не нравиться, ибо жизнь, как обычно, расходится с мечтаньями, но ее надо признать и тем самым отменить льготный тариф, рассчитанный на незрелость. Ибо у интеллигенции есть другая обязанность — понимать действительность, заглядывать вперед, указывать опасности, замечать общее благо, а в случае необходимости — уметь стать против большинства, против устоявшегося мышления, против расхожих и удобных суждений».

Человек, который уже много лет старается справиться с этой «другой обязанностью», — Станислав Лем, не только выдающийся писатель, но также — о чем не все знают — многолетний (под псевдонимом) публицист парижской «Культуры», на страницах которой он систематически печатал свои размышления и прогнозы. Делает он это и сегодня в фельетонах и статьях, публикуемых в краковском «**Тыгоднике повшехном**» и вроцлавской «**Одре**».

В последнем номере «**Одры**» (2003, №11), в очередном фрагменте своих «Сильвических размышлений», Лем объясняется по поводу запоздания с ответами на вопросы разных редакций о текущих делах:

«В тот самый момент, когда меня спрашивали о том о сем, я пребывал в нижнем кембрии, т.е. примерно в 550 миллионах лет назад, углубившись в данные современной палеонтологии, содержащиеся в книгах двух американцев и целой пачке номеров российской «Природы». Всё, чему я научился когда-то насчет т.н. кембрийского взрыва, во время которого животные, покинув океаны, впервые в истории Земли вышли на сушу, за последнее время углублено и уточнено. (...) необычайно интересны были для меня новые данные, объясняющие, что вторжению живых организмов на сушу предшествовало резкое окисление всей атмосферы. Вымирание прозябавших в воде организмов, для которых кислород был смертелен, привело к насыщению воздуха этим опасным элементом, и только это позволило эволюционному возникновению существ, поздние потомки которых — мы сами.

Таким образом, равнодушие вызванного отвечать на текущие вопросы объясняется ничтожностью этих вопросов, поскольку в перспективе миллионолетья земного существования вопрос о премии «Нике» (главной ежегодной литературной премии в Польше. — Л.Ш.) казался мне столь же мелким, как внутренние раздоры в Евросоюзе перед самым вступлением туда Польши. Вышеприведенными замечаниями я не пытаюсь отвертеться и не дезертирую из рядов современного фронта событий. Просто дело обстоит так, что в масштабе геологического времени современность выглядит всего лишь мгновением. (...) палеонтологические бездны, в которые я углубился, ни в чем не оправдывают предосудительности моих поступков. Однако это было чтение, приносившее известия, воистину способные изумить человека, ибо они разъясняли, почему поиски других технологически развитых цивилизаций могут потерпеть фиаско».

А в «**Тыгоднике повшехном**» (2003, №50) Лем написал в «Вопросах и прогнозах»:

«Буш — не демон и не проводник на пути к лучшему будущему; он политик довольно легкого веса, который влип в ситуацию, превосходящую его горизонт возможностей (...). Впрочем, несмотря на очень дурное мнение о Буше за границей, число голосов, на которые он может рассчитывать на ближайших выборах, вполне прилично, и его переизбрание представляется вероятным».

В другом месте того же фельетона Лем пишет:

«У меня нет ни малейшего понятия о том, что случится в Центральной Европе через 50 лет. История — игра с меняющимися протагонистами и антагонистами. В XX веке глобальная ситуация была довольно проста: капитализм против коммунизма, США против СССР. Ныне мы имеем дело с началом совершенно иной игры: с одной стороны — мусульманский террористический экстремизм, с другой — мир западной цивилизации».

И, наконец, о заказе «**Квартальника артистичного**» на текст о Джакометти Лем пишет:

«Я не люблю Джакометти, поэтому написал, что если ты хочешь выполнить скульптуру, подобную его произведениям, следует взять конопляную веревку, немного растрепать и опустить в насыщенный раствор сахара. На ней осядут комочки, она станет кострубатой, и тогда из нее можно делать разнообразные фигуры дам и господ. Милош чувствовал себя таким рискованным, когда писал о вездесущем ныне уродстве, что в конце своих заметок извинился за это перед читателями. Я извиняться не собираюсь».

Вот так Станислав Лем выполняет задачу понимать действительность и указывать опасности. Делает он это с давних пор и, как положено интеллигенту, не слишком успешно, хотя обычно бывает прав.

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• В канун Дня независимости 93-летней Ирене Сендлер была вручена высшая польская награда — орден Белого Орла. Во время войны она спасла из варшавского гетто 2,5 тысячи еврейских детей и помогла им найти убежище на «арийской стороне». Об этом говорил один из спасенных, известный литературовед Михал Гловинский: «Максима, ставшая девизом израильского института Яд-Вашем, гласит: спасший одну жизнь спасает мир. Пани Ирена спасла от гибели 2500 детей и немалое число взрослых. Сколько же миров она спасла! Это героиня и светская святая».

• Завершающий свою дипломатическую миссию в Польше посол Израиля Шевах Вейс получил награду «За заслуги перед польской культурой». «Этот необыкновенный человек выполнил здесь миссию, вышедшую далеко за рамки роли посла», — сказал министр культуры Вальдемар Домбровский. В ответном слове Шевах Вейс отметил: «Я мог выбрать любую столицу, Берлин или Москву. Но я сказал, что хочу в Варшаву, ибо чувствую себя делегатом моего истребленного народа. Эта миссия связана с нашей общей историей».

• Председатель польского ПЕН-Клуба Владислав Бартошевский вручил Янушу Красинскому премию за творчество в целом. Красинский, бывший солдат Армии Крайовой, узник Освенцима и жертва сталинских репрессий (он просидел в лагерях девять послевоенных лет), — автор книги воспоминаний «Дань серого дня». Однако самую большую славу принесли ему театральные пьесы — прежде всего «Вышка» и «Завтрак у Дездемонь».

• Владислав Копалинский, автор «Словаря иностранных слов и выражений», «Словаря мифов и культурных традиций», «Словаря событий и понятий XX века» и ряда других словарей, — сегодня самый выдающийся польский лексикограф. Однако в 96-ю годовщину со дня его рождения издательство «Муза» напомнило о его прежнем творчестве, выпустив сборник фельетонов, которые он когда-то печатал в газете «Жиче Варшавы». Сборник называется «Мой друг Идзи». «Для нужд фельетонов, — пишет Кшиштоф Маслонь, — Копалинский создал персонаж по имени Идзи (...) который произносит монологи на всевозмож-

ные, на первый взгляд оторванные от жизни темы. Сегодня чтение монологов этого „интегрального оптимиста» вызывает ностальгию по чему-то благородному — может быть, не более прекрасно-му, но уж наверняка более мудрому». Автор же следует принципу, согласно которому «фельетон, устремляясь за изменчивой, мерцающей жизнью, не может придерживаться какого-то одного образа мышления. Его основа — здравый смысл».

• Лексикографическим событием стал «Потяжный словарь современного польского языка» Бартека Хацинского — книга, посвященная языку юных поляков, без знания которого, пожалуй, невозможно войти в Интернет и пообщаться в одном из чатов. «Хотя Хацинский хорошо понимает молодежный польский, — пишет рецензент «Газеты Выборчей», — он в совершенстве знает и язык постарше. В своем словаре он показывает, что эти неологизмы — отнюдь не дело рук неизвестно откуда напавших на нас варваров, но продолжение культурной эволюции (...) однако я, признаться, мечтаю о том, чтобы Хацинский написал вторую часть своей книги (...) с противоположной отправной точкой — словарь старого польского языка для тех, кто пользуется молодежным».

• Все чаще серьезные «взрослые» издательства печатают книги очень молодых авторов. Примером, придавшим издателям смелости, послужил крупный успех 19-летней Дороты Масловской («Польско-русская война под бело-красным флагом»). Знаменательно, что на рынке появляются все более молодые дебютанты. Пожалуй, самая молодая из них — 15-летняя Магда Михаловская, чья книга «Третий невинный» недавно увидела свет. «Конечно, это не шедевр, — пишет критик, — но от романа Магды исходит тепло родного дома, которого нет в книгах поколения „ничто». Это хорошая книга для молодежи».

• Присуждаемую редакцией газеты «Жечпосполита» премию им. Юзефа Мацкевича получил Марек Ян Ходакевич за книгу «Эйшишки. Кулисы инцидентов, эпилог польско-еврейских отношений на восточных окраинах. 1944-1945. Воспоминания, документы, публицистика». Ходакевич — гражданин США, эмигрировавший из

Польша в 1982 году. Защитил докторскую диссертацию в нью-йоркском Колумбийском университете. Занимается проблематикой польско-еврейских отношений, которой посвящена и награжденная книга.

• В Варшаве прошла XII Ярмарка исторической книги. Выбор был огромен: 70 издательств представили около 1300 наименований книг. В связи с этим рецензент газеты «Жечпосполита» написал: «Историческая литература — самая читаемая в Польше. Согласно исследованиям, такого рода книги предпочитают 36% читателей». Среди самых популярных авторов — Богуслав Волошанский со своими книгами о тайнах II Мировой войны, Зигмунт Кубяк, столь необычно описывающий античный мир, а также Норман Дэвис, автор «Божьей игры» — книги, посвященной истории Польши. Темой его последней, изданной пока только по-английски книги стало Варшавское восстание и одинокая борьба повстанцев с немецкими оккупантами. Стоит добавить, что присуждаемую на ярмарке премию Клио получил (посмертно) Антоний Мончак за книгу «Неравная дружба». Тем временем главным хитом года стала книга Юзефа Хена «Мой друг король» — облеченная в литературную форму история последнего короля Польши Станислава Августа Понятовского.

• «Безмолвные, непокоренные. Катинская повесть» — так называется последний роман Владимира Одоевского («Все засыплет, заметет», «Оксана»). Книга в известном смысле была написана по заказу Анджея Вайды, искавшего литературный материал для фильма о Катини, поэтому «в ней много неожиданных сцен и сюжетов, идеальных для кино», — пишет рецензент «Газеты выборчей» Павел Фелис. Однако роман, посвященный катынскому преступлению, рассказывает не о самом преступлении. «Одоевский пишет о том, — продолжает Фелис, — как оно воздействует на память людей, не прошедших через эту трагедию». Сам автор в этой связи сказал: «Когда-то я уже писал, чем литература отличается от документальной прозы: она задевает более глубокие пласты восприятия, в большей степени склоняет к размышлениям, надолго западает в память читателя».

• Как обычно, после вручения премии «Нике» в списке бестселлеров произошла небольшая «смена караула». На первое место вышел лауреат этой премии Ярослав Марек Рымкевич со своим сборником стихов «Заход солнца в Милянувке». Далее следуют Рышард Капустинский с «Автопорт-

ретом репортера», а также книги Януша Л. Висневского очень необычного интернетного происхождения: «Одиночество в сети» (в оригинале «S@motność w sieci») и «Мартина». Между тем «Жечпосполита» опубликовала список писателей, чаще всего издававшихся после 1944 года. Среди польских авторов бесспорно лидирует Генрик Сенкевич. Следующие места заняли Ян Бжехва, Мария Конопницкая, Болеслав Прус и Юзеф Игнаций Крашевский.

• «Роберт Музиль сказал, что молодым людям всегда нравится искусство их сверстников. В этом нет ничего удивительного, все так и должно быть — ведь их искусство отражает их времена. Только вот бывает печально, если эти времена скверные, — написал в книге о выдающемся польском актере Збигневе Запасевиче («Защитные цвета», «Горячка») режиссер Эрвин Аксер. — Если человек сформирован лучшими временами, а попадает в скверные, он бывает грустным, и тут уж ничего не поделаешь. По-моему, именно в этом и заключается проблема Збышека. Он бывает грустным». Книга называется «Запасные маски».

• В декабре исполнилось 50 лет со дня смерти двух польских поэтов — пожалуй, самых читаемых послевоенным поколением. Юлиана Тувима и Константин Ильефонса Галчинского разделяло почти все, а объединяло лишь одно: к ним обоим применимо столь модное сегодня слово «культовый». Годовщина Тувима была отмечена экспрессивной радиопостановкой его поэмы «Бал в опере» и двухдневной научной сессией, организованной совместно Музеем литературы и Варшавским университетом. Галчинский, как всегда строптивый, попал в театр. В спектакле Ежи Сатановского «Улица шарлатанов» молодые артисты, лауреаты конкурсов актерской песни, исполнили прекрасные лирические стихотворения поэта, положенные на музыку. «Мой спектакль, — сказал Ежи Сатановский, — это рассказ о судьбе художника, поэта настроений и очарования, пленяющего все новые поколения читателей и слушателей».

• Два польских режиссера, о которых в последнее время говорят особенно много: Кшиштоф Варликовский и Гжегож Яжина, — недавно вынесли на суд публики два очень необычных спектакля. Варликовский поставил спектакль классика еврейского театра Шимона Ан-ского «Дибук». Он готовил эту постановку для фестиваля в Авиньоне — когда же тот провалился, показал ее во вrocławском «Диалоге», а затем в Варшаве. Вар-

ликовский соединил пьесу Ан-ского с произведениями Ханны Краль. В результате получился спектакль, о котором Тадеуш Соболевский пишет: «Ошеломляющую перспективу открывает соединение в рамках одного спектакля — без антракта, в одном и том же актерском составе и сценографии — двух разных пьес, двух различных по своей материи текстов, написанных в эпохи, разделенные рубежом Катастрофы, которая, как считали некоторые, повлекла за собой смерть не только человека, но и Бога. В спектакле Варликовского человек и Дибук, т.е. в каком-то смысле человек и Бог (...) встречаются в новом театре, в новом межчеловеческом ритуале». Гжегож Яжина поставил на варшавском Центральном вокзале пьесу Джорджа Ф. Уокера «Риски всем». «Однако речь идет не об экскурсии на Центральный вокзал — эту крупнейшую в Варшаве человеческую свалку, — пишет Роман Павловский, — а о художественном комментарии к цивилизации современно-го мегаполиса, о третьесортной действительности, в которой перемальваются стереотипы массовой культуры, телевидения и кино, а героями становятся человеческие отбросы. Яжина усилил эту культурную свалку и довел ее до абсурда».

- Необычную интерпретацию чеховского «Платонова» представил Польский театр из Познани. Режиссер Петр Крушинский полностью перенес действие спектакля в польскую действительность. Как пишет критик Марек Микос, в постановке Крушинского «все переживают банкротство (...) Опомнится ли кто-нибудь после этого, или просто начнется новый кон? Об этом мы задумываемся, когда на наших глазах рассыпается очередная империя подлости (...) И дело тут не в политических играх — необходимо коренным образом изменить сознание каждого из нас. Именно тогда становится ясно, для чего нужен театр».

- Овацией стоя завершилась берлинская премьера «Пиковой дамы» Чайковского, которую польский режиссер Мариуш Терлинский перенес «в мир почти точь-в-точь из немецкого экспрессионизма (...) Это трудная, требующая от актеров адовой работы, психологически конденсированная постановка, в которой истинный театр соединяется с истинно великой музыкой». Успеху спектакля способствовал замечательный тенор Пласидо Доминго в роли Германа.

- Два самых известных современных польских композитора: Кшиштоф Пендерецкий и Генрик Миколай Гурецкий — одновременно отметили свое 70-летие. «Кшиштоф Пендерецкий родился в Дем-

бице 23 ноября 1933 года. Он начинал как убежденный авангардист, но с течением времени перешел на классические позиции, — пишет Яцек Хаврилюк. — На II конкурсе молодых, организованный в 1959 г. Союзом польских композиторов, он анонимно послал три своих произведения. Все три были награждены. Торжественные концерты в честь юбилея Пендерецкого прошли в Катовице и Варшаве. «День рождения Пендерецкого и 50-летие его творческого пути отметило также Польское радио (...) На концерте был исполнен секстет юбиляра и фортепьянный квинтет «Форель» Шуберта. 70 лет между *sacrum* и *profanum* — в этом весь Пендерецкий». Генрик Миколай Гурецкий родился 6 декабря 1933 года. Изучал композицию в катовицкой Музыкальной академии, а в 70-е годы стал ее ректором. Его раннее творчество было связано с авангардом. Затем пришло время редукции, упрощения звучания и наконец обращения к прошлому, к монументальным формам и религиозным текстам. По случаю юбилея в Катовице состоялся «Марафон творчества Гурецкого». «Этот необычный проект, — пишет Анджей Хлопецкий, — был осуществлен Национальным симфоническим оркестром Польского радио совместно с приглашенными коллективами, солистами и дирижерами. Марафон транслировался по II программе Польского радио с 10 утра до полуночи. Почти все произведения Гурецкого на выбор».

- Почетное звание Человека пограничья в этом году присвоено эстонскому композитору Арво Пярту. По словам критика «Газеты выборчей», «его творчество сродни созерцанию. Его произведения, построенные из звуков, подражающих звучанию колоколов, очаровывают». До сих пор звания Человека пограничья удостоивались польский поэт, знаток цыганской культуры и популяризатор творчества Бруно Шульца Ежи Фицовский и литовский поэт, переводчик и историк литературы Томас Венцлова.

- «На этом фестивале нет помпезности, напыщенности и снобизма, которые обычно сопутствуют подобным мероприятиям. Нет роскоши, фейерверков и красных ковровых дорожек. Зато есть прекрасная атмосфера, огромная энергия и сердечность, которые запоминаются надолго», — пишет Барбара Холлендер о лодзинском фестивале операторского искусства «Camerimage». Правда, во время фестиваля лучшим операторам ежегодно присуждаются «Золотые лягушки», но в Лодзи вместо типичного для фестивалей духа соперничества царит редкое в наши дни бескорыстие

встреч людей кино. В этом году в Лодзь приехали, в частности, Джеймс Айвори, Дэвид Линч и Питер Вейр. Главная же премия нынешнего XI фестиваля «Camerimage» отправилась в Бразилию — ее получил Цезарь Чарлоне за съемки фильма «Город Бога».

• **«В Польше власть над местными культурными учреждениями находится в руках органов местного самоуправления. Означает ли это, что они могут делать с культурой что хотят?»** — вопрошает одна из лучших в Польше специалисток по современному искусству Дорота Ярецкая. Все началось с того, что суд вынес художнице Дороте Незнальской вступивший в законную силу приговор за оскорбление религиозных чувств на основании выставленного ею произведения. **«Приговор по делу Незнальской, — пишет Ярецкая, — изменил культурную жизнь страны. Он придал смелости местным политикам, вмешивающимся в дела галерей, а у галерей отбил охоту рисковать (...) Как показывает множество примеров, местные власти все более самовольно управляют культурными учреждениями, считая их почти что своей собственностью».**

• Победительницей организованного «Дойче-банком» и галереей «Захента» конкурса на лучшего молодого творца 2003 года стала Эльжбета Яблонская. Яблонская, автор инсталляций и перформансов, живет в Быдгоще и преподает в торунском Университете им. Николая Коперника. **«Ее творчество, — пишет Агнешка Ковальская, — это остроумный комментарий к статусу и роли женщины в Польше. Наиболее известен созданный Яблонской и размещенный в прошлом году на рекламных щитах «Внешней галереи АМС» образ Суперменки, в которую воплотилась она сама».** Получив премию, Эльжбета Яблонская зачитала текст, написанный совместно восьмью выдвинутыми на премию и осуждающий любые проявления цензуры в искусстве.

• **Действующий при польских журналистских организациях Совет по этике СМИ опубликовал заявление, в котором, в частности, говорится: «В Польше журналистские расследования уже давно стали важнейшим фактором гражданского контроля общественной жизни. Нашим коллегам, специализирующимся в этой области — часто с риском для собственной безопасности, — мы обязаны раскрытием (...) явлений, наносящих вред государству и развитию демократии (...) Мы хотим выразить нашу признательность тем, кто занимается этим, и призвать их к осмотрительности и упорству, ибо мы убеждены, что журналистские расследования — одна из основных обязанностей средств массовой информации».**

• В декабре в Польше появился новый телеканал. По каналу «Кино-Польска» [«Кино-Польша»] будут идти исключительно польские фильмы. **«Канал, показывающий фильмы польского производства, — пишет Вадим Макаренко, — это культурное событие. «Кино-Польска» может стать новым форумом польских кинематографистов и критиков. Кроме того, в программе канала есть постоянное место для независимого кино».**

• **Вновь решается судьба Театра телевидения — самой большой и популярной польской театральной сцены. После ухода прежнего директора Яцека Векслера «у правления ТВП не оказалось никаких планов на будущее театра, который считается флагманом миссии государственного телевидения по развитию культуры», — пишет «Жен-посполита». Между тем две последние премьеры («19-й меридиан» Юлиуша Махульского и подготовленный Ольгой Липинской к юбилею Константы Ильдефонса Галчинского монтаж его текстов под названием «Я не боюсь братьев Роек») получили признание критики и собрали перед телеэкранами многомиллионную зрительскую аудиторию.**

Ирина Юренская

НАГРАЖДЕНИЯ

11 ноября 2002 г. в польском посольстве в Москве состоялось торжественное вручение российским деятелям культуры, искусства и науки польских государственных орденов и ведомственных медалей.

Следуя традиции, в нынешнем году президент Александр Квасневский, министр культуры Вальдемар Домбровский и министр народного образования и спорта Кристина Лыбацкая приняли решение наградить 32 граждан Российской Федерации за особые заслуги в деле распространения польской культуры и науки в России.

Польские ордена и медали вручил награжденным полномочный посол Польши в РФ Стефан Меллер на торжественной церемонии, проходившей в день польского национального праздника — Дня Независимости.

Офицерский крест ордена Заслуги получили **Юрий Афанасьев**, президент Российского государственного гуманитарного университета, и **Александр Новиков**, ректор Всероссийского государственного института кинематографии. Научная и общественная деятельность обоих ученых хорошо известна в России и за рубежом. Под руководством Ю.Афанасьева РГГУ в течение многих лет ведет научный обмен, организует совместные симпозиумы и конференции. Ю.Афанасьев лично участвовал в подготовке совместных польско-российских научных публикаций. А.Новиков в качестве ректора ВГИКа подписал договор с Лодзинской школой кинематографии, в рамках которого ведется обмен студентами и научными работниками. За последние годы во ВГИКе побывали в творческих командировках К.Занусси, Я.Энглерт, Е.Хофман, Е.Штур и многие другие деятели польского кино.

Кавалерский крест ордена Заслуги получили шесть деятелей искусства и науки. **Наум Клейман**, директор Государственного центрального музея кино, киновед с мировым именем, автор многих книг и статей — один из ближайших партнеров Польского культурного центра в Москве. В музее кино регулярно проходят ретроспективы фильмов выдающихся польских режиссеров (А.Вайды, А.Мунка, Е.Кавалеровича, К.Занусси, К.Кесьлёвского, К.Куца и многих других), показы фильмов с участием таких польских актеров, как З.Цыбульский, Б.Тышкевич, Е.Штур (это всего лишь несколько имен за последнее время). По инициативе Н.Клеймана при музее открыт дискуссионный клуб по тематике польского кино. **Михаил Александров**, директор Музыкального общества им. Ф.Шопена, начиная с 1992 г. каждые четыре года проводит конкурсы молодых пианистов им. Ф.Шопена. Эти конкурсы нередко становятся стартовой площадкой для молодых лауреатов, которые позже показывают свое мастерство на Шопеновских конкурсах пианистов в Варшаве. **Ирина Попова** и **Игорь Светлов** — известные искусствоведы, сотрудники Государственного института искусствознания. Ирина Попова, автор многих работ по истории и искусству славянских народов, в качестве заместителя директора института искусствознания, была организатором многих конференций, посвященных польской культуре, и выставок польских художников. Игорь Светлов, автор многих научных работ, посвященных истории искусства стран Восточной Европы, — один из немногих российских специалистов по истории польского искусства XX века. Он — неустанный инициатор и один из организаторов (часто совместно с Польским культурным центром в Москве) польско-российских симпозиумов и конференций, а также выставок польских скульпторов и живописцев. **Лидия Иовлева**, заместитель директора Государственной Третьяковской галереи, ученый-искусствовед, была выбрана координатором фундаментального проекта «Варшава — Москва, Москва — Варшава». **Инесса Свирида**, автор более 200 научных работ, посвященных в основном польскому искусству XVIII–XX вв., стала первым в России доктором исторических наук в области польской культуры и искусства. Ее исследования, где использованы материалы из российских и польских архивов, издавались не только в России и в Польше, но и во многих западноевропейских странах. В течение многих лет она сотрудничает с Польским культурным центром в Москве, выступая с лекциями и ведя семинары по истории польской культуры. Автор статей о польских композиторах в польском издании Музыкальной энциклопедии, участница многочисленных международных и польско-российских научных конференций.

Золотой крест Заслуги получили пять литераторов (переводчики польской художественной литературы, критики и историк) и профессор Московской государственной консерватории им. Чайковского **Наум Штаркман** — выдающийся пианист-исполнитель, лауреат многих международных конкурсов, в том числе конкурса им. Ф.Шопена в Варшаве. Он неоднократно проводил мастер-классы для польских студентов, записал множество пластинок с польской музыкой. Постоянно дает фортепьянные концерты в Польском культурном центре. **Валентин Оскоцкий**, филолог, критик, журналист, общественный деятель и правозащитник. С юных лет связан с польской культурой, в особенности с литературой, о которой много писал как для польской, так и для российской

прессы. Инициатор публикации многих книг польских авторов. **Ирина Рубанова**, известный критик-киновед, часто выступающая в телевизионных программах, — автор многих книг и статей, посвященных истории польского кино, переводчица сценариев, участница многих международных конференций. **Мирон Черненко** — известный киновед, автор многих книг о деятелях европейского и, в частности, польского кино, а также многочисленных статей и эссе, посвященных, главным образом, истории и специфике польского кино. **Иван Созин** — доцент истории МГУ, славяновед, специалист по истории Польши от Средних веков до начала XX века, автор многих работ по истории Польши и России. С 1974 г. — заместитель главного редактора журнала «Вопросы истории». **Лариса Гвозд** — эрудированный музыковед, переводчик польской литературы, специалист Польского культурного центра.

Почетным орденом «За заслуги для польской культуры» было награждено десять человек. **Елена Паршкова** — директор издательства МИК, неустанный популяризатор польской художественной литературы и публицистики. Под ее руководством на русском языке были изданы такие авторы, как Густав Херлинг-Грудзинский, Тадеуш Конвицкий и др. Издательство МИК печатает в России журнал «Новая Польша» и занимается его распространением по всей России. **Алексей Словесный** — главный редактор журнала «Иностранная литература», в течение многих лет предоставляющего свои страницы польской литературе самых разных жанров и самых разных авторов, от маститых патриархов до молодых, начинающих литераторов. **Ольга Громова** — музыковед, редактор радиостанции «Орфей», которая предоставляет своим слушателям возможность услышать классическую и легкую музыку разных стран. Польская музыка занимает в этих программах немаловажное место. В 2002 г. редакция «Орфея» была организатором Московского фестиваля польской музыки. **Михаил Миндлин** — директор Центра современного искусства, сотрудничающего с Институтом Адама Мицкевича и варшавской галереей «Захента». **Наталья Михайлова** — заместитель директора Государственного музея А.С.Пушкина, автор многих статей, посвященных литературному содружеству Пушкина и Мицкевича. **Марина Райкина**, журналист и театровед, неоднократно участвовала в организации Фестиваля авторской песни во Вроцлаве; выступала с авторскими программами в полонийных центрах, принимала участие в работе нескольких театральных фестивалей в Польше. Регулярно публикует в московской прессе статьи о деятелях польской культуры. **Маргарита Чалدرانян** — директор Московского государственного училища музыкального исполнительства им. Ф.Шопена, где учатся также и польские студенты. Училище часто выступает с концертами, в программе которых ведущее место занимает музыка Ф.Шопена. **Леонид Бажанов** — художественный директор Государственного центра современного искусства, сотрудничающего с Институтом Адама Мицкевича и галереей «Захента». **Елена Шиманская**, синхронный и линейный переводчик с польского языка, а также переводчик польской художественной литературы. **Дмитрий Ухов** — музыковед, сотрудничающий с польскими музыкальными журналами, автор многих работ (в том числе статей для Музыкального энциклопедического словаря) о польской легкой музыке второй половины XX века, продюсер фестиваля «Альтернативы», в рамках которого он организовал День польской экспериментальной музыки.

Медаль Комиссии народного образования получили восемь человек — филологи, сотрудники кафедр славянской филологии в различных московских вузах: **Наталья Ананьева** (доцент кафедры славянской филологии МГУ), **Галина Кальник** (заместитель заведующего кафедрой языков стран Центральной и Восточной Европы Российской международной академии туризма), **Ольга Катречко** (старший преподаватель кафедры европейских языков РГГУ), **Лариса Колобкова** (заведующая кафедрой славянских языков Калининградского университета), **Леонид Мальцев** (доцент кафедры иностранной литературы Калининградского университета), **Нина Селиванова** (старший преподаватель польского языка кафедры языков Центральной и Юго-Восточной Европы МГИМО), **Татьяна Тихомирова** (доцент кафедры славянской филологии МГУ) и **Ольга Шапкина** (доцент кафедры славянских языков МГУ).

Катажина К. Гардзина

ВИРТУАЛЬНЫЙ ТЕАТР

*Польский театр танца — Познанский балет
празднует свое 30-летие*

На свой юбилей Польский театр танца (ПТТ) — Познанский балет, единственная польская труппа современного танца со столь долгой историей, подготовил необычную премьеру. Спектакль «...а я танцую» был создан благодаря помощи театрального фестиваля «Мальта», который ежегодно проводится в Познани. В этом спектакле Эва Выциховская, директор и хореограф театра, отважилась на весьма трудное и рискованное дело — поставила автоматическое представление. В нем рассказана история труппы, брошен взгляд на несколько важнейших постановок, говорится о жизни танцовщиков, притом спектакль широко черпает материал из индивидуальностей солистов Познанского балета. Из этой смеси возник чрезвычайно оригинальный спектакль, каждый из эпизодов которого мог бы свободно стать отдельной миниатюрой или началом совсем иного сюжета. Кто-то сравнил «...а я танцую» с чатом — разговором в Интернете: тема разделяется на ниточки, из которых участник дискуссии может выбрать одну и идти за ней куда-нибудь в сторону или же по-прежнему стараться следить за всеми. Это немного коллаж, немного разговор с публикой по душам.

— От зрителя Польского театра танца я требую немногого — только восприимчивости, — говорит Эва Выциховская.

На восприятие «...а я танцую» действительно стоит настроить все сенсоры. Увидеть и услышать рассказ о любви к танцу — универсальному языку тела.

Театр был создан в 1973 г. по инициативе городских властей и артистических кругов Познани. Возглавить его поручили видному танцовщику и хореографу Конраду Джевецкому. Почти 15 лет Джевецкий создавал свой собственный, авторский театр, ставя спектакли, опережавшие эпоху. Труппу считали (и считают по сей день) одним из самых интересных коллективов такого типа в Европе, она получала многочисленные приглашения на международные балетные фестивали.

В 1988 г. генеральным и художественным директором ПТТ стала Эва Выциховская, балерина, много лет танцевавшая в Лодзи, хореограф и педагог. Ее приглашали сотрудничать американские, итальянские и немецкие труппы, много раз она входила в жюри польских и международных балетных конкурсов. Выциховская продолжает дело Джевецкого, но одновременно она выработала свой собственный стиль — и не только хореографический, но и стиль работы с танцовщиками. Кроме многих собственных постановок она подготовила со своей труппой ряд премьер в постановке самых видных иностранных хореографов, занимающихся современным танцем и театром танца, таких, как Биргит Кульберг, Матс Эк, Орьян Андерссон, Мари Бролин-Тани, Вирпи Пахкинен, Дэвид Эрл, Тору Симадзаки и Йоси Берг. В основе концепции Выциховской лежит синтез искусств, где во взаимопроникновении встречаются стили хореографии, драматургии, музыки и изобразительных искусств. В спектаклях Познанского балета равноправные роли даны пантомиме, восточным единоборствам, слову, игре света. Интегральную часть представления, нередко формирующую движение и пространство, составляют сценография и костюмы. В спектакле «...а я танцую» пространство представляет собой круг, усыпанный песком, намеренно затрудняющим танец, танцовщицы одеты в жесткие кринолины, танцовщики — в сборчатые юбки, и использованы ходули.

Эта замечательная труппа, за плечами которой огромные достижения, с самого начала своего существования не имеет постоянного помещения.

— Для многих мы виртуальный театр, — говорит Эва Выциховская. Однако директор театра старается во всем найти светлую сторону: — Благодаря этому нам наверняка не грозит рутинная, убивающая настоящий театр.

Спектакль «...а я танцую» — это спектакль о людях, которые танцуют наперекор всему. Труппу действительно составляют энтузиасты. Эва Выциховская говорит о них:

— Если кто-нибудь приходит на прослушивание, а я ему говорю, что здесь ему придется тяжело трудиться, отучиться от многого, чему он научился в балетной школе, выступать в самых разных местах да еще не слишком много зарабатывать, а человек отвечает, что все равно хочет танцевать у нас, а не в другом месте, — значит, он действительно влюблен в танец.

Польский театр танца не только ставит и показывает спектакли. С 1994 г. он проводит самые большие в Европе мастер-классы современного танца, в которых принимает участие несколько тысяч человек. Во время летних занятий можно участвовать в мастер-классах хореотерапии (лечения танцем) и полутора десятков стилей танца — от классического балета до джазового, хип-хопа, танца живота и т.п.

«...а я танцую» — юбилейное подведение итогов и в то же время манифест танцующих людей, людей, влюбленных в танец. На пути от экзамена-прослушивания до участия в труппе, ведущем через пустыню сыпучего белого песка, артисты ПТТ рассказывают, какое важное место в человеческой

жизни и цивилизации занимает танец. Речь идет не только о сценическом танце, танце на публику, представляемом в свете рампы, но и о движении, которое подстегивает ум и в уме зарождается. Перед спектаклем «...а я танцую» в помещении варшавского Национального театра Эва Выщиховская попросила встать людей, которым никогда не случилось танцевать, — во всем зрительном зале не встал никто.

Польский театр танца — Познанский балет стал живым доказательством того, что танцевать следует несмотря ни на что. По-видимому, форма театра танца прямо создана для того, чтобы удовлетворять нужду в тотальном спектакле, соединяющем все виды искусства, воистину спектакле XXI века. У театра нет нехватки признания как в стране, так и за ее пределами, но временами ему не хватает самых основных вещей — своих залов для представлений и репетиций, денег на постановку. В юбилейном году пожелаем театру, чтобы ему всего этого хватало, а в том, что новые идеи и те, кто готов их осуществлять, найдутся, можно не сомневаться.

7 января 2004 г. в Кракове скончался **ЕЖИ СКАРЖИНСКИЙ** — выдающийся художник, сценограф, рисовальщик, иллюстратор, многолетний сотрудник журнала «Пшекруй», создатель театральных и киноафиш. Вместе со своей женой Лидией Минтич-Скаржинской он тесно сотрудничал со Старым театром и театром «Гротеска». Был одним из создателей Группы молодых живописцев (1945), Клуба художников (1948) и Краковской группы (1957), а также членом Международной организации авторов комиксов. На его счету десятки выставок в Польше и за границей.

Коренной краковянин, он был одним из самых замечательных и симпатичных представителей краковской творческой среды. Наиболее характерными чертами профессора Скаржинского знакомые и близкие в один голос называют огромную эрудицию, изысканность, безупречные манеры и доброжелательность. Он был прекрасным собеседником и наблюдателем.

Ежи Скаржинский — автор декораций к спектаклям театра «Гротеска» (1948-1958) и Старого театра (с 1958 г.), варшавского театра «Атенеум» и гданьского театра «Выбжеже», гамбургской оперы и Королевской оперы в Стокгольме. Он создал сценографию к большинству фильмов Войцеха Хаса (в частности, к «Рукописи, найденной в Сарагосе»). Ему принадлежат такие работы, как «Проблематичная архитектура», «В ожидании прихода цыгана», «Ужин у каббалиста», «Искушение св. Антония». Его картины и рисунки хранятся в польских и зарубежных музеях и частных коллекциях. Интересной деталью в его творческой биографии было создание первого польского комикса.

Я ДОВЕРЯЮ МОИМ НАБЛЮДЕНИЯМ, НЕ ЗАБЫВАЯ И О ПСИХОЛОГИИ

Беседа с Ежи Штуром

Ежи Штур

— В интервью и воспоминаниях вы часто подчеркиваете, что интересовались актерским искусством с самых ранних лет. Почему же тогда после школы вы пошли учиться на польскую филологию?

— Я выбрал эту специальность, потому что меня просил отец; такова бы-

ла семейная традиция — учиться в Ягеллонском университете. С перспективы сегодняшнего дня я ответил бы на этот вопрос по-другому. Я приобрел там огромный запас знаний, включая знания о жизни — об общезитии и самостоятельности. Поэтому и сына своего Мацея я попросил поступать в тот же университет: перед тем как пойти в театральное училище, он окончил факультет психологии.

— Вам посчастливилось учиться в «золотой век» краковской полонистике.

— Да, это верно. Я был на первом курсе, когда трагически погиб профессор Клеменевич. Среди моих учителей были профессора Островская, горячо любимая Мария Длуская, Казимеж Выка и Генрик Маркевич. Эти времена я вспоминаю как великий период переполнения знаниями. На третьем и четвертом курсе я стал изменять полонистике с театром. Начал другую жизнь — жизнь фестивалей, подпольных театров, студенческих групп, на что мои педагоги смотрели сквозь пальцы, зная, что я не пойду по пути филологии. Профессор Длуская была великим педагогом и психологом, она мне говорила: «Из тебя не выйдет ни преподаватель, ни ученый, но если ты сумеешь читать эти стихи, то, может быть, благодаря тому, что я тебе их немножко объяснила». Она действительно открыла мне мир лирики, из-за этого позже, уже в театральном училище, я конфлик-

товал с проф. Михаловской, потому что не хотел декламировать. Я считал, что не должен влезать со своим истолкованием между читателем и поэтом: это слишком личный контакт. Мое мнение было заслугой проф. Длуской. Знания, вынесенные из университета, выручают меня всю жизнь. Благодаря им у меня был несколько иной подход к профессии актера, а потом и режиссера. В моих фильмах чувствуется литературная традиция, они возникают из литературы, моралите и поэтической метафоры. Я только что прочитал последнюю книгу Ежи Плиха — у него я чувствую то же образование, руку наших профессоров: все эти стилизации, связи. Мы же вышли из одного гнезда.

— Эугениуш Фульде, который был ректором Краковского высшего театрального училища, когда вы там учились, говорил о вас как об актере, пригодном к драме, комедии, бурлеску, фарсу, скетчам и конферансу. Что вы тогда предпочли из такого широкого веера предрасположенности?

— Я хотел быть драматическим актером, великим драматическим актером. Передо мной стояли величайшие образцы — Ломницкий, Вошерович, Свидерский. Потом я вдруг чисто случайно обнаружил, что у меня есть комедийная жилка, но продолжал рассматривать это как нечто маргинальное. На мое отношение влияла атмосфера Старого театра. Мои коллеги не переносили склонности к развлекательному комедианству. Конечно, на улице я не мог уберечься от популярности, но, входя в театр, смирялся. Случались даже конфликты с коллегами и моими бывшими преподавателями, и мне пришлось быстро отказаться от своих эстрадных подвигов. В Италии, например, меня по сей день считают драматическим актером.

— В Старом театре, куда вы попали сразу после диплома, Анджей Вайда ввел вас в спектакль «Бесь» вместо Войцеха Пшоняка. Режиссер велел вам подражать своему предшественнику, а вы создали совершенно другого Петра Верховенского. Скажите, пожалуйста, какова была ваша концепция этой роли?

— Для Вайды важнее всего было, чтобы спектакль не утратил своего ритма — истерики, издерганности, которую еще подчеркивала музыка. Ритм был основным компонентом спектакля. Безумный, когда играл Войтек Пшоняк, этот ритм не мог измениться лишь потому, что появился новый исполнитель. Я это сознавал, поэтому первоначально играл быстро, так чтобы сцена вмещалась в рамки того же времени. Пшоняк играл эту роль два года, я — двенадцать, так что мой Верховенский выработывался усердным трудом. Мне кажется, что Войтек меньше занимался психологизацией — его персонаж был квинтэссенцией зла, без лишних психологических оттенков. Он бежал через сцену, лишь изредка задерживаясь на одну психологическую реакцию. Я же шел по психологическому следу, притом не теряя темпа. И зритель (так мне, по крайней мере, кажется), глядя на него, видел зло, а глядя на меня, приходил к выводу: какой злой этот человек, с атрофированными чувствами.

— *Кшиштоф Миклашевский в «Лицах театра» писал, что ваш Верховенский ведет себя как животное, которое подбегает к жертве, кусает ее и отскакивает.*

— Недавно я увидел жуткие съемки футбольного матча, где хулиганы били санитаров, желавших помочь избитым. Они били их, чтобы те не могли оказать помощь. Вот это и есть психика Верховенского и мои «Бесы».

— *Свои первые роли в кино, например в «Заводиле» и «Любителе», вы основывали на психологической конструкции героев Голя и Чехова, которых раньше играли в театре. Какое значение для вас имеет русская школа театра и кино?*

— Я ответил бы на этот вопрос в двух планах. Театр психологического реализма — это мой театр; я как актер воспитан в этой технике, играю в этом репертуаре, всю жизнь учу других; таким образом, широко понимаемая система Станиславского лежит в основе моего труда — педагогического и театра слова. Станиславский, перенесенный на краковскую почву, — это прежде всего уважение к слову как самому главному средству театра. Лучший тому пример — мой спектакль «Контрабасист», где я намеренно отказался от всех постановочных средств, чтобы проверить, сумею ли я на протяжении двух часов заинтересовать зрителя словом.

Второй план — этический, исходящий тоже из Станиславского: жизнь в театре как служение. Актер должен выполнять служебную роль по от-

ношению к пьесе. Театр стал для меня самым важным местом — здесь нельзя предаваться самолюбиванию. Я никогда не построил бы ни одной роли, опирающейся исключительно на показ моего мастерства, — любую роль я всегда чему-то подчинял. Поэтому у меня бывают конфликты с рецензентами и членами жюри кинофестивалей в Польше, так как у нас все еще жив культ театрализации. Мои герои — серые, как будто слегка размазанные малым реализмом. Это точнейшие конструкции, только невидимые; этой технике я учился у американцев и Кесьлёвского. Это также служение и дух русской литературы. Мне повезло, что в театре я встретил Анджея Вайду, который как раз переживал период увлечения Достоевским. Недавно я узнал, что он будет ставить «Бесов» с русскими актерами в Москве, в театре «Современник». Замечательно, я очень рад и обязательно поеду посмотреть.

Некоторые считают, что роль в «Преступлении и наказании» — вроде бы самая главная моя театральная роль. Она действительно принесла мне величайшее профессиональное удовлетворение. Это было время, когда в Польше «железный занавес» начал гнуться, а Старый театр стал ездить на гастроли за границу, показывая во многих странах инсценировки Достоевского. Я имел возможность показывать эту роль по всему миру — от Монтевидео до Иерусалима.

— *А правда ли, что, строя роль Порфирия Петровича, вы использовали собственный опыт допросов следователем госбезопасности?*

— Актер использует многое. Роль такого типа требует наблюдений, но также и семейных преданий; вся моя семья — юристы, отец был прокурором. Роль Порфирия была функцией множества событий, хотя приключение с органами действительно имело место. Допросы были крайне уничительными, включая долгое ожидание в коридоре. Проходили люди, глядели на меня и задумывались: откуда, мол, я этого типа знаю? Потом мы с Анджеем это обсуждали — всю атмосферу допросов: что сказать, чего не сказать. Моя роль опиралась на наблюдение, но не меньше в ней и психологии. Порфирий Петрович во имя справедливых принципов применяет страшно несправедливые методы: унижает человека, не считается с ним, доводит его до такого психического состояния, которое не позволяет продолжать логическую связь мыслей. Порфирий все время манипулирует другим человеком — это было воистину ужасно в этой роли. Цель у него точно такая же, как у Сони,

да методы совершенно другие. Вайда так построил свой спектакль, что в нем было всего три действующих лица: этот бедный, потерянный Раскольников, а по обе его стороны два крыла — Соня и Порфирий. Цель была показать две возможности того, как довести человека до покаяния. У Порфирия вышло — довести до полного психического распада. И я должен вам сказать, что потом в России я смотрел на мир через эту призму. Я много работал в России и наблюдал, как в таком роде забавляются другим человеком.

— *Вы в России популярны.*

— О да! Невообразимо, но русские видят во мне звезду. В Кремле меня ждал человек на 30-градусном морозе, чтобы сфотографироваться со мной. Проходил показ моих фильмов, и я пережил чудесные минуты. Нигде во всем мире я не пережил ничего подобного. Встреча со мной после сеанса продолжалась пять часов. Пять часов люди сидели со мной в зале, а я думал: «Откуда у вас время взялось?» Когда мы всё переговорили об искусстве, стали спрашивать: как им жить? Это же вопросы живьем из Чехова! Культ артистов в России невероятен.

— *Русские исключительно ценят польскую культуру, а актеры в России всегда располагали большей свободой слова. Культ артиста был противоядием официальному «культу личности».*

— На Арбате ко мне подошел человек и сказал: «Двое вас. Даниэль Ольбрыхский — он такой герой. А ты такой наш любимый сынок*!» Невроятное чувство.

— *Недавно вам предложили сыграть в картине молодого русского режиссера Романа Качанова «Время перед рассветом». О чем этот будущий фильм?*

— Я получил сценарий на прочтение. Купил новый русско-польский словарь, а заглянул в него, может, только раз: читал на одном дыхании. Автор — Александр Гельман, с которым я потом встретился и очень хорошо вспоминаю нашу встречу. И вот на примере этой встречи я очень часто думаю о русском народе... так трудно мне его понять. Александр Гельман, русский еврей, не знал книг недавнего нобелевского лауреата Имре Кертеса, и я стал рассказывать ему «Утраченную судьбу» — это неслыханное повествование о мальчике, который в 16 лет попал в Освенцим и на все глядит как на игру, на приключение; говорю, что это невероятная точка зрения на трагедию, о которой, как нам казалось, мы уже всё знаем. А

Гельман мне отвечает таким спокойным тоном: «Я тоже был ребенком в таком лагере, и подо мной умерла мать. Я на ней грелся, это был единственный источник тепла, — и вдруг она стала холодной». Услышав это, я подумал: «Господи Боже, что ж я его Кертесом хочу удивить!»

И много раз подобным же образом русские удивляли меня тем, как мудро они переживают свою судьбу, которая стоит по-над всякой литературой.

Сценарий Гельмана рассказывает о судьбе русских евреев со времен войны и по сей день. Это рассказ о двух спасшихся от геноцида в Литве — мальчике и девочке. Я играл всю московскую часть и то, что происходит в Израиле. Прекраснейший сценарий о любви, в конце концов исполненной спустя долгие годы: герои встречаются за два месяца до смерти одного из них.

— *В «Заводиле» Фалька вы сыграли «первую гниду» ПНР. Не тяжело ли актеру затем освободиться от стереотипа характерной роли?*

— Так вы оцениваете эту роль в качестве зрителя. А я к этому парню подходил иначе. Мне его было жалко, он меня завораживал своим быстрым бегом по жизни. Роль Данеляка в известном смысле можно считать плодом роли Петра Верховенского, так как Анджей Вайда опекал этот фильм, снимавшийся в студии Х. Перед началом съемок он сказал мне: «Юрек, ты в этой роли должен все время бегать. Потому что если бы этот парень остановился, то задумался бы о том, сколько свинств натворил». В этом весь Вайда! Он умеет одним намеком поставить на место целую роль. Я перевел это замечание в жесты, поведение, прибавил несколько черточек на грани интимности, и возник характерный герой, ныне уже забытый.

— *У этой роли были и какие-то последние действия, вам делали какие-то неподходящие предложения...*

— Ну, так уж оно складывается, что роль может тащиться за актером, как хвост. Люди не размышляли, сколько здесь моего труда, творчества, а сочли, что я такой и есть, и предлагали проводить разные эстрадные мероприятия. Это и был тот переломный момент, когда я сказал себе: хватит эстрадных дурачеств, а то все пойдет не в ту сторону.

— *После карьериста в «Заводиле» был неуклюжий поляк-неудачник в «Гражданине Пищике» и Швейк в инсценировке романа Гашека. Не приходила ли вам в голову мысль создать «галерею польских изъядов», как в Италии это сделал Альберто Сорди?*

* Курсивом — по-русски в тексте.

— Вопрос в том, что я боюсь этого стыка социальной проблематики с искусством; не хочу впадать в публицистику, где вместо творчества возникнет всего лишь сатирико-публицистический рассказик. Я принадлежу к совсем иной школе. Меня больше интересует человек, которого я бросаю в глубокие воды мира. Если бы я нашел идею и замысел на одну личность и если бы только эта личность увидела, что вокруг нее творится, тогда, может быть, этот замысел можно было бы продолжить.

С возрастом я все больше погружаюсь в психологию, а идея «польских изъязнов» могла бы меня ограничить. Мир кривого зеркала у меня уже за спиной.

— *Можно ли в театре впасть в рутину одной роли? Например, «Контрабасиста» Зюскинда вы играли 17 лет.*

— Я и сегодня иногда его играю: театральное училище на этом неплохо зарабатывает. А что касается рутины, так на то и профессиональный актер, чтобы рутины не было заметно.

— *Вначале вам было 37 лет, потом стало за 50. За такой период должны же наступить какие-то изменения в психике человека?*

— И этого я особенно стыжусь. Когда мужик тридцати с чем-то лет кричит, почему он не может поиметь эту красивую певицу, — это проблема: я сижу в этой дыре для оркестра, а она себе ходит по ресторанам с тенорами. Но когда что-то подобное кричит мужчина на шестом десятке, это смущает. Хотя, должен признаться, недавно я играл «Контрабасиста» во Вроцлаве на Фестивале театра одного актера, и ко мне подходили люди сказать, что смотрели спектакль 15 лет назад и что теперь он приобрел совсем другие качества. Они чувствуют, что спектакль стал куда экзистенциальней и ностальгичней. Огромное удовольствие мне доставляют отклики молодых зрителей, которые пришли на спектакль, потому что мама говорила, что он очень хороший. На рубеже октября и ноября я обычно играю «Контрабасиста» в театральном училище, где весь первый курс сидит во всю длину лестницы. Приятно, что я столько могу показать молодым поколениям.

Важное качество пьесы — непосредственный контакт с публикой. В связи с этим партнер каждый день меняется: каждый день я выбираю себе каких-нибудь двух-трех женщин в зале и играю для них, а остальные думают, что для них для всех. Поэтому роль не дает скучать.

— *Роль в «Сексмиссии» вы считаете своего рода шуткой. Однако нельзя ли сам сюжет, оценивая его сквозь призму феминизации сегодняшнего мира, считать антиутопией в кино?*

— Я читал мнения феминисток о «Сексмиссии», и оказалось, что это смешной, глупый и сексистский фильм.

— *Я не феминистка. Стараюсь убеждать от ортодоксальности в любом виде, а этот фильм решительно показал нам то, что может угрожать в будущем. Тогда, в 80-е годы, еще никто не принимал этого всерьез, сегодня — уже принимают.*

— Но там есть и такая хитрость, что все-таки всем миром управляет мужчина. При тоталитарном режиме этот фильм хорошо смотрелся, так как говорил о манипулировании. Однако все было проткано таким доброжелательным юмором, что, зная Юлиуша Махульского, я допускаю, что ему важнее был чистый абсурд, чем антиутопические послышки.

— *Благодаря Совету театроведения Пизанского университета, интересующемуся творчеством Виткация, вы попали в Италию как актер и педагог. Со временем вас признали там лучшим иностранным актером.*

— Действительно, в этом активно участвовал Совет театроведения, но сам я попал туда через театр Понтедеры. Итальянцам хотели показать Виткация, и все организовал Пизанский университет. Это был симпозиум польских специалистов по Виткацию, выставка портретов Виткация из Слупска и спектакль, в котором мне повезло сыграть. Ставил Джованни Пампильоне, он же и перевел пьесу. После этого спектакль пригласили на гастроли в Рим и Милан — два главных культурных центра Италии. Там меня увидели критики, и с этого все началось. Со временем я начал преподавать в театральных училищах, а тем временем в Италии стал безумно популярен Анджей Вайда. Он показывал спектакли «Настасья Филипповна», «Преступление и наказание» и «Эмигрантов» Мrożека, где я тоже играл.

Наступили 90-е годы, и на Венецианском кинофестивале я показал «Любовные истории» и «Неделю из жизни мужчины». Фильмы принесли мне необычайную популярность и несколько итальянских премий. Вскоре я поеду со своим последним фильмом на фестиваль в Триест.

— *Кинофильм «Шрам» был дебютом Кишиштофа Кесьльёвского в игровом кино и вашим дебютом в кино. Кесьльёвский гово-*

рил о вас: отличная техника, замечательное знание действительности и сверх того — настоящий ум. А как повлияло на вас сотрудничество с Кесьлёвским?

— Он был человеком, с которым я очень считался, в том числе и когда приходилось делать жизненный выбор. Он обладал такой харизмой, что «Сексмиссию» я даже боялся ему показать. Он был способен прямо выложить, что я сделал какое-то дерьмо, или ничего не говорил, что тоже было страшно, если я знал, что он видел, был в кино, а говорить не хочет.

— В таких ваших необычайно красивых и трогательных картинах, как «Любовные истории», «Неделя из жизни мужчины» и «Большое животное», живет дух Кесьлёвского.

— Потому что он все время рядом со мной. Работая над фильмом, я постоянно проверяю себя: тут я к нему приблизился, там отошел; здесь бы он меня похвалил, а там — обругал. Я работаю с операторами из его съемочной группы, например с Эдвардом Клосинским, так что это «дежавю» постоянно появляется. Иногда мы с Эдеком обсуждаем: «А знаешь, Кшисек сделал бы это так-то и так-то».

В кино я был с Кесьлёвским с самого начала. С Францишеком Печкой мы были его первыми профессиональными актерами. И даже могу сказать, что мы вместе выработали собственную технику. Он не занимался долгим обсуждением роли, только часами показывал свои документальные фильмы и людей, которые его чем-то особо тронули. Я смотрел с ним, думая при этом, на что он особенно реагирует. Так между нами протянулась нить понимания. Я был театральным актером, а он не позволял притворяться, заставлял быть подлинным. Он прекрасно знал, что таким образом человек обнажается, хоть по природе и не эксгибиционист, и ценил этот труд и самоотречение, знал, во сколько эмоций это обходится. Мы были группой актеров, посвященных в тайну. Под конец его жизни в этой группе преобладали женщины — они чувствовали его лучше всех, поэтому он под конец создал для них такие прекрасные роли.

Он еще консультировал «Любовные истории», постоянно упрекая меня в недостатке психологических мотивировок. Я старался объяснять ему, что это не психологический фильм, а моралите, а он ощущал, что здесь материалу на четыре фильма. Три дня спустя после нашего последнего разговора он умер.

— Ваш последний фильм «Погода на завтра» — трагикомедия. Классик этого жанра — Феллини со своим «Амаркордом».

— Надеюсь, что мой фильм находится в рамках этого жанра. Мне приходилось слышать, что он одновременно смешной и горький.

— В «Погоде на завтра» слышен гоголевский смех сквозь слезы.

— Так далеко бы я не пошел: у Гоголя был страшный сатирический бич. Зато сам я действительно вышел из Гоголя. Я играл Городничего в «Ревизоре», в «Игроках», поставил «Женитьбу» на телевидении. Но в моем фильме, пожалуй, нет столь резкой карикатуры.

— Почему вы выбрали этот жанр? Лучший ли это способ пережить и понять нашу польскую действительность?

— Тадеуш Соболевский в журнале «Кино» написал, что кинокритики подходят к этой картине пренебрежительно и что это несправедливо. «Погода на завтра» — это попытка метафорически показать сегодняшний мир, большой, гротескный; а критики обвиняют меня в публицистике. До сих пор его посмотрело 200 тысяч зрителей. Не верю, чтобы такое множество людей пошло на публицистику.

Этот фильм балансирует на грани жанра, и это балансирование я считаю своим самым большим жизненным приключением. У меня за плечами долгая актерская практика, благодаря этому я могу создать атмосферу: где должно быть смешно, где — трагично, а где следует публику на мгновение заставить утихнуть. Без этого умения за трагикомедию лучше не браться. Я хотел бы показать свой фильм на Московском кинофестивале. Меня безумно интересует мнение русских.

— Чувствуете ли вы сегодня себя больше деятелем кино, чем театра?

— Так сложилось. Кино поглощает невероятно много времени, театру же надо служить, а не ходить в звездах. Станиславский как раз таких из театра выгонял.

*Специально для «Новой Польши»
беседу вела Сильвия Фролов*

Отклик на статью Ежи Помяновского «Сегодня у нас тоже есть русские друзья»

Спасибо, что вспомнили и «замолвили слово о бедном гусаре»... Считаю, что Ваша статья в «Газете выборчей» [там появился польский оригинал статьи нашего главного редактора, русский перевод которой выходит в этом номере «Новой Польши». — *Ред.*] хорошо выводит на чистую воду таких бессовестных фальсификаторов истории, как Мухин и ему подобные. Поражает здесь то, что Мухин прекрасно знает, что пишет ложь, но есть такие люди, которым хоть кол на голове тещи, а они будут продолжать свое, так как это дает им возможность быть «на устах» и удовлетворяет тщеславие. Ложь во имя родины он не считает грехом, но как писал Ш.Монтескье «...нужно быть правдивым во всем, даже в том, что касается родины. Каждый гражданин обязан умереть за свою родину, но никого нельзя обязать лгать во имя родины».

Как бы очернители правды ни старались, все равно из Мухина Слона не сделают.

Удручает то, что такая чушь издается, а правда и документы откладываются в «долгий ящик». Видимо, кому-то выгодно это — чтобы вместо правды и постановки вопроса о финансовой компенсации российской стороной полякам, пострадавшим на Востоке, муссировалась разная чушь и бредни.

В своем приватном расследовании катынских преступлений, зная что совершенно секретные документы о Катыни — за семью замками (как потом писали, тайна Кремля №1), я сосредоточился на поисках еще живших в то время свидетелей — бывших сотрудников НКВД г. Смоленска, и мне это удалось. Их признания мне удалось письменно зафиксировать, передать в газеты и на радио, а позже их фамилии я передал Гребецкому из прокуратуры. Когда руководство КГБ во главе с Крючковым организовало на меня гонения, немало людей оказали мне моральную поддержку (в том числе поляки М.Журавский, Кристина Курчаб-Редлих, ксендз Пешковский, Т.Пеньковский и др.). Конечно, были и угрозы по телефону, и оскорбления. КГБ готовило на меня материалы для суда. Помню, на одном из партсобраний с темой «О недостойном поведении Закирова» один из старых сотрудников НКВД (который начал работу еще при Берии) кричал на меня с пеной у рта: «Тебя надо тоже расстрелять! Поставить к стенке, как и польских офицеров!»

Сейчас, слава Богу, правда о Катыни прозвучала на всю Россию и на весь мир. Если, даст Бог, будет что-то еще наподобие Нюрнбергского процесса над сталинскими преступлениями, то материалов для обвинения достаточно. Однако, к сожалению, весной 1990 г. в горбачевском признании этого преступления не все звучит как надо: так, например, виновником назван Берия и его подручные... а главный виновник Джугашвили-Сталин не упоминается. Кто такой был Берия — подручный палач, а решал всё тиран всех народов Сталин.

Что еще хотелось бы отметить: вот профессор В.Волков говорит об антироссийских настроениях в Польше, но я здесь живу уже несколько лет и ничего подобного не слышал. Да и для россиян Польша никогда не была (и уже не будет) второразрядной страной. Все в России знают о роли «Солидарности», которая без выстрелов и войны (благодаря духовной поддержке великого поляка — Папы Кароля Войтылы — Иоанна Павла II) развалила всю сталинскую империю, построенную на костях жертв репрессий из многих народов — русских, украинцев, поляков, чехов, чеченцев, армян, калмыков, узбеков и др. Скажу еще, что в эту духовную победу внесли свой трагический вклад многие польские патриоты, погибшие на Востоке, в том числе и польские офицеры погибшие в Катыни, под Тверью и Харьковом и в др. местах.

Еще в 1863 г. в редакционной статье журнала, отредактированного Ф.М.Достоевским, писалось, что спор между двумя близкими славянскими народами не должен решаться на поле битвы, а решится он в духовном соревновании. Припомню, что после этой статьи (которая вызвала истерику в националистически настроенных кругах) журнал Достоевского был закрыт, а он со своей семьей (и семьей брата) оказался без средств к существованию.

Папа Иоанн Павел II, оказавший решающее влияние на те перемены, которые произошли в Восточной и Центральной Европе, продолжает борьбу за духовное единение всех славян и других народов (у всех нас один Бог), борется за торжество христианских ценностей в новой унии (Европейском союзе) и во всем мире. Этим Папа хочет поставить моральный барьер перед угрозой новых диктатур и тиранов. Время течет быстро, и все будущее наше зависит от того, как быстро успеем мы сконструировать этот моральный барьер или контроль над государственным аппаратом. Одно ясно, что Церковь и другие организации верующих, а также крупные ученые, гуманисты и правозащитники должны сыграть в его создании решающую роль. Времени мало, как писал об этом Даниил Андреев, писатель, обладавший духовным предвидением, в своей знаменитой книге «Роза Мира». Пока же о реальном моральном контроле можно только мечтать.

Олег Закиров

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

- «Бал в опере» Юлиана Тувима в переводе А.Эппеля
В.Бартошевский о диспуте с немцами
Л.Волосюк о «Великом Новгороде» Стефана Братковского
Л.Колаковский об основах права
В. и Р.Слизовские о дневниках генерала Старинкевича
Беседа с Ядвигой Стшелецкой
М.Выка о Станиславе Бжозовском
Рассказы Михала Гловинского
А.Колаковская о политкорректности
К.Бурнетко: Газетный киоск
А.Вайда о своем пути
Р.Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой
Б.Поцей о Ванде Ландовской
К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши люди: Мария Данилевич-Зелинская
Наши за границей: А.Северин, В.Пшоняк, З.Рыбчинский,
А.Холланд, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Яструна,
Чухновского, Тувима, Херберга и др.

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана,
Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации ПИ №77-1063 от 3 ноября 1999 года)

Новое лицо «Новой Польши» в Новом году!

Уважаемые Читатели, не беспокойтесь. Мы остаемся такими, какими были. Но мы рады сообщить, что наряду с известным Вам традиционным журналом на бумаге, мы решили создать интернет-страницу.

Виртуальная версия «Новой Польши» содержит постоянно пополняющийся архив: содержания всех номеров, важнейшие тексты, последний номер, анонсы, а также текущие обзоры польских еженедельников, которых Вы не найдете в традиционном журнале!

Заходите на интернет-страницу «Новой Польши»:

www.novopol.ru

Пишите!

twórczość

Старейший польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике. Оказывает влияние на перемены в польской литературе.

Dialog

Ежемесячник, посвященный современной драматургии.

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник знаний о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы.

dwutygodnik **ruch muzyczny**

Старейший и единственный в Польше журнал, посвященный музыкальному творчеству, теории и практике музыки. Выходит 26 раз в году.

НОВАЯ ПОЛЬША

Единственный журнал о Польше на русском языке. Богатая подборка публицистики польских и российских авторов. Переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков.

LITERATURA na świecie

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие годы публикующий все интересные новинки современной мировой литературы.

Biblioteka Narodowa. Dział Wydawniczy Czasopism Patronackich,
02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax (+48 22) 6082488, tel. (+48 22) 6082374

Cena 6 zł w tym VAT 0%

